НИКОЛАЙ
ЭРНЕСТОВИЧ
БАУМАН

МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ
1937

Институт
истории партии
при МК ВКП(б)

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Николай Эрнестович БАУМАН

Сборник статей,
воспоминаний и документов

МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ
1937

Бауман Н. Э. в годы окончания ветеринарного института (1895 г.).

ПРЕДИСЛОВИЕ

Николай Эрнестович Бауман принадлежал к категории людей, которые под руководством В. И. Ленина, в условиях величайших трудностей и жестоких репрессий, создавали большевистскую партию, как партию нового типа. Созданию героической партии Ленина—Сталина была посвящена и вся без остатка отдана жизнь Николая Эрнестовича Баумана. Бауман всю свою сознательную жизнь и неиссякаемую энергию пламенного революционера поставил на службу рабочему классу и его партии. Будучи еще юношей, он становится активным участником революционного движения в Казани и Самаре. Позднее Бауман является активным членом Петербургского «Союза борьбы». Уже в этот период Бауман подвергается арестам и преследованиям.

Скрываясь от преследований, Бауман перебирается за границу, где включается в активную работу ленинской «Искры». В период II с'езда Бауман является одним из виднейших деятелей нашей партии.

В конце 1901 г. Бауман по поручению Ленина едет в Москву, где становится организатором и руководителем московской организации РСДРП. Он направляет всю работу Московского комитета в духе ленинской «Искры». На основе глубокого изучения рабочего и социал-демократического движения Бауманом был написан исключительно яркий доклад II с'езду партии о социал-демократическом движении в Москве. На II с'езде партии Бауман присутствует в качестве делегата от московской организации и по всем вопросам решительно поддерживает ленинское большинство с'езда.

Вскоре после II с'езда Н. Э. Бауман снова, по поручению В. И. Ленина едет в Москву, чтобы руководить работой московской организации. Под руководством Баумана московская организация большевиков сумела развернуть значительную работу среди рабочих Москвы. Бауману удается

организовать нелегальную типографию и поставить широкое распространение листовок и прокламаций. МК в ряде своих постановлений требует созыва III с'езда и выражает свое полное согласие с линией В. И. Ленина. Кипучая революционная работа Баумана прерывается новым арестом и заключением Николая Эрнестовича в тюрьму.

Революция 1905 г. освобождает Баумана из тюрьмы, и он снова на боевом посту пламенного революционера, во главе московского пролетариата. На этом славном посту, с ленинским знаменем в руках, Бауман был зверски убит рукой царского охранника. Злодейское убийство Н. Э. Баумана вызвало величайшее негодование и протест в рядах рабочих и всех трудящихся Москвы. В знак протеста против этого подлого убийства пролетариат еще теснее сплотил свои боевые ряды вокруг партии Ленина—Сталина, подняв революционную борьбу с самодержавием на более высокую ступень.

Рабочие и трудящиеся Москвы и всего Советского Союза высоко чтят память о Баумане — славном соратнике Ленина и Сталина, героически погибшем на революционном посту в борьбе за социалистическую революцию.

Светлое имя Н. Э. Баумана присвоено одному из районов социалистической Москвы и целому ряду научных учреждений.

Настоящий сборник имеет целью осветить возможно полнее боевую революционную деятельность Баумана как одного из крупнейших деятелей нашей партии в ее начальный период.

В сборник включены, наряду с документами, личные письма Николая Эрнестовича к родным, воспоминания ближайших товарищей Баумана.

Основная масса документов, включенных в сборник, хранится в Центральном архиве революции.

Сборник подготовил к печати Г. Костомаров.

Общая редакция сборника принадлежит Зеликсон-Бобровской.

В. И. ЛЕНИН

НИКОЛАЙ ЭРНЕСТОВИЧ БАУМАН

Телеграф принес сегодня, 3 ноября н. ст., известие, что в Москве убит царским войском член Российской Социал-Демократической Рабочей Партии, ветеринарный врач Н. Э. Бауман. У гроба его произошла демонстрация, когда вдова убитого, принадлежавшая, равным образом, к нашей партии, обратилась к народу с речью и призывала к вооруженному восстанию. Мы не имеем сейчас возможности дать подробные биографические сведения о павшем товарище. Отметим пока лишь главное. Он начал работу в социал-демократической организации, в Петербурге, в 90-х годах. Был арестован, просидел 22 месяца в Петропавловской крепости, сослан в Вятскую губернию. Бежал из ссылки за границу и участвовал в 1900 году с самого начала в организации «Искры», будучи одним из главных практических руководителей дела. Неоднократно ездил нелегально в Россию. Был арестован в феврале 1902 г. в Воронеже (выдан врачем) по делу организации «Искры» и сидел в Киевской тюрьме. Бежал из нее вместе с 10 товарищами социал-демократами в августе 1902 года. Был делегатом Московского комитета РСДРП на втором с'езде партии (псевдоним: Сорокин). Участвовал на втором с'езде лиги (псевдоним: Сарафский), состоял затем членом того же Московского комитета партии. Арестован 29 (16) июня 1904 года и сидел в Таганке. Освобожден из тюрьмы, вероятно, только на-днях.

Вечная память борцу в рядах российского социал-демократического пролетариата! Вечная память революционеру, павшему в первые дни победоносной революции! Пусть послужат почести, оказанные восставшим народом его праху, залогом полной победы восстания и полного уничтожения проклятого царизма!

Николай Эрнестович Бауман.

Телеграф принес сегодня (3 нояб. н. ст.) известие, что в Москве убит из револьвера войсками член Росс. С.-Д. Р. Партии, ветеринарный врач Н. Э. Бауман. Похороны его превратились в демонстрацию, когда вдова убитого, призывала рабочих отомстить [illegible] партии, обращаясь к народу с речью и призывала к вооруженному восстанию. Мы не можем сейчас восстановить даже подробные биографические сведения о павшем товарище. Вспомним лишь самое главное. Он начал работу в с.-д. организациях ~~[illegible]~~ в Петербурге в 90-х годах, был арестован, ~~сослан~~ (сидел в Петропавловской крепости [?]) сослан в Вятскую губернию. Бежал из ссылки за границу в 1900 году и с самого начала в организации Искры, будучи одним из главных практических руководителей дела. Нелегально вернулся в Россию, был делегатом от Московского Комитета РСДРП на втором съезде партии (псевдоним: Сорокин). Участвовал на втором съезде Лиги (псевдоним: Сарафанный). Состоял затем членом [illegible] Моск. К-та партии. Арестован 16 июня ~~[illegible]~~ 1904 года и сидел в Таганке. Освобожден из тюрьмы, вероятно, только на днях.

Вечная память борцу в рядах российской с.-д. пролетариата! Вечная память революционеру, павшему в первые дни победоносной революции! Пусть послужат почести, оказанные восставшим народом его праху, залогом полной победы восстания и полного уничтожения ~~[illegible]~~ проклятого царизма!

Он был арестован (в феврале 1902 г. в [illegible]) по делу организации „Искры“ и сидел в Киевской тюрьме. Бежал из нее вместе с 10 товарищами с.-д. осенью 1902 года.

Убийство Н. Э. Баумана показывает на-
глядно, до какой степени правы были
соц.-дем. в Петербурге,
назвавшие манифест 17 окт. ловушкой,
а поведение правительства после ма-
нифеста провокацией. Чего стоят
все эти обещанные свободы, пока власть
и вооруженная сила остаются в руках
правительства? Не ловушка-ли в
самом деле эта „амнистия", когда
выходящих из тюрьмы разры-
вают казаки на улицах?

Фотография рукописи некролога, написанного В. И. Лениным по получении известия об убийстве Баумана.

Убийство Н. Э. Баумана показывает ясно, до какой степени правы были социал-демократические ораторы в Петербурге, называвшие манифест 30 (17) октября ловушкой, а поведение правительства после манифеста провокацией. Чего стоят все эти обещанные свободы, пока власть и вооруженная сила остается в руках правительства? Не ловушка ли в самом деле эта «амнистия», когда выходящих из тюрьмы расстреливают казаки на улицах?

«Пролетарий» № 24, 7 ноября (25 октября) 1905 г.[1]

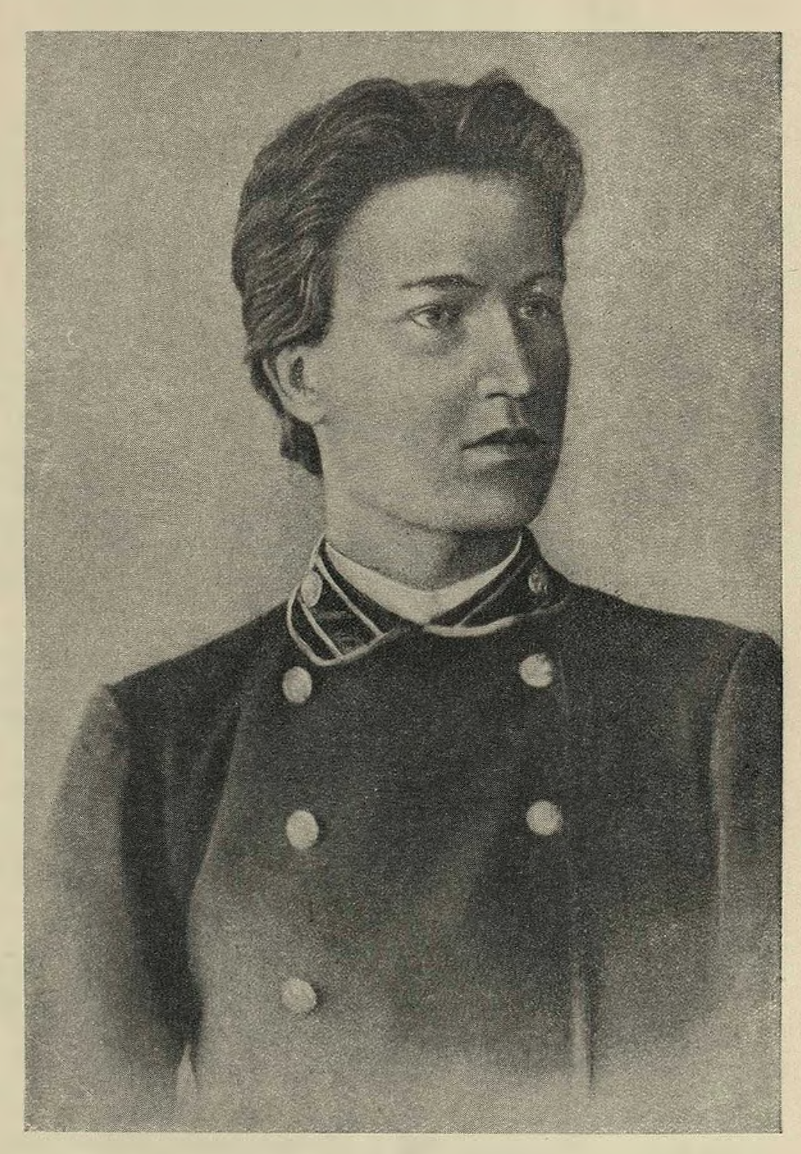
---

[1] Ленин, т. VIII, стр. 358—359.

Ц. Зеликсон-Бобровская

Н. Э. БАУМАН

(биографический очерк)

Н. Э. Бауман в 90-х гг.

ДЕТСТВО, ЮНОСТЬ, НАЧАЛО РЕВОЛЮЦИОННОЙ РАБОТЫ

Человек ленинского поколения, один из ближайших друзей и помощников В. И. Ленина на первых этапах строительства большевистской партии, Николай Эрнестович Бауман родился 17 мая 1873 г. в селении Поранский завод бывш. Казанской губернии, в семье обойного мастера немца Эрнеста (Евграфа) и Мины Карловны Бауман.

Юность Баумана, его политическое оформление происходят в эпоху крупного роста рабочего движения в России и одновременно распространения влияния марксизма на умы наиболее передовых рабочих и лучших выходцев из интеллигенции.

Товарищ Баумана по казанской гимназии Сущинский рассказывает о своих воспоминаниях, как они вместе с Николаем много читали, как искали «смысла жизни» и как юный Николай повторял: «единственно достойный идеал человека — это служить обездоленному народу».

Такого рода умонастроения плохо вязались с обстановкой домашней жизни Николая, ибо семья его была семьей патриархальной, мелкомещанской. Отец Баумана был хозяином столярной мастерской с десятком наемных рабочих, и, таким образом, «обездоленный народ» предстал перед молодым Бауманом в образе рабочих в мастерской отца, рассказывавших хозяйскому сыну о своей холодной, голодной жизни.

Неудивительно, что между Николаем и родителями быстро назревает серьезный конфликт и Николай покидает дом, уходит, не окончив гимназии, из 7-го класса, причем все это сопровождается со стороны матери «родительским проклятием».

Живя на стороне, зарабатывая средства к существованию частными уроками, Николай Бауман в 1891 г. поступает в

Казанский ветеринарный институт, куда принимали и не окончивших полного гимназического курса, и связывается с революционными марксистскими кружками, которые к тому времени уже имелись в Казани. Вспомним, что еще за четыре года до того 17-летний В. И. Ленин был арестован там же в Казани за революционную деятельность.

Николай Бауман не только поддерживает крепкую связь с революционным студенчеством, но ищет и находит пути к рабочим казанских заводов.

Упомянутый Сущинский в своих воспоминаниях так представляет облик Баумана — студента-пропагандиста: «Крепкий и здоровый, с пробивающейся бородкой, Бауман был общителен, имел веселый нрав и открытый характер, с рабочими он знакомился и сходился быстро. Организация кружков шла у него ловко и удачно».

Сущинский вспоминает:

«Когда пришла весна, наполнились водою казанские реки, то под предлогом поездок на лодке, прогулок в луга и на озеро Кабан, где стоял завод Крестовникова, мы снова стали встречаться с рабочими. Самые встречи происходили по праздникам, но сговаривались о них заранее. Иногда рабочих собиралось не мало, и Николай Бауман с ревностью и горячностью прозелита «обращал» их в марксизм. Он умел говорить с рабочими, умел увязывать теорию с практикой, и посеянные им семена марксизма дали потом обильные всходы» [1].

По окончании в 1895 г. ветеринарного института 22-летний Бауман уезжает не надолго на практику в Саратовскую губернию, но очень скоро покидает эти глухие места, чтобы отправиться в Петербург.

РАБОТА В ПЕТЕРБУРГЕ, ТЮРЬМА И ССЫЛКА

В 1896 г., по приезде в Петербург, Бауман связывается с «молодыми» из Петербургского «Союза борьбы», которые, как известно, после ареста в декабре 1895 г. «стариков» — В. И. Ленина и его группы — стали уклоняться от ленинского пути, от указаний Ленина о необходимости сочетания экономической борьбы с борьбой политической.

Увлекшись стачечным движением, принявшим в Петербурге летом 1896 г. широкие размеры, «молодые» в своей пропаганде и агитации выдвигали лозунги, отрывающие экономику от политики, принижающие политическую борьбу рабочего класса до борьбы «за пятачок».

[1] Сб. «Товарищ Бауман», стр. 27—28.

Бауману, ставшему деятельным пропагандистом, которого часто можно было встретить в рабочих районах столицы, приходилось вести идейную борьбу с этими экономистами, с этими будущими меньшевиками.

Интенсивная пропагандистская деятельность Баумана продолжалась до 1897 г. В марте 1897 г. он был арестован царскими жандармами.

Это было первое знакомство Баумана с «прелестями» царских тюрем. Его засадили не в дом предварительного заключения, куда в Петербурге обыкновенно упрятывали «политиков» и где условия были относительно сносные, а в Петропавловскую крепость, в жутких казематах которой он проводит 19 месяцев. Длительное одиночное заключение при столь тяжелых условиях несколько надломило физические силы Баумана, но зато тюрьма еще больше закалила его дух, и из «Петропавловки» он выходит еще более окрепшим революционером-активистом.

О том, какое решение было принято тогда в отношении Баумана, узнаем из следующего документа, найденного в архиве бывшего департамента полиции:

«По всеподданнейшему докладу министра юстиции по обвинению ветеринарного врача Н. Э. Баумана в государственном преступлении 12 декабря 1898 г. высочайше повелеть соизволил: разрешить означенное дело в административном порядке с тем, чтобы по вменению Бауману в наказание предварительного содержания под стражей выслать его под гласный надзор полиции в Вятскую губернию на четыре года».

Вятский губернатор назначил местом ссылки Баумана уездный город Орлов Вятской губернии.

Здесь уже была большая группа ссыльных марксистов, и Бауман вместе с другими товарищами усиленно занимается поднятием своего марксистского уровня. Здесь идет оживленная дискуссия о путях развития приближавшейся первой русской революции, здесь идут разговоры о необходимости созыва с'езда — первого с'езда партии, здесь конспиративно держат связь с находившимся в то время в сибирской ссылке В. И. Лениным, здесь интенсивно бьется партийная мысль. Сюда приходит потом присланный В. И. Лениным знаменитый ленинский протест (протест 17-ти), с об'явлением войны всему кругу идей, изложенных в ренегатском документе, известном под названием «Кредо», авторами которого были теперь махровые контрреволюционеры-эмигранты, а тогда называвшие себя марксистами Кускова и Прокопович.

В сибирской ссылке В. И. Ленину удалось собрать под

своим протестом 17 подписей, а затем «Кредо» вместе с протестом были им направлены в другие места ссылки, в том числе и в вятскую ссылку.

Николай Бауман с полной готовностью дает свою подпись под ленинским протестом.

Прожив в Орлове два года, несколько поправив свое здоровье, подковавшись теоретически, Бауман решает, что пора снова приступать к практической революционной работе, и он бежит из ссылки. Намерения его сводятся к тому, чтобы тайком пробраться в Швейцарию, раздобыть здесь какой-нибудь русский паспорт, чтобы через некоторое время тем же нелегальным путем перейти обратно на русскую сторону, поехать в какой-нибудь пролетарский центр, где поселиться по чужому паспорту и на месте связаться с социал-демократами.

Так Николай Бауман и сделал. За границей он оказался в тот период, когда туда (летом 1900 г.) приехал В. И. Ленин, с которым он до того лично знаком не был.

ЗА ГРАНИЦЕЙ, НА ТРАНСПОРТЕ «ИСКРЫ», ПОЕЗДКА В МОСКВУ, АРЕСТ

«Бежал из ссылки за границу и участвовал в 1900 году с самого начала в организации «Искры», будучи одним из главных практических руководителей дела. Неоднократно ездил нелегально в Россию»,— писал В. И. Ленин о Баумане [1].

В ленинских материалах имеются письма, обращенные к Бауману в период «Искры», документально подтверждающие активную работу его. Приводим для образца одно из них:

«Грачу (кличка Баумана.—*Ц. Б.).*

26 июня 1901 г. Мюнхен.

Итак, вот какое предложение мы Вам делаем: поезжайте тотчас на место, с'ездите с одним из Ваших паспортов к Николаю в Мемель, узнайте от него все, затем перейдите границу по grenzkarte[2] или с контрабандистом, возьмите лежащую по сю сторону (т. е. в России) лит[ерату]ру и доставьте ее повсюду. Очевидно, что для успеха дела необходим на помощь Николаю и для контроля за ним еще один человек с русской стороны, всегда готовый тайно перейти границу, главным же образом занятый приемом лит[ерату]ры на русской стороне и отвозом ее в Псков, Смо-

---

[1] **Ленин,** т. VIII, стр. 358.

[2] Пограничной карте. — Ред.

ленск, Вильно, Полтаву... Вы для этого были бы удобны, ибо (1) были уже раз у Николая и (2) имеете два паспорта. Дело трудное и серьезное, требующее перемены местожительства, но за то дело самое важное для нас»[1].

В конце 1901 г. В. И. Ленин направляет Баумана, как агента «Искры», в Москву, где парторганизация переживает в этот период очень тяжелое состояние, ибо в Москве тогда широко раскинул свои сети начальник Московского охранного отделения Зубатов.

По инициативе Зубатова, под крылышком царской охранки, на средства казны стали открываться «рабочие общества», в которых рабочих натравливали против революционеров. В этих обществах проповедывался социальный мир, рабочим предлагалось не заниматься политикой, а думать лишь о грошовых улучшениях своего быта, да и эти улучшения должны были притти не в результате борьбы, а в результате смиренных просьб, ходатайств, низкопоклонства перед царскими чиновниками, перед хозяевами: «вы наши отцы, мы ваши дети».

Арестованных по политическим делам рабочих и интеллигентов «отечески» допрашивал сам Зубатов в своей квартире, поил их кофе, угощал дорогими папиросами, давал в тюрьму хорошие книги и т. д. Некоторые попадались на удочку, выдавали своих, становились зубатовскими агентами, провокаторами.

Однако, атмосфера в России в то время была так накалена, что через два-три года зубатовские общества стали давать результаты, явно невыгодные полиции, ибо возможность открыто собираться, хотя бы под надзором зубатовских агентов, способствовала дальнейшему революционизированию масс. Вспыхивали забастовки, бившие по карманам буржуазии, и Зубатов вскоре сошел со сцены, даже был выслан из Москвы, а общества его были закрыты.

Зубатовщина, как одна из форм отвлечения рабочих от революционного пути, вскоре возродилась в образе гапоновщины, по имени ее главного вдохновителя, сугубо тайного агента царской охранки попа Гапона.

Все попытки Баумана укрепиться на партийной работе в Москве неизменно натыкались на препятствия: всюду шпионаж и зубатовская агентура, за Бауманом неотступно следят филеры охранки. И он уезжает из Москвы в Киев, отчасти по делам «Искры», отчасти чтобы избавиться от шпиков, но это ему не удается.

---

[1] «Ленинский сборник», VIII, стр. 164—165.

Уже в дороге, у Воронежа Бауман замечает, что и тут за ним следят. Он высаживается у города Задонска, направляется пешком в село Хлебное к местному врачу, которого как «коллегу» просит помочь, но «коллега» оказывается мерзавцем: он доносит в полицию, и Баумана арестовывают.

КИЕВСКАЯ ТЮРЬМА, ПОБЕГ, УЧАСТИЕ ВО II С'ЕЗДЕ ПАРТИИ

Период времени с 1900 по 1903 г. ознаменовался невиданным до того размахом революционного рабочего движения в России.

В это время произошла организованная товарищем Сталиным крупнейшая политическая демонстрация в Батуми 9 марта 1902 г. В это время разразилась всеобщая забастовка в Ростове-на-Дону (в том же 1902 г.) и произошел целый ряд выступлений рабочих на улицах других пролетарских центров.

Перед лицом быстро надвигавшихся событий В. И. Ленин особенно остро стал ощущать недостаток в квалифицированных партийных кадрах. Большое число агентов «Искры», ленинских кадровиков, в том числе и Николай Бауман, было арестовано в разных городах России и свезено в Киев, где известный душитель революционеров генерал Новицкий собирался учинить над ними суд и расправу.

Однако, «показательный процесс в Киеве» неудался. «Искра», Ленин блестяще подготовили и выполнили сложный план организации побега искровцев из киевской тюрьмы, причем одним из организаторов и одновременно участником этого знаменательного события, вошедшего в историю нашей партии под именем «побега одиннадцати», является и Николай Бауман.

Не имея возможности в кратком очерке подробно остановиться на описании этого интересного побега, ограничусь лишь приведением двух иллюстраций: 1) выдержкой из воспоминаний одного из участников побега, теперь покойного товарища В. Бобровского, и 2) выдержкой из донесения по начальству генерала Новицкого, в котором тот описывает свое впечатление о виде тюремного двора после побега.

Тов. Бобровский, описывая Лукьяновскую тюрьму в бытность там Баумана, подробно останавливается на шумных играх, которые политические заключенные затевали всегда на прогулочном дворе, приучая начальство к шуму, под прикрытием которого легче будет бежать. Самым деятельным организатором этих игр был Н. Бауман, о котором т. Бобровский между прочим пишет: «Прозвали мы его (Баумана)

балериной. Ловок, гибок, силен он был и умел в минуты бесшабашного веселья, которое порою находило на всех нас, ловко подражать танцам балерины... Искровцы задумали бежать, из тюрьмы... Нужно было усыпить стражу, но не до смерти. Чтобы знать, как это сделать, в городе для этого специально был врач, который снабжал нас снотворным зельем. И мы, чтобы не усыпить стражу навеки, решили испытать это зелье на себе. Хорошая доза хлоралгидрата усыпила одного из нас, он как по писанному крепко и скоро заснул ровно на полчаса, как предсказал врач.

Во всех приготовлениях Николай Эрнестович принимал самое горячее участие. Из простынь свили веревки для лестницы, на перекладины пошли ножки от венских стульев из камер. Достали с воли якорь «кошку», к которой прикрепили лестницу. Научились строить «пирамиду»: двое внизу, один к ним на плечи, а четвертый к нему на плечи и руками уже мог достать стены, чтобы забросить якорь «кошку», зацепив ею за наружный карниз стены. Все было готово. 18 августа 1902 г. в 9 часов вечера все удалось. Напоили двоих сторожей внутри коридора: один заснул, другой очумел. Я шел по списку последним. Всякий через стену лез своей ухваткой. Лучше, красивее всех взобрался и исчез т. Бауман. Когда я в эти минуты напряжения всех человеческих нервов наблюдал за всеми мелькавшими передо мною при тусклом свете тюремного фонаря фигурами товарищей, движения Баумана мне показались взмахом крыльев легкой птицы» [1].

По свидетельству всех решительно товарищей, бежавших из киевской тюрьмы, среди которых были тт. Литвинов и Пятницкий, Бауман был главным вдохновителем и организатором всего этого сложного дела. Бауман был душою побега.

А вот в каких тонах доносит об этом событии своему начальству генерал Новицкий в тот вечер, когда был совершен побег:

«Отправившись с двумя своими офицерами на место, где арестованные совершили побег, я нашел... прогулочный двор освещенным одним лишь тусклым керосиновым фонарем, у которого стоял часовой, молодой младший тюремный надзиратель Аверченко, с избитым лицом.

В конце прогулочного двора, недалеко от поста часового, находилась висевшая на тюремной ограде самодельная лестница, свитая из кусков тюремных простынь с тринад-

---

[1] «Пролетарская революция» № 9 за 1922 г.

цатью ступеньками, прикрепленная железной кошкой к тюремной ограде, высотою выше 6 аршин.

Висела скрученная из простынь же веревка с узлами, которая служила подспорьем при взбирании на лестницу. Ступеньки были не только из простынь, но также из ободьев венского стула и кусков дерева»[1].

В то время, когда в связи с побегом в Киеве была поднята на ноги вся свора полицейских, жандармов и шпионов, которые рыскали повсюду в погоне за беглецами, Бауман преспокойно оставался целых две недели в Киеве, укрывшись у какого-то своего приятеля, адвоката из сочувствующих, и лишь отдохнув хорошенько, нарядившись важным немцем, барином-франтом, он на шикарном лихаче, в сопровождении «важной дамы» (своей жены, тогда тоже партийного товарища), примчался среди белого дня на вокзал, сел в купе I класса и с полным комфортом укатил дальше.

Через короткое время Бауману удается благополучно перебраться через русскую границу; в первых числах сентября того же 1902 г. он, как и все киевские беглецы, находится уже за границей. Там в этот период шла интенсивная подготовка ко II с'езду РСДРП. Николай Бауман, как один из очень близко стоявших к В. И. Ленину товарищей, был посвящен в ту глубокую идейную борьбу, которая наметилась внутри самой редакции «Искры» при подготовке проекта программы партии.

Борьба, как известно, велась главным образом между В. И. Лениным и Плехановым по важнейшим принципиальным вопросам. Ленину пришлось восставать против шатаний Плеханова и его группы по таким основным вопросам, как диктатура пролетариата, отношение к крестьянству, национализация земли и т. п. В этом споре Николай Бауман был всецело на стороне В. И. Ленина.

Оставаясь за границей, Бауман держит связь с рядом российских парторганизаций и между прочим с московской парторганизацией, которая снабжает его мандатом на II с'езд РСДРП.

На с'езде Бауман выступает делегатом от Москвы под именем Сорокина. Он представляет с'езду обширный письменный доклад о состоянии своей организации (московской) с самого ее возникновения.

Когда на II с'езде происходит раскол партии, то Бауман одним из первых без всяких сомнений и колебаний стано-

---

[1] Сб. «Николай Бауман», изд. Московского Истпарта.

вится горячим защитником ленинской позиции, становится большевиком.

Непосредственно после с'езда Бауман группирует вокруг себя временно очутившихся в заграничной эмиграции товарищей, не успевших еще как следует разобраться в существе происшедшего раскола, раз'ясняет им правильность ленинской линии, заражает энергией и бодростью тех, кто болезненно реагировал на неожиданно обрушившийся раскол до того казавшейся единой партии.

Лично мне, пишущей эти строки, вспоминаются дни глубокой осени 1903 г. в Женеве. В небольшом швейцарском пансионе на площади Пале в Женеве, у меня в комнате, сидят трое и горячо толкуют на тему о расколе партии и тех формах, в какие этот раскол вылился на недавно состоявшемся тогда с'езде «Заграничной лиги русских социал-демократов». Один из них, изящный на вид европеец, поляк с тонкими чертами лица — т. Шварц, он же Орловский, он же В. В. Воровский, громко возмущается поведением меньшевиков, другой, Владимир Бобровский, сильно волнуясь, говорит о тяжестях предстоящей нам по скором возвращении в Россию работы в условиях раскола.

От настроения Воровского и Бобровского мне, только-что приехавшей с работы в России и не успевшей хорошенько ориентироваться, не успевшей «определиться», становится еще тяжелее на душе, но тут на выручку приходит Николай Бауман, вся ладно скроенная фигура которого дышит, несмотря ни на что, жизнерадостной энергией и неподдельным весельем.

В прищуренных глазах Баумана смех. Он кладет руку на плечо Владимира Бобровского и говорит, обращаясь ко мне: «Вот, Елена (моя тогдашняя кличка), мы с Бобриком, как вам известно, ветеринары, а меньшевики, чтобы подкопаться под нас, большевиков, говорят всем: «Вы видите, кто примыкает к Ленину? К Ленину — к большевикам примыкают все ветеринары, а у нас, меньшевиков, настоящие человеческие доктора, у нас Федор Ильич Гурвич (Дан), он настоящий врач, а не какой-нибудь ветеринар».

Не думаю, чтобы тогда кто-нибудь из меньшевиков мог приводить столь «веские» доводы в защиту своей меньшевисткой позиции, скорее всего Николай Эрнестович все это тут же придумал, чтобы рассмешить нас и рассеять хоть на минуту наше мрачное настроение. После этой шутки Баумана всем нам стало легче и веселее. Мы много шутили и смеялись в тот вечер, и больше всех смеялся Николай Бауман.

КАК ВСЕГДА, с В. И. ЛЕНИНЫМ, РАБОТА В МОСКВЕ, АРЕСТ

В переживаемый тогда Россией исторический момент революционное движение поднималось все выше и выше, требуя от партии пролетариата максимального напряжения сил, максимальной собранности.

Между тем меньшевики, захватившие после II с'езда в свои руки центральные учреждения партии, вместе с тем захватили и все технические возможности общения с партией: и полиграфическую базу, и аппарат связи, и партийные финансы. Все это В. И. Ленину и горстке большевиков, остававшихся в Женеве после с'езда около В. И. Ленина, и среди них Бауману, пришлось, заново налаживать.

Но самое важное было поехать в Россию, чтобы помочь местным партийным организациям разобраться в существе происшедшего раскола, а затем информировать В. И. Ленина и его группу за границей о настроениях на местах, об отношении мест к расколу. И вот Бауман в конце 1903 г. направляется В. И. Лениным нелегально в Москву.

О работе Николая Баумана в этот период красочно рассказал мне старый иваново-вознесенский товарищ, ныне умерший, рабочий-металлист Кудряшов, со слов которого мною несколько лет назад записано следующее.

По приезде в Москву в феврале 1904 г. он, Кудряшов, связался с Николаем Эрнестовичем Бауманом, кличка которого тогда была Иван Сергеевич.

Входя в Московский комитет, Бауман старался расширять связи с рабочими.

Связи же эти очень трудно было налаживать даже ему, Кудряшову, работавшему потом в тайной типографии, приходилось, не считаясь с конспирацией, ходить по знакомым ему отдельным рабочим, чтобы через них получать доступ на предприятия. Так, например, с рабочими завода «Густав Лист» он связал Баумана через рабочего Серого и водопроводчика Чукаева. Оба эти товарища оказывали организации прямо незаменимые услуги.

В план Баумана входило, прежде всего, создать тайную типографию, где бы можно было печатать большевистскую литературу. Первая типография была им организована не совсем удачно, на скорую руку, на квартире у одного студента, жившего с женой на Плющихе, в церковном доме. Просуществовала эта типография не больше месяца и, кажется, ничего не успела сделать.

Тов. Кудряшов по поручению Баумана ездил в Вильно и Смоленск за недостающими частями для этой типографии.

Дом по Красносельской улице, где жил т. Бауман (нижние три окна — его квартира).

Через некоторое время тот же студент с женой, фамилии которых т. Кудряшов не помнит, отыскал квартиру на Таганке. Квартира эта была над пустым танцовальным залом, поэтому было очень гулко, когда печатали. Со студентом, ввиду его неопытности, Бауман решил расстаться, а для того, чтобы студенту не было обидно, ему было сказано, что дело это ликвидируется.

Тов. Кудряшов упаковал все в ящики и свез типографское имущество на день к какому-то своему приятелю.

Но работы прерывать нельзя было. Каждый день был дорог. Поэтому, впредь до лучших времен, решено было водворить типографию в квартиру Баумана, или, вернее, его жены Надежды Константиновны Кузьминой[1], так как квартиру снимала она, а Бауман жил непрописанным. Квартира была на Красносельской улице, в доме № 69.

Работа производилась т. Кудряшовым и женою Баумана, а сам Бауман все дни и вечера отсутствовал: был занят различной организационной работой. Печатали прокламации.

К весне Бауман поселился в Петровском парке, в Зыкове,

[1] На самом деле — Медведева.

на даче, а т. Кудряшов со своей женой и ребенком снял квартиру по 2-й Вятской улице (за Бутырской заставой, не особенно далеко от Зыкова), куда перевезли и типографию. У Баумана поселилась девушка из Питера под видом прислуги; «прислуга» эта, а также жена Баумана приходили к Кудряшовым работать. Одна, бывало, шумит на швейной машинке, чтобы производить впечатление, будто здесь портняжная мастерская, т. Кудряшов в это время печатает, другая помогает ему. Печатали максимум по две тысячи листовок, причем часто самим же работающим в типографии приходилось искать пути к читателям этих листовок, к рабочим. Тут много помогали Серов от «Листа» и водопроводчик Чукаев.

Вскоре за дачей Баумана установлен был сыск. Один день был такой, что Бауман не решился выйти из своей дачи, чтобы его не арестовали на улице. Поэтому он послал свою «прислугу» к т. Кудряшову, чтобы тот дал свой рабочий костюм, переодевшись в который, Бауман надеялся с наступлением вечера скрыться. Но так как запасного костюма у т. Кудряшова не было, то он пошел к Бауману домой, там они успели обменяться костюмами, а ночью Бауман должен был скрыться.

Когда т. Кудряшов в костюме и заграничной шляпе Баумана вышел из дачи, за ним кинулись шпики, но ноги у Кудряшова тогда были молодые, сильные, и он не был задержан.

Зато Бауману выбраться незаметно из своей дачи в эту ночь не удалось: дача была окружена со всех сторон, и Бауман, жена его и «прислуга» были все тогда же в июне 1904 г. арестованы. После ареста Баумана т. Кудряшов неожиданно оказался обладателем элегантного костюма, а Бауман сел в тюрьму в драном, грязном костюме т. Кудряшова.

Освободившись от гнавшихся за ним по пятам шпиков, т. Кудряшов отправился к себе домой, снял с себя костюм Баумана и напялил на себя какое-то рванье. И когда во всех прилегающих квартирах началась облава — искали «скрывшегося прилично одетого господина в мягкой шляпе»,— то полиция, зайдя на квартиру Кудряшовых, где было грязно, бедно, даже не стала производить обыска и прошла мимо такой добычи, как типография.

Наряду с усилиями по постановке большевистской печати и по укреплению московской парторганизации Николаем Бауманом была проделана огромная работа по созданию здесь большевистского общепартийного центра, по организации «Северного бюро ЦК», где должны были сосредоточиться нити по подготовке III с'езда партии.

Время было такое, когда необходимость созыва экстренного с'езда назревала с каждым днем все настоятельнее. В партии создалось ненормальное положение: местные организации, опираясь на широкие массы, революционные настроения которых возрастали, почти всюду разделяли большевистскую позицию — революционную позицию В. И. Ленина, а центральные учреждения партии ЦК и Центральный орган — новая «Искра», из редакции которой вынужден был уйти В. И. Ленин, придерживались оппортунистических меньшевистских установок. Пролетариату в грядущих событиях буржуазно-демократической революции отводилась меньшевиками не главная, не ведущая роль, а лишь роль подталкивателя буржуазии.

«Величайшая заслуга Ленина перед русской революцией состоит в том, что он вскрыл до корней пустоту исторических параллелей меньшевиков и всю опасность меньшевистской «схемы революции», отдающей рабочее дело на с'едение буржуазии» [1].

«Три главных вопроса стояли перед партией сознательного пролетариата в России накануне III с'езда. Во-первых, вопрос о партийном кризисе. Во-вторых, более важный вопрос о форме организации партии вообще. В-третьих,— главный вопрос о нашей тактике в переживаемый революционный момент» [2].

Над подготовкой III с'езда много потрудился товарищ Сталин на Кавказе.

III с'езд РСДРП, как известно, был большевистским. На нем приняты решения в ленинской постановке по всем кардинальным вопросам революционной борьбы, вставшим в тот боевой момент перед партией, перед большевиками, перед В. И. Лениным.

На III с'езде были приняты резолюции:

1. О вооруженном восстании.

2. О временном революционном правительстве.

3. О поддержке всех революционных мероприятий крестьянства, вплоть до конфискации земли и организации революционных крестьянских комитетов.

На III с'езде были также приняты важные решения по организационному вопросу (§ 1 устава партии в ленинской трактовке и др.).

За три дня до описанного, третьего по счету и последнего ареста Николая Баумана, 16 июня того же 1904 г.,

---

[1] **Сталин**, Ленин как организатор и вождь РКП. «Ленин и Сталин», стр. 13, Партиздат, 1936 г.

[2] **Ленин**, т. VII, стр. 301, изд. 3-е.

опять «воспоследовало» высочайшее повеление об отмене прежнего решения о ссылке Баумана в Сибирь на пять лет. Вызвано это было ходатайством министра внутренних дел, сообщавшего, что Бауман успел совершить целый ряд новых «преступлений», «дознания» по которым еще не закончены.

УБИЙСТВО И ПОХОРОНЫ БАУМАНА

«Давно гнилое в своих основах, давно отжившее свое время, хищное, неумелое, свирепое самодержавие с ужасом увидало в последние годы, что оно стоит перед пропастью... Красный призрак появился и начал неуклонно наступать на бесконтрольных хозяев бесправной страны».

Так было сказано в извещении о выходе за границей ленинской газеты «Вперед», первый номер которой появился 4 января ст. ст. 1905 г.

Пока Бауман находился в тюрьме, в жизни России происходили огромные сдвиги. Царская монархия дала основательную трещину, особенно углубившуюся после поражения, которое потерпела царская армия в декабре 1904 г. в войне с Японией, когда пала считавшаяся неприступной русская крепость Порт-Артур. Народные массы проснулись от векового сна и открыто заговорили, что дальше так жить нельзя. Черносотенная газета того времени «Московские ведомости» в своем новогоднем номере от 1 января 1905 г. с тоской так определяла положение:

«1904 год превзошел самые мрачные опасения, внутреннее состояние умов расшаталось до смуты, можно сказать, невиданной на Руси со времени лихолетия».

Весть о событиях 9 января 1905 г. с быстротой молнии прокатилась по всей стране и всколыхнула прежде всего рабочую массу крупных пролетарских центров; гнев рабочей массы вылился в грандиозной, небывалой до того стачечной волне.

По подсчету, сделанному В. И. Лениным, за один только январь 1905 г. в забастовках приняло участие 440 тыс. рабочих и работниц, в то время как средняя годичная цифра бастовавших в России до 1905 г. равнялась 43 тыс. Таким образом, в ответ на расстрел петербургских рабочих, по всей России бастовало в одном только январе 1905 г. больше рабочих, чем за все предыдущие 10 лет.

К лету 1905 г. революционные волны докатываются и до деревни, и соединение массовых стачек в городах с восстаниями в деревнях, хотя и разрозненными, плохо организованными, способствует поднятию революционных настрое-

ний и в армии, последнем оплоте царского самодержавия. Происходят восстания во флоте, на «Потемкине» и других судах. «Весь народ охвачен одним чувством, одним стремлением разрушить проклятое царское самодержавие, свергнуть палачей народа, реками льющих его кровь»,— говорилось в прокламациях того времени.

К осени 1905 г. революционная атмосфера в России была так накалена, что все попытки царя «поговорить со своим народом» не приводили ни к чему. Не помогли ни прием царем в царскосельском дворце подставной делегации от рабочих, ни царский указ о создании комиссии сенатора Шидловского «для выяснения нужд рабочих», хотя за эту комиссию уже уцепились было меньшевики, но комиссия эта отцвела, не успев расцвести: она была сорвана бойкотом рабочих, организованным большевиками.

Не помог и изданный в августе манифест о создании в России ублюдочного парламента, так называемой Булыгинской думы, которой В. И. Ленин и большевики об'явили бойкот и которая была впоследствии сметена революционной бурей.

Ко второй половине октября забастовки по всей России сливаются в единый мощный поток всеобщей политической забастовки.

Хитрая бестия министр Витте внушает царю необходимость чем-нибудь поддержать шатающийся трон, и царь Николай подписывает 17 октября 1905 г. составленный Витте куцый «манифест» о свободах, фарисейское начало которого гласит: «Смуты и волнения в столицах и во многих местностях империи нашей великой и тяжкой скорбью преисполняют сердце наше. Благо российского государя неразрывно связано с благом народным и печаль народная — его печаль».

В «манифесте» этом о свободах сказано лишь после того, как предлагается: «надлежащим властям принять меры к устранению прямых проявлений беспорядка, бесчинства и насилия». Иными словами, предлагалось огнем и мечом подавлять выступления революционных рабочих.

В большевистской печати и в выступлениях на митингах того времени наших товарищей манифест 17 октября квалифицировался, как ловушка. Это подтверждалось поведением правительства после 17 октября, которое было явно провокационным. Именно в так называемые дни свобод особенно разнуздались темные силы — черносотенные организации — детища царской охранки.

«Революция заставила, наконец, выйти наружу эту «народную силу», силу царских сторонников. Она заставила

показать всем воочию, на кого действительно опирается царская власть, кто действительно поддерживает эту власть. Вот они, вот эта армия озверелых полицейских, забитых до полоумия военных, одичалых попов, диких лавочников, подпоенных отбросов капиталистического общества» [1].

На заседании Московского большевистского комитета 18 октября, а комитет в те дни все еще нелегально заседал в студенческом общежитии Высшего технического училища (на всех этих заседаниях неизменно присутствовал Бауман, включившийся немедленно со дня выхода из тюрьмы в партийную работу), состоялось решение отправиться демонстрацией к тюрьмам освобождать политических заключенных. Когда в аудиториях училища, в которых с утра и до позднего вечера в те дни не прекращались массовые собрания-митинги, стало известно это решение МК, то все высыпали на улицу. Когда масса двинулась, впереди пошел Николай Бауман.

Заметив у близлежащей фабрики (бывш. Щапова) группу рабочих, Бауман решает и их присоединить к демонстрации. Он берет из рук одного из демонстрантов красное знамя, вскакивает на подножку извозщичьей пролетки и, держа высоко знамя, собирается доехать до фабрики Щапова, но в этот самый момент падает, сраженный насмерть в висок куском водопроводной трубы от преступных рук черносотенного охранника и вора, некоего Михалина.

Характерно, что за полное помилование убийцы Баумана (в виде уступки общественному мнению Михалин был осужден к полутора годам тюремного заключения) впоследствии усиленно ходатайствуют перед царем тогдашний министр юстиции Щегловитов, а также московский генерал-губернатор Гершельман, указывая, что убийца действовал под влиянием «патриотического чувства» при виде в руках Баумана красного знамени.

Об убийстве Баумана пишущей эти строки пришлось услышать 18 октября из уст демонстрантов, подошедших к Бутырской тюрьме с требованием освобождения нас, заключенных, а увидеть убитого Баумана пришлось лишь назавтра, 19-го, по освобождении меня из Бутырок.

В Техническом училище, в актовом зале на столе лежал Бауман, рядом стоял маленький столик с горкой медных монет; эти «копеечки» клали на стол приходившие простые люди, которые низко, низко кланялись мертвому Бауману, а про назначение медяков шопотом передавали друг другу, что это на оружие, что из народных копеек скопится сумма,

---

[1] «Пролетарий» № 26 от 25 ноября 1905 г.

необходимая рабочим, чтобы вооружиться и затем прогнать царя, помещиков и фабрикантов.

Вечером того же 19 октября все университетские аудитории на Моховой были набиты доотказа массой рабочих, студентов, интеллигенции, всюду говорили о Баумане, речи ораторов дышали ненавистью к поработителям, раздавались требования беспощадной мести за смерть большевика — за убийство Баумана.

В одной из небольших аудиторий сидели заплаканные женщины-работницы и курсистки, там было много красного шелка, бархата и золотой парчи, из которых шили роскошное покрывало на гроб Баумана.

Похороны Баумана превратились в грандиознейшую демонстрацию.

Необходимо перенестись в ту эпоху, чтобы понять, что значило тогда появление на улицах Москвы первого красного гроба, сопровождаемого огромной массой демонстрантов, когда голова колонны была на Большой Никитской (теперь улице Герцена), хвост же был у Красных ворот.

Надо учесть переживания участников демонстрации в те моменты, когда к процессии по пути присоединялись все новые и новые группы рабочих и даже военные.

Одна из участниц этой демонстрации, т. Попова, между прочим, вспоминает:

«Вот усеяли весь забор железнодорожники Московско-казанской линии и ждут. Чего они хотят? Присоединятся или нет? С таким внутренним вопросом встречалась всякая новая, неизвестная группа. Но только поровнялась с ней процессия — «Ура!» — и она вливается в наши ряды за красным гробом.

А вот отряд солдат-саперов смело марширует по направлению к нам и занимают место около самого знамени МК. Их особенно горячо приветствуют демонстранты.

На Театральной площади стоял длинный ряд делегаций с венками.

Совершенно неожиданно вижу в этом ряду своего знакомого из Саратова.

— Вы как? — спрашиваю.

— Делегатом на похороны из саратовской парторганизации» [1].

Так впервые пролитая на улицах Москвы кровь большевика, кровь Баумана спаяла немногочисленную тогда еще московскую большевистскую парторганизацию не только с

---

[1] Сборник Московского Истпарта «Путь к Октябрю», ч III.

широчайшими пролетарскими массами Москвы, но и с массами целого ряда других городов.

В ответ на убийство ленинского кадровика, славного Баумана, еще с большей силой разгорелась борьба, о которой В. И. Ленин еще в августе 1905 г. писал в № 14 «Пролетария». «Борьба идет не на жизнь, а на смерть,— борьба между старой Россией рабства, крепостничества, самодержавия и новой, молодой, народной Россией, Россией трудящихся масс, которые рвутся к свету и свободе, чтобы затем начать еще и еще борьбу за полное освобождение человечества от всякого гнета и всякой эксплуатации» [1].

Николаю Бауману и многим, многим, отдавшим свою кровь за дело пролетарской революции, не дано было дожить до счастливых дней, им не пришлось увидеть, как в нашей стране освобождение человека от всякого гнета, от всякой эксплоатации из отдаленного идеала будущего стало вполне конкретным настоящим.

Николаю Бауману не пришлось участвовать в великой сталинской стройке бесклассового общества в нашей стране. Но Николай Бауман был одним из тех кадровиков, которые первыми пришли к В. И. Ленину, чтобы вместе с ним участвовать в закладке фундамента нашей большевистской героической партии, под водительством которой мы одерживаем великие исторические победы. Имя Баумана будет жить, как и все имена самоотверженных героев, отдавших свою жизнь под знаменем партии Ленина—Сталина за счастливую жизнь всего человечества.

[1] **Ленин,** т. VIII, стр. 161

ДОКУМЕНТЫ
О РЕВОЛЮЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
Н. Э. БАУМАНА

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ БАУМАНА В ПЕРИОД ПЕТЕРБУРГСКОГО „СОЮЗА БОРЬБЫ ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ РАБОЧЕГО КЛАССА“

СООБЩЕНИЕ КАЗАНСКОГО ГУБЕРНСКОГО ЖАНДАРМСКОГО УПРАВЛЕНИЯ О «ПОЛИТИЧЕСКОЙ НЕБЛАГОНАДЕЖНОСТИ» БАУМАНА

от 28 июня 1895 г.

Начальник Казанского губернского жандармского управления 28 июня 1895 г. № 1188 гор. Казань.

В департамент полиции

Г. казанский губернатор отношением от 23 сего июня за № 1674, ввиду запроса саратовского губернатора от 17 сего же июня за № 1400, просит меня сообщить ему сведения о политической благонадежности окончившего в сем году курс в Казанском ветеринарном институте Николая Эрнестова Баумана на предмет определения его на службу в Саратовское губернское земство.

Принимая во внимание, что означенный Бауман упоминается в донесениях департаменту полиции от 10 ноября 1894 г. за № 2174 и 19 января сего года за № 138, я, руководствуясь циркуляром г. министра внутренних дел от 29 января 1891 г. за № 4910, о вышеизложенном имею честь донести на благоусмотрение департамента полиции.

Временно и. д. начальника управления
подполковник *(подпись).*

АР, ФДП, оо. д. (Архив революции, фонд департамента полиции, особый отдел, дело) № 813, 1904 г. О ветеринарном враче Николае Эрнестове Баумане.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА БАУМАНА ПО ДЕЛУ ПЕТЕРБУРГСКОГО «СОЮЗА БОРЬБЫ ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ РАБОЧЕГО КЛАССА»

от 21 февраля 1897 г.

Протокол

1898 г., февраля 21 дня, в г. С.-Петербурге, я, отдельного корпуса жандармов подполковник Ковалевский, в порядке 1035-й и последующих ст. уст. угол. судопр., в присутствии товарища прокурора С.-Петербургского окружного суда С. Я. Утина допрашивал обвиняемого, который в дополнение своих об'яснений показал:

Зовут меня Николай Эрнестович Бауман.

На предложенные мне вопросы отвечаю: со студентом-медиком Виктором-Катин-Ярцевым я знаком. Встретились мы с ним в квартире Петра Сущинского, когда я жил некоторое время у него, по приезде в С.-Петербург в ноябре и декабре 1896 г. Брата Виктора Катин-Ярцева Владимира, карточку которого вы мне пред'являли, я совершенно не знаю. В квартире Марии Сущинской мне случалось бывать, случалось встречать у нея и ее братьев Петра и Владимира, но такого случая, чтобы во время моих посещений ее квартиры я видел там какие-либо нелегальные листки или брошюры, не было. Вообще у меня в руках никаких нелегальных изданий никогда не бывало. Никаких добавлений или раз'яснений к своим прежним показаниям я не могу сделать.

Подлинное за надлежащими подписями.

С подлинным верно: ад'ютант управления
ротмистр *Шершов*.

АР, ФДП, VII дел-во, д. № 96, т. III, 1897 г. «Союза борьбы за освобождение рабочего класса».

ОПИСЬ КНИГ И ДРУГИХ ПРЕДМЕТОВ, ОТОБРАННЫХ ПРИ АРЕСТЕ БАУМАНА

март 1897 г.

Опись

отобранного по обыскам, произведенным 20, 21 и 22 марта 1897 г.

По списку под лит. Б.

У Николая Баумана:

Рукописные:

1. Тетрадь, не сшитая, озаглавленная: «Теория ценности и денег. К. Маркса».

2. Тетрадь, озаглавленная: «Прибавочная стоимость».

3. Тетрадь из 9 листов по рабочему вопросу с указанием на полях авторов соответствующих сочинений.

4. Тетрадь, в которой помещен рассказ «Мокрая курица» тенденциозного содержания.

5. Тетрадь с заметками по рабочему и общественному вопросам.

6. Тетрадь, в которой трактуется о выработке программы для систематического чтения в социал-демократическом духе.

7. Тетрадь, в коей изложены программы систематического чтения в том же духе.

8. Фотографические карточки Герцена и Лассаля.

9. Книги, переписка и фотографические карточки и

10. Револьвер заряженный шестью патронами...

Полковник *Пирамидов*.

АР, ФДП, VII дел-во, д. № 96, т. I, 1897 г.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА БАУМАНА ПО ДЕЛУ ПЕТЕРБУРГСКОГО «СОЮЗА БОРЬБЫ ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ РАБОЧЕГО КЛАССА»

от 4 апреля 1897 г.

1897 г., апреля 4 дня, в г. С.-Петербурге, я, отдельного корпуса жандармов подполковник Кузубов, на основании ст. 1035 уст. угол. судопр. (судебных уставов императора Александра второго, изд. 1883 г.), в присутствии товарища прокурора С.-Петербургского окружного суда С. Я. Утина допрашивал обвиняемого, который в дополнение своих об'яснений показал:

Зовут меня Николай Эрнестович Бауман, я не признаю себя виновным в принадлежности к какому бы то ни было преступному сообществу и о том, что в Петербурге существует преступное сообщество, носящее название: «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», я в первый раз услышал сего дня на допросе. Ни с кем из рабочих петербургских заводов и фабрик я не знаком и в том числе с рабочими фабрики Штиглица Осиповым, Царевым и Пилипицом. Среди рабочих себя Иваном Макаровичем не называл, со студентом С.-Петербургского технологического института Александром Спициным не знаком, и он меня с рабочим Осиповым нигде не знакомил. С братьями Петром и Владимиром Сущинскими и с сестрой их Марией я знаком.

С Петром познакомился здесь в текущем году, с Владимиром вместе учился в гимназии и в ветеринарном институте, а с Марией Сущинской встречался в Казани, будучи в ветеринарном институте. Никогда не бывал вместе с Владимиром и Марией Сущинскими на сходке рабочих в квартирах Царева и Осипова по Слоновой ул., д. № 67, кв. 18, не называл Марию Сущинскую своей сестрой, и о том, что она, бывая в обществе рабочих, называла себя Марией Ивановной, а Владимир Сущинский при таких же условиях называл себя Андреем Степановичем, я не знаю. 17 минувшего февраля в трактире на углу Смольного проспекта и Калашниковской набережной я не был, и если, как вы говорите мне, что я там в этот день был и читал там рабочим Пилипицу, Цареву, Осипову и другим «Устав рабочей кассы» с об'яснениями и дал одному из рабочих 11 рублей для уплаты за квартиру, то я это совершенно отрицаю. Не бывая на квартире упомянутых выше Царева и Осипова, я не мог дать им там 4-го числа минувшего марта 28 экземпляров «Петербургского рабочего листка» за январь месяц 97 года. Лишенного всех прав состояния Александра Дементьева, живущего за Большой Охтой в дер. Исаковке, д. № 60, по Черновской ул., я не знаю. На квартире этой вместе с Осиповым для найма ее не был, а также на сходке в этой квартире вместе с Владимиром Сущинским и упомянутыми выше рабочими вечером, между 8 и 10 часами 8 минувшего марта не был. 14 минувшего марта около 9 часов вечера я не был на свидании с Пилипицом в трактире Кострома по Большой Болотной ул. и там не передавал Пилипицу завернутые в газетную бумагу 10 экземпляров «Об'яснения законов о штрафах» и 80 экземпляров прокламаций, начинающихся словами: «Товарищи, почти каждый день мы недосчитываемся».

Подлинный за надлежащими подписями.

С подлинным верно: ад'ютант управления
поручик *Флоринский*.

АР, ФДП, VII дел-во, д. № 96, т. I, 1897 г.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА БАУМАНА ПО ДЕЛУ ПЕТЕРБУРГСКОГО «СОЮЗА БОРЬБЫ ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ РАБОЧЕГО КЛАССА»

от 7 октября 1897 г.

Протокол

1897 г., октября 7 дня, в г. С.-Петербурге, я, отдельного корпуса жандармов подполковник Кузубов, на основании

ст. 1035 уст. угол. судопр. (судебных уставов императора Александра второго, изд. 1883 г.), в присутствии товарища прокурора С.-Петербургского окружного суда С. Я. Утина допрашивал обвиняемого, который в дополнение своих об'яснений показал:

Зовут меня Николай Эрнестович Бауман. Я и в настоящее время ничего не желаю изменить из сказанного мной при первом допросе. Отобранный у меня по обыску револьвер и к нему шесть патронов куплены мной в 1896 г. в Саратове с целью пользоваться им, как ветеринарному врачу, в случаях убиения заразных и неизлечимых животных.

Подлинный за надлежащими подписями.

С подлинным верно: ад'ютант управления
ротмистр *Дамбровский.*

АР, ФДП, VII дел-во, д. № 96, т. II, 1897 г.

ПРОШЕНИЕ МАТЕРИ Н. Э. БАУМАНА ОБ ОСВОБОЖДЕНИИ ИЗ ТЮРЬМЫ ЕЕ СЫНА

от 7 октября 1898 г.

Его превосходительству господину директору департамента государственной полиции.

Мины Карловны Бауман

Прошение

Вот уже 14 месяцев, как родной сын мой, Николай Бауман, сидит в крепости. Сперва я не хотела верить этому. Единственное утешение мое на старости лет, любимый сын мой, которым я жила,— этот сын в тюрьме! Только мать или отец, горячо любящие своего ребенка, могут понять, как велико поразившее меня горе. В последнее же время оно еще усилилось, когда я узнала, что здоровье моего сына расстроилось. А вы знаете, ваше превосходительство, что значит для матери болезнь ее ребенка. Сколько слез и бессонных ночей прибавит оно к моей уже и без того нерадостной жизни! Неужели же вы, ваше превосходительство, не поймете всей глубины моего горя и не исполните моей нижайшей просьбы, просьбы матери, которая только на вас возлагает всю надежду. Я умоляю вас именем ваших детей, именем самого христа облегчить участь моего сына и выпустить его на свободу. Если же этого нельзя сделать, то хотя перевести его из крепости в дом предварительного заключения. Там, как я слышала, условия жизни все-таки лучше, чем в крепости, и, может быть, здоровье моего сы-

на поправится. Это единственная надежда, которая у меня остается. Не отнимайте же ее, ваше превосходительство, у бедной старой матери, не откажите исполнить мою просьбу — мои самые искренние и горячие молитвы послужат вам благодарностью. Мина Карловна Бауман. Казань, 7 октября 1898 г.

АР, ФДП, VII дел-во, д. № 96, т. IV, 1897 г.

ОТВЕТ ДЕПАРТАМЕНТА ПОЛИЦИИ НА ПРОШЕНИЕ МАТЕРИ БАУМАНА

От 3 ноября 1898 г.

Д. П. 3 ноября 1898 г.
по IV дел-ву № 3505

Г. казанскому губернатору

Д. П. имеет честь покорнейше просить ваше превосходительство не отказать в распоряжении с об'явлением проживающей в Казани мещанке Мине Карловой Бауман на прошение от 7 октября, что дело, к коему привлечен сын ее Николай Бауман, находится на рассмотрении в м-ве Юстиции, будет разрешено в самом непродолжительном времени и что ходатайство ее об освобождении Николая Баумана из-под стражи или переводе из СПБ крепости для дальнейшего содержания в дом предварительного заключения удовлетворено быть не может.

Вице-директор *Семякин.*

АР, ФДП, IV дел-во, д. № 96, т. IV, 1898 г.

ПРОШЕНИЕ БРАТА БАУМАНА ПЕТРА БАУМАНА С ПРОСЬБОЙ ОСВОБОДИТЬ НА НЕСКОЛЬКО ДНЕЙ БАУМАНА ДЛЯ ВРАЧЕБНОЙ КОНСУЛЬТАЦИИ

от 18 декабря 1898 г.

Его высокопревосходительству господину директору департамента полиции

От ученика мореходных классов Петра Баумана

Прошение

Имею честь просить ваше высокопревосходительство о разрешении Николаю Бауману выйти на несколько дней на свободу для совета со специалистами-медиками, потому что он страдает тремя болезнями, т. е. нервами, геморроем и зубами, а также не найдете ли возможным разрешить ему отправиться на место высылки на свой счет.

Петербург, 18 декабря 1898 г. *Петр Бауман.*

АР, ФДП, V дел-во, д. № 386, 1904 г.

ПОЛИЦЕЙСКАЯ АНКЕТА О БАУМАНЕ

СПИСОК

о состоящем под гласным полицейским надзором в г. Орлове, Вятской губернии, ветеринарном враче Николае Эрнестовиче Баумане. Составлен 25 января 1899 г.

Вопросы	Ответы
1. Имя, отчество, фамилия и звание.	Николай Эрнестович Бауман, ветеринарный врач.
2. Место родины.	Гор. Казань
3. Вероисповедание.	Лютеранское.
4. Лета	25 лет.
5. Грамотность или место воспитания.	Окончил курс в Казанском ветеринарном институте.
6. Был ли под судом или следствием.	Не был.
7. Женат или холост, если женат, то на ком.	Холост.
8. Имеет ли детей и если имеет, то их имена и лета	Не имеет.
9. Имеет ли родителей и кого именно, лета их, место жительства.	Имеет отца Эрнеста Андреевича Баумана 56 лет и мать Мину Карловну 54 лет, проживающих в городе Казани.
10. Имеет ли родных братьев, сестер, их имена, лета и место жительства.	Имеет братьев: Александра 28 лет, Эрнеста 24 лет, Петра 20 лет и сестру Эльзу 21 года, проживающих: Александр и Эльза в г. Казани, последняя обучается в фельдшерской школе, Эрнест в г. Н.-Новгороде на службе в Обществе путей сообщения, Петр обучается в мореходных классах в г. С.-Петербурге.
11. Следует ли за ним в место высылки кто-либо из его семьи и кто именно и не следует ли кто-либо из посторонних лиц.	Никто не следует.
12. Если семейство за ним не следует, то где будет проживать после его высылки.	Отец, мать, братья и сестра в местах, означенных в пунктах 9 и 10.
13. Имеет ли собственные средства к существованию и в чем они заключаются.	Средств к существованию никаких не имеет.
14. Знает ли какое ремесло.	Не знает.
15. Чем до сего времени добывал себе средства существования как сам он, так и его жена. -	Службой в земстве в качестве ветеринарного врача.

Вопросы	Ответы
16. Имеют ли родители какое нибудь состояние.	Состояния никакого не имеют.
17. По какому распоряжению и за что именно учрежден гласный полицейский надзор.	По высочайшему повелению, последовавшему по всеподданнейшему докладу г. министра юстиции в 12 день декабря 1898 г., изложенному с предписания его превосходительства господина вятского губернатора от 11 января 1898 г. за № 43, за государственное преступление.
18. Срок надзора и с какого времени его надлежит считать.	На 4 года, сроком по 12 декабря 1902 г. в г. Орлове, с 22 января 1899 г.
19. Куда выслан или же надзор учрежден в месте его жительства.	Из г. С.-Петербурга выслан в г. Орлов Вятской губернии.

Уездный исправник (*подпись*).

Секретарь *Кондратович*

РАСПОРЯЖЕНИЕ ДЕПАРТАМЕНТА ПОЛИЦИИ О ВКЛЮЧЕНИИ БАУМАНА В СПИСОК ЛИЦ, ПОДЛЕЖАЩИХ РОЗЫСКУ

от 23 октября 1899 г.

Министерство внутренних дел. Департамент полиции по V делопроизводству 23 ноября 1899 г. № 13339

В особый отдел департамента полиции

Ветеринарный врач Николай Эрнестов Бауман, за участие в С.-Петербургском «Союзе борьбы за освобождение рабочего класса» был подвергнут, по высочайшему повелению 12 декабря 1898 г., гласному надзору полиции в г. Орлове, Вятской губернии, на четыре года, сроком по 12 декабря 1902 г., и ныне, по сообщению вятского губернатора, из места жительства неизвестно куда скрылся.

Об изложенном V делопроизводство имеет честь уведомить особый отдел для зависящих распоряжений относительно включения названного лица, согласно резолюции господина директора, в циркуляр о розыске.

Делопроизводитель (*подпись*).

АР, ФДП. оо, д. № 813, 1904 г.

ССЫЛКА БАУМАНА В ОРЛОВ ВЯТСКОЙ ГУБЕРНИИ И ЕГО ПОБЕГ

СООБЩЕНИЕ ВЯТСКОГО ГУБЕРНАТОРА О ПОБЕГЕ Н. Э. БАУМАНА ИЗ Г. ОРЛОВА С МЕСТА ССЫЛКИ

от 30 октября 1899 г.

Министерство внутренних дел. Вятский губернатор по канцелярии 30 октября 1899 г. № 3676 гор. Вятка

В департамент полиции

Состоящий в г. Орлове под гласным надзором полиции ветеринарный врач Николай Эрнестов Бауман 15 сего октября из места жительства неизвестно куда скрылся.

Сообщая об этом в департамент полиции, имею честь присовокупить, что о розыске Баумана сделано распоряжение.

При сем препровождается картина, найденная в квартире названного лица при охране оставшегося его имущества.

Губернатор *(подпись).*

Управляющий канцелярией *(подпись).*

УВЕДОМЛЕНИЕ ВЯТСКОГО ГУБЕРНАТОРА О ПОБЕГЕ Н. Э. БАУМАНА, АДРЕСОВАННОЕ МОСКОВСКОМУ ОБЕР-ПОЛИЦМЕЙСТЕРУ

от 30 октября 1899 г.

Министерство внутренних дел. Вятский губернатор по канцелярии 30 октября 1899 г. № 3675 гор. Вятка

Господину московскому обер-полицмейстеру

Состоящий под гласным надзором полиции в г. Орлове ветеринарный врач Николай Эрнестов Бауман из места жительства неизвестно куда скрылся.

Сообщая о вышеизложенном, имею честь покорнейше просить ваше превосходительство сделать распоряжение о розыске названного Баумана в г. Москве и, в случае розыска, приказать выслать его в г. Орлов, Вятской губернии, в распоряжение местного уездного исправника; о последующем же не отказать сообщить мне.

Губернатор *(подпись).*

Управляющий канцелярией *(подпись).*

АР, Ф. Моск. охр. отд., д. № 1866, 1899 г. О ветеринарном враче Николае Эрнестове Баумане.

СПРАВКА О РЕВОЛЮЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ БАУМАНА

от 13 декабря 1899 г.

1. Бауман, Николай Эрнестов, ветеринарный врач, из мещан, родился 17 мая 1873 г. в г. Казани. Вероисповедания лютеранского, немец, русский подданный, по окончании семи классов 2-й Казанской гимназии в 1891 г. поступил в Казанский ветеринарный институт, где и окончил курс в 1895 г.; холост, отец Эрнест Андреев Бауман содержит столярную мастерскую в г. Казани, мать Мина Карловна находится при отце, братья: Александр работает в мастерской отца, Эрнест служит на пароходе по Волге или Каспийскому морю в качестве помощника капитана и Петр — ученик мореходных классов в С.-Петербурге, сестра Эльза слушательница фельдшерской школы в г. Казани.

Привлекался к дознанию по делу о С.-Петербургском «Союзе борьбы за освобождение рабочего класса» и по высочайшему повелению, последовавшему в 12 день декабря 1898 г., по вменении в наказание предварительного содержания под стражей, выслан под гласный надзор полиции сроком на четыре года в Вятскую губернию, где и водворен в г. Орлове, но 15 октября 1899 г. скрылся из места жительства. Приметы: рост 2 арш. 6¾ вершка, телосложение хорошее, белокурый, борода слегка рыжеватая, глаза серые, размер их в 3 сантим., нос с небольшим горбом, размер его 6½ сантим., на переносье рубец, лицо овальное, цвет кожи белый с легким румянцем, тембр голоса — баритон, походка скорая, слегка развалистая, в области лопаток группы прыщеватой сыпи.

Как поступить по разыскании и особые примечания.

Арестовать и препроводить в распоряжение вятского губернатора, уведомив о сем департамент полиции.

Обратить особое внимание.

Фотографическая карточка имеется.

Справка из дела № 11, 1900 г.

Департамент полиции, при циркуляре от 13 декабря 1899 г. за № 2263 (вх. № 479, 10 января 1900 г.), препроводил список лиц, подлежащих розыску, и просил в случае обнаружения кого-либо из упомянутых в списке лиц или получении указаний, могущих содействовать розыску, уведомить департамент полиции.

СООБЩЕНИЕ ДЕПАРТАМЕНТА ПОЛИЦИИ, АДРЕСОВАННОЕ НАЧАЛЬНИКУ ОДЕССКОГО ЖАНДАРМСКОГО УПРАВЛЕНИЯ, О ПЕРЕПИСКЕ БАУМАНА С КОНКОРДИЕЙ ЗАХАРОВОЙ

Министерство внутренних дел. Департамент полиции по особому отделу 7 ноября 1901 г. № 3889

Господину начальнику
Одесского губернского
жандармского управления

В дополнение к предыдущим сообщениям, департамент полиции имеет честь сообщить вашему высокоблагородию, для соображений, что Конкордия Захарова ведет переписку с проживающим в Лондоне Николаем Бауман, привлекавшимся вместе с ней к делу «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», помещенным в розыскной циркуляр департамента от 13 декабря 1899 г. за № 2263.

Подписал: за вице-директора *Ратаев.*

Скрепил: за делопроизводителя *Зайцев.*

АР, ФДП, оо, д. № 825, ч. I, 1901 г.

Н. Э. БАУМАН В ПЕРИОД ЛЕНИНСКОЙ „ИСКРЫ"

СООБЩЕНИЕ ОСОБОГО ОТДЕЛА ДЕПАРТАМЕНТА ПОЛИЦИИ О ПЕРЕПИСКЕ БАУМАНА КАК АГЕНТА «ИСКРЫ»

от 7 ноября 1901 г.

Заведующий особым отделом департамента полиции чиновник особых поручений V класса 7 ноября 1901 г. № 3885

Его высокоблагородию С. В. Зубатову

Милостивый государь

Сергей Васильевич.

В дополнение к письму от 2 сего ноября за № 3801, поспешаю уведомить ваше высокоблагородие, что 31 октября — 13 ноября сего года некто из Нюрнберга сообщает шифром в Одессу к Конкордии Захаровой нижеследующее:

«Грач меняет адрес для явки. Новый адрес: Мещанская, Старо-Екатерининская больница, спросить фельдшерицу Урукину, сказать ей: я от Зои. Впрочем, если воспользовались старым, то беды особенной нет.

Послали ли в Торжок».

Сообщая об изложенном, имею честь покорнейше просить ваше высокоблагородие принять меры к выяснению «Грача», который, очевидно, является представителем организации «Искры» для Москвы, причем при установлении его личности не мешает иметь в виду приметы московского представителя «Искры» по описанию «Приятеля».

Сообщаю только часть полученного письма за недостатком времени, полностью сообщу дополнительно.

Примите, м. г., и пр...

Подписал *Л. Ратаев.*

АР, ФДП, оо, д. № 825, ч. I, 1901 г.

КОПИЯ ШИФРОВАННОГО ПИСЬМА ИЗ КИЕВА ДЛЯ «ГРАЧА» (БАУМАНА)

от 22 января 1902 г.

Копия письма с подписью „Н. Стар" и „Старичок" (по почерку В. Крохмаль) из Киева от 22 января 1902 г. к Е. Н. Уваровой в Москву Кузнецкий мост телефонная станция для Ник. Баумана („Грач")

Зашифрованный химический текст

Желательно, чтобы вы немедленно приехали вместе с техником, о котором вы говорили Кавказцу[1]. Если не можете приехать сами, то пришлите техника. Необходимо теперь же выяснить с ним детали дела. Крайне желательно, чтоб были и вы. Немедленно телеграфируйте — Киев, Громову, до востребования — если приедете сами, то «деньги высылаю», если только техник, то просто «высылаю», если никто не приедет, то «продавайте». Адрес для явки старый: Тимофеевская, шесть... шесть. Самое удобное между 3—4 час. дня.

Отвечайте немедленно. Жму руку. «Старичок».

У меня все благополучно и было и есть, к вашему посрамлению.

Вообще я на вас зол страшнейшим образом и жажду вас повидать, чтобы ругнуть вас во всю душу.

АР, ФДП, оо, д. № 825, ч. III, 1902 г.

ТЕЛЕГРАММА ДЕПАРТАМЕНТА ПОЛИЦИИ ВОРОНЕЖСКОМУ ГУБЕРНАТОРУ О ДОСТАВЛЕНИИ АРЕСТОВАННОГО В ЗАДОНСКЕ Н. БАУМАНА ПОД УСИЛЕННОЙ ОХРАНОЙ В КИЕВ

Киев. Начальнику губернского жандармского управления. Для Леонида. Если можно уехать без прямого ущерба для дела, поезжайте. Острогожского полагаю направить Киев. Это господин первостепенной важности[2]. Берегите крепко. Ратаев.

(без шифра)

23 февраля 1902 г. Воронеж. Шифр.

Губернатору.

Полковник Глоба телеграфирует, что по отзыву задонского исправника упомянутый № 673 Николай Бауман

---

[1] Левин Гальперин, он же «Лошадь».

[2] Речь идет о Н. Баумане.

16 февраля отправлен этапом в Вятскую губернию. Придавая личности Баумана первостепенное значение и опасаясь побега, прошу ваше превосходительство безотлагательно телеграфировать на соответствующий этапный пункт о приостановлении следования Баумана в Вятскую губернию и об отправлении его под надежным конвоем, с обеспечением полной невозможности побега, в распоряжение начальника Киевского губернского жандармского управления.

Подписал директор *(подпись).*

АР, ФДП, оо, д. № 500, 1902 г.

ЗАПИСКА ДЛЯ ПАМЯТИ ЗАВ. ОСОБЫМ ОТДЕЛОМ ДЕПАРТАМЕНТА

от 23 февраля 1902 г.

26 февраля 1902 г.

Записка для памяти

Представляя при сем вашему превосходительству справку о задержанном в Задонском уезде Николае Баумане, обязываюсь добавить, что П. И. Рачковский перед от'ездом говорил мне, что, по имеющимся у него сведениям, Бауман один из самых серьезных деятелей и притом очень практический человек. Арест его — трудно вознаградимая потеря для революционной организации «Искры». За границей он у них работал в качестве наборщика. На него же было возложено распределение изданий «Искры» между всеми выдающимися центрами Германии, а также водворение искровских транспортов в Россию.

Очевидно в искровской среде Бауман носил одну из кличек «Акима», а быть может «Грача», которые так часто упоминались в шифрованной переписке и которым придавалось столь серьезное значение.

Заведующий особым отделом *Ратаев.*

АР, ФДП, оо, д. № 500, 1902 г.

ДОНЕСЕНИЕ НАЧАЛЬНИКА ВОРОНЕЖСКОГО ГУБЕРНСКОГО ЖАНДАРМСКОГО УПРАВЛЕНИЯ О ЗАДЕРЖАНИИ Н. БАУМАНА В ЗАДОНСКЕ

от 24 февраля 1902 г.

В дополнение донесения от 15 сего февраля за № 406 и телеграммы моей от 22 февраля, имею честь довести до

сведения департамента полиции, что прибывший в г. Воронеж с курским поездом в 11 час. утра 9 сего февраля и тотчас же по прибытии отправившийся в г. Задонск ветеринарный врач Николай Эрнестов Бауман, по задержании его 11 того же февраля, как не имевшего документа о личности, в селе Хлебном местной полицией и доставлении в г. Задонск в становую квартиру, при опросе его становым приставом назвался мещанином г. Курска Николаем Васильевым Петровым и об'яснил, что в Задонском уезде ни родных, ни знакомых, которые могли бы удостоверить его личность, он не имеет, что попал в Задонский уезд случайно, благодаря «расстроенному душевному состоянию», и что он имеет жену Екатерину Васильевну, которая проживает в г. Костроме. Затем при опросе его в тот же день уездным исправником он показал,что он уроженец г. Казани, сын митавского гражданина Эрнеста Андреевича Баумана, Николай Эрнестович Бауман, родился 17 мая 1873 г., образование получил в Казанской 2-й гимназии и Казанском ветеринарном институте, в последнем окончил курс в 1895 г.: состоял на службе в Саратовском земстве до осени 1896 г., в том же году переехал в Петербург, занимался там практикой и 20 марта 1897 г. был арестован по подозрению в политическом преступлении. По разрешении дела в административном порядке в декабре 1898 г. был освобожден из Петропавловской крепости и сослан на четыре года в г. Орлов Вятской губернии, куда прибыл в первых числах января 1899 г., а осенью того же года самовольно выехал за границу, где находился до декабря месяца 1901 г. Возвратившись в Россию, проживал в разных местах у разных лиц.

Сведения о задержании Баумана поступили во вверенное мне управление 14 февраля, того же числа были осмотрены оставленные на вокзале в г. Воронеже Бауманом его вещи. О задержании Баумана и осмотре его вещей было донесено в департамент полиции 15 февраля за № 406; 16 февраля Бауман, согласно циркуляра департамента полиции от 13 декабря 1899 г. за № 2263, задонским исправником был отправлен из г. Задонска этапным порядком в г. Елец для дальнейшего препровождения его в Вятскую губернию. Ввиду этого последнего обстоятельства предложение департамента полиции от 18 февраля за № 1106, как и значится в моей телеграмме от 22 февраля, осталось без исполнения.

Копия донесения за № 406 препровождена была генерал-майору Новицкому при отношении от 16 февраля за

№ 417, а копия настоящего сообщения препровождается вместе с сим за № 460.

Полковник *(подпись).*

АР, ФДП, оо, д. № 500, 1902 г.

ТЕЛЕГРАММА ДИРЕКТОРА ДЕПАРТАМЕНТА ПОЛИЦИИ НАЧ. ВОРОНЕЖСКОГО ГУБЕРНСКОГО ЖАНДАРМСКОГО УПРАВЛЕНИЯ О ДОСТАВЛЕНИИ БАУМАНА ПОД НАДЕЖНЫМ КОНВОЕМ В КИЕВ

Шифр.

Воронеж

Начальнику губернского жандармского управления

Ввиду связи Баумана киевскими организациями благоволите препроводить его под надежным конвоем, обеспечив полную невозможность побега, распоряжение генерала Новицкого. Почему об аресте Баумана от вас нет ни телеграммы, ни донесения.

Директор *(подпись).*

Воронеж, № 312. февраля 1902 г.

АР, ФДП, оо, д. № 500, 1902 г.

СПРАВКА О РЕВОЛЮЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ БАУМАНА

от 26 февраля 1902 г.

Ветеринарный врач Николай Эрнестов Бауман в 1897 г. привлекался к дознанию по делу о С.-Петербургском «Союзе борьбы за освобождение рабочего класса», причем установлено, что Бауман находился в сношениях с обвиняемым Спициным, так как заменил его в качестве руководителя в кружке рабочего Царева. Из показаний обвиняемых Царева, Платона Осипова и Пилипца видно, что с начала 1897 г. у Царева происходили сходки под руководством Спицина. В феврале последний на свидании с Осиповым в Екатерингофском парке познакомил его с Бауманом как своим заместителем по кружку, причем Бауман назвался «Макаром Ивановичем». Бауман назначил сходку в трактире на Калашниковской набережной, о чем Осипов известил Царева и Пилипца. На этой сходке, кроме названных лиц, участвовали еще двое рабочих, и Бауман раздавал книжки и передал Осипову 11 рублей для найма квартиры для сходок. Царев и Осипов наняли такую квартиру сообща на Слоновой улице, где и происходили сходки. По по-

казаниям Осипова и Пилипца, Бауман был в этой квартире на собраниях два раза, причем приводил с собой «Марию Ивановну» и «Андрея Степановича», которых Осипов признает в обвиняемых Марии и Владимире Сущинских. Они говорили о положении рабочих, о необходимости устраивать стачки и раздавали листки. Затем Бауман вместе с Платоном Осиповым наняли квартиру для сходок в более глухой местности, за Большой Охтой, по Черновской улице, д. № 60, у крестьянина Александра Дементьева. В этой квартире, по удостоверению Осипова и Пилипца, сходки продолжались под руководством Баумана и Владимира Сущинского. В дополнение к этим показаниям, в агентурных сведениях департамента полиции значится, что на сходках у Царева и Осипова названные обвиняемые передали рабочим «Летучий листок Комитета вольной русской прессы в Лондоне» № 33, «Работник», «Царь-голод», «Рабочий день», «Об'яснение новых правил для рабочих», «Устав Центральной рабочей кассы» и 28 экземпляров «Петербургского рабочего листка», который прочли и поручили Осипову распространить. Независимо от сего, в марте 1897 г. Бауман, узнав, что Пилипец собирается уехать на родину в Витебскую губернию и что он ранее работал на одной фабрике, дал ему пачку революционных изданий и 15 рублей, прося эти издания свезти в Ригу и разбросать на упомянутой фабрике. Пилипец на это согласился, но был при от'езде задержан на Варшавском вокзале, причем в отобранном у него пакете оказались 10 экземпляров брошюры «Об'яснение новых правил для рабочих», 5 экземпляров «Рабочий день», 4 экземпляра «Петербургский рабочий листок» и 19 воззваний «Союза борьбы» от 6 марта 1897 г. возмутительного содержания. Все эти издания Пилипец, по его об'яснению, получил от Баумана.

Обвиняемый Бауман не признал себя виновным в принадлежности к «Союзу борьбы» и в преступных сношениях с рабочими; вместе с тем он, однако, не отрицал своего знакомства с Владимиром, Марией и Петром Сущинскими и Виктором Катин-Ярцевым.

По высочайшему повелению, последовавшему в 12-й день декабря 1898 г., Бауман, по вменении в наказание предварительного содержания под стражей, выслан под гласный надзор полиции в Вятскую губернию на четыре года. Ввиду сего Бауман водворен был на жительство в г. Орлове, откуда 15 октября 1899 г. скрылся и бежал за границу. При наложении охраны на оставленное Бауманом в г. Орлове имущество найдена аллегорическая картина, изображающая призыв рабочих к свободе. Ввиду сего

Бауман помещен в циркуляр о повсеместном розыске от 13 декабря 1899 г. за № 2263, в коем предложено, в случае задержания его, подвергнуть аресту и препроводить в распоряжение вятского губернатора.

По прибытии за границу Бауман немедленно примкнул к «Союзу русских социал-демократов» и явился представителем означенного «Союза» в Цюрихе, затем Бауман принял участие в происходившем 5/18 апреля 1900 г. в Женеве частном с'езде социал-демократов.

По сведениям чиновника особых поручений Рачковского от 14/27 сентября 1900 г., Бауман приобрел паспорт для свободного проживания в России на имя Мариенбаума.

31 октября 1900 г. начальник С.-Петербургского охранного отделения представил сведения о результатах наблюдения за известной по сношениям с эмигрантом Владимиром Бурцевым — Александрой Лебедевой (ныне привлечена при С.-Петербургском губернском жандармском управлении по делу Хавского и др. и содержится под стражей), причем из сообщения этого между прочим усматривается, что, по словам названной Лебедевой, в деятельности редакции «Рабочего дела» принимают участие эмигранты: Бауман, Сущинский, Кричевский и Махновец.

9/22 ноября 1900 г. за № 23 чиновник особых поручений Рачковский, сообщая о намерении эмигранта Овшия Нахамкиса приступить к изданию двухмесячного журнала «Заря», ежемесячной газете того же названия и партийных брошюр, добавил, что одним из ближайших сотрудников его состоит Бауман.

10/23 марта 1901 г. чиновник особых поручений Рачковский, сообщая о выходе в свет органа «Центральной Российской социал-демократической партии» «Искры», уведомил, что в типографии означенной газеты, находящейся, повидимому, в Мюнхене, работает Бауман.

АР, ФДП, оо, д. № 500, 1902 г.

ЗАПИСКА ДЛЯ ПАМЯТИ о Н. Э. БАУМАНЕ

от 27 февраля 1902 г.

Ветеринарный врач Николай Эрнестов Бауман в 1897 г. привлекался к дознанию по делу о С.-Петербургском «Союзе борьбы за освобождение рабочего класса», причем установлено, что он был одним из главных организаторов тайных кружков среди петербургских рабочих и снабжал последних нелегальной литературой.

По высочайшему повелению, последовавшему в 12-й

день декабря 1898 г., Бауман, по вменении в наказание предварительного содержания под стражей, выслан под гласный надзор полиции в Вятскую губернию на четыре года.

Ввиду сего Бауман водворен был на жительство в г. Орлове, откуда 15 октября 1899 г. скрылся и бежал за границу. При наложении охраны на оставленное Бауманом в г. Орлове имущества найдена аллегорическая картина, изображающая призыв рабочих к свободе.

Принятыми к розыску Баумана мерами выяснилось, что по прибытии за границу он немедленно примкнул к «Союзу русских социал-демократов» и явился представителем означенного «Союза» в Цюрихе, затем Бауман принял участие в происходившем 5/18 апреля 1900 г. в Женеве частном с'езде социал-демократов.

Из последующих агентурных сведений усматривается, что Бауман принимал участие в деятельности редакции социал-демократической газеты «Рабочее дело», а затем примкнул к вновь образовавшейся революционной организации «Искра» и стал работать в типографии означенной группы в качестве наборщика; кроме того, на него, как серьезного деятеля и практического человека, было возложено распределение изданий «Искры» между всеми выдающимися центрами Германии, а также водворение искровских транспортов в пределы империи.

Прибыв в декабре истекшего года нелегально в Россию, Бауман вошел в сношения с представителем Киевской группы организации «Искры» Виктором Крохмалем, причем наблюдением установлено, что он 2 минувшего января виделся с названным лицом в Москве, а 8 сего февраля в Киеве ночевал в квартире Крохмаля; в тот же день Бауман в сопровождении наблюдения выехал в Воронежскую губернию, где 11 сего февраля арестован в селе Хлебном Задонского уезда.

Первоначально Бауман назвался курским мещанином Николаем Петровым, но когда расспросы коснулись подробностей его прошлой жизни, то признал свою настоящую фамилию.

Бауман будет отправлен под конвоем в Киев для привлечения его к возбужденному при местном губернском жандармском управлении дознанию по делу о революционной организации «Искры».

Независимо от изложенного имеются нижеследующие агентурные указания, которые могут иметь отношение к арестованному Бауману: при наблюдении за шифрованной перепиской членов организации «Искры» было обращено

внимание, что корреспонденты особой конспирацией обставляют деятельность двух наиболее серьезных лиц, которых называли лишь кличками «Аким» и «Грач». Означенные указания в связи с имеющимися сведениями заграничной агентуры, что эмигранты опасались обнаружения полицией пребывания Баумана в России, так как, по мнению их, арест его явится трудно вознаградимой потерей для революционного дела, дают основание предположить, что Бауман носил кличку «Акима» или же «Грача».

АР, ФДП, оо, д: № 500, 1902 г.

ЗАПРОС ВЯТСКОГО ГУБЕРНАТОРА ПО ДЕЛУ Н. БАУМАНА

от 7 марта 1902 г.

Секретно

Министерство внутренних дел. Вятский губернатор по канцелярии 7 марта 1902 г., № 670
Гор. Вятка

В департамент полиции

В дополнение к сообщению предместника моего от 30 октября 1899 г. за № 3676, имею честь уведомить департамент полиции, что ветеринарный врач Николай Эрнестов Бауман, скрывшийся 15 того же октября из-под гласного надзора полиции в Вятской губернии, 11 февраля сего года задержан в селе Хлебном, Задонского уезда, Воронежской губернии, и, как сообщил мне воронежский губернатор, 16 того же февраля отправлен этапным порядком в мое распоряжение. Бауман означен под № 1 в списке лиц, подлежащих розыску, приложенном к циркуляру департамента полиции от 13 декабря 1899 г. за № 792.

Вместе с сим считаю долгом просить департамент полиции не отказать уведомить меня, должно ли быть прибавлено к определенному Бауману сроку гласного надзора полиции время, проведенное им в самовольной отлучке, и, в утвердительном случае, следует ли это время исчислить со дня побега по день задержания или со дня побега по день водворения Баумана в месте, назначенном ему для жительства.

И. д. губернатора *П. Асшутов.*

Управляющий канцелярией *(подпись).*

АР, ФДП, оо, д. № 500, 1902 г.

ТЕЛЕГРАММА ДЕПАРТАМЕНТА ПОЛИЦИИ НАЧАЛЬНИКУ САМАРСКОГО ГУБЕРНСКОГО ЖАНДАРМСКОГО УПРАВЛЕНИЯ

Самара

Начальнику губернского жандармского управления.

При отправлении Киев Баумана снарядите надежный конвой, обеспечив полную невозможность побега.

Подписал: директор *(подпись).*

АР, ФДП, оо, д. № 500, 1902 г.

ДОНЕСЕНИЕ ЧИНОВНИКА ДЛЯ ПОРУЧЕНИЙ МОСКОВСКОГО ОХРАННОГО ОТДЕЛЕНИЯ ПО ДЕЛУ Н. БАУМАНА

от 7 марта 1902 г.

Старший чиновник для поручений Московского охранного отделения 19 марта 1902 г. № 37. Гор. Киев.

Его высокородию Л. А. Ратаеву

Милостивый государь

Леонид Александрович.

8 минувшего февраля наблюдением филеров летучего отряда за известным вашему высокородию Виктором Крохмалем было замечено, что в 11 часов 30 минут утра из квартиры его вышел приятель Басовского («Демеевского») Левин Гальперин («франт») с мужчиной, видевшимся с Крохмалем 2 января сего года при проезде последнего через Москву (сообщение мое от 8 числа того же месяца за № 14); отделившись от спутника, неизвестный, имевший сверток, размером $4 \times 5 \times 2\frac{1}{2}$ вершка, отправился на вокзал, получив бывшие на хранении плед с подушкой, мешок в виде саквояжа и коробку для шляпы и с поездом № 6 выехал в Воронеж, куда и прибыл 9-го числа, оставил вещи свои на вокзале и пошел в город, где наведался в губернскую земскую управу, и, узнавши, вероятно, о происшедших в Киеве арестах, стал бродить по разным улицам, улавливая наблюдение, каковое и принуждено было его оставить. 13-го числа наблюдаемый был задержан в Острогожском уезде, причем назвался первоначально мещанином Петровым, но в действительности оказался разыскиваемым ветеринарным врачом Николаем Бауманом.

К сказанному обязуюсь присовокупить, что упомянутый Бауман, вероятно, и есть то лицо, о свидании с которым Крохмаль писал в Москву по адресу Уваровой (приложение записки особого отдела от 26 января сего года за

№ 568). Кроме того, возможно предположить, что часто упоминавшийся в предыдущих переписках «Грач» есть тот же Бауман, так как, по имеющимся сведениям, за день до приезда в Киев упомянутого нелегального Крохмалем была получена (это обстоятельство проверяется) телеграмма за подписью «Григорьев», каковая фамилия, как известно, служила псевдонимом для Московского «агента» «Искры».

Покорнейше прошу ваше высокородие принять уверение в искреннем почтении и глубочайшей преданности.

Ваш покорнейший слуга *Меньщиков.*

АР, ФДП, оо, д. № 500, 1902 г.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ ГАЗЕТЫ «ИСКРА» О ПРЕДАТЕЛЬСТВЕ ВРАЧА ВЕЛЕЖЕВА, ВЫДАВШЕГО БАУМАНА ПОЛИЦИИ

Нас просят огласить следующий позорный факт:

«Просим огласить следующий факт:

Бежавший в 1899 г. из Вятской губернии Бауман (ветеринарный врач, служивший в Саратовском земстве в 1895/96 г.), удачно скрывшись от преследований шпионов, попал случайно в совершенно незнакомую местность, село Хлебное, Задонского уезда, Воронежской губернии. Измученный голодом и продолжительной дорогой пешком, он решил обратиться за содействием к самому интеллигентному представителю деревни — к земскому врачу Валериану Вележеву. Продолжать путь пешком не представлялось возможным, так как городской костюм обращал всеобщее внимание; кроме того, Бауману не удалось в течение суток встретить человека, который мог указать на ближайшую станцию железной дороги. Явившись к Вележеву, он рассказал, в каком затруднительном положении он находится, навел справки о железной дороге и попросил накормить. Великодушный врач ответил, что обед у него будет только через три часа и вообще выразил удивление, что к нему обращаются с подобными просьбами. Через некоторое время он удалился под предлогом приема больных. Вслед за этим явилась прислуга и потребовала от имени барина, чтобы Бауман немедленно удалился. Вележев донес полиции. Как только Бауман вышел из села, его арестовали и отвезли в г. Задонск. Вначале было решено препроводить Баумана этапом в Вятскую губернию, в место прежней его ссылки. Так он проследовал до Уфы. В Уфе его задержа-

ли и отправили в Киев. Теперь он сидит в Киевской тюрьме. Арестован он был 10 февраля».

Долг сослуживцев Вележева наказать предателя открытым выражением презрения.

«Искра» № 20 от 1 мая 1902 г.

ПИСЬМО Н. Э. БАУМАНА В РЕДАКЦИЮ ГАЗЕТЫ «ИСКРА», ПОДТВЕРЖДАЮЩЕЕ ФАКТ ПРЕДАТЕЛЬСТВА ВЕЛЕЖЕВА

Факт предательства Вележева вполне правильно изложен в № 20 «Искры». К этому могу добавить только следующее: перед началом разговора с Вележевым я спросил его, одни ли мы в квартире. Вележев ответил утвердительно, что в квартире, кроме нас, никого нет и что я могу говорить вполне откровенно. В течение нашего разговора Вележев выходил два или три раза под предлогом посещения амбулатории.

Вскоре по уходу Вележева в последний раз явилась женская прислуга и потребовала от имени барина, чтобы я немедленно удалился. Уходя, я заметил в одной из комнат находящегося в засаде дворника, который старательно прятался от моих взоров. Не прошло и восьми минут, как я вышел из квартиры Вележева, у околицы села меня арестовали. Донести мог только Вележев.

Н. Бауман.

Женева, 20 декабря н. с. 1902 г. «Искра» № 33 от 1 февраля 1903 г.

СООБЩЕНИЕ ОСОБОГО ОТДЕЛА ДЕПАРТАМЕНТА ПОЛИЦИИ О ПРИВЛЕЧЕНИИ БАУМАНА К ДОЗНАНИЮ ПО ОБВИНЕНИЮ В ГОСУДАРСТВЕННОМ ПРЕСТУПЛЕНИИ

от 20 мая 1902 г.

Секретно

Министерство внутренних дел. Департамент полиции по особому отделу 20 мая 1902 г. № 3617

В V делопроизводство департамента полиции

Вследствие записки от 7 сего мая за № 6323 особый отдел департамента полиции имеет честь уведомить V делопроизводство, что ветеринарный врач Николай-Иван Эрнестов Бауман привлечен в настоящее время при Киевском

губернском жандармском управлении к дознанию по обвинению его в государственном преступлении и содержится под стражей в местном тюремном замке.

Заведующий отделом *Ратаев.*

АР, ФДП, оо, д. № 500, 1902 г.

СООБЩЕНИЕ ПЕТЕРБУРГСКОГО ГУБЕРНСКОГО ЖАНДАРМСКОГО УПРАВЛЕНИЯ ОБ ОБНАРУЖЕНИИ ПИСЬМА Н. БАУМАНА ПРИ АРЕСТЕ НОГИНА

Секретно

Вр. и д. начальника С.-Петербургского губернского жандармского управления 1 июля 1902 г. № 15600 С.-Петербург

В департамент полиции

В препровожденных при отношении департамента полиции от 25 минувшего июня за № 4289 бумагах обвиняемого мещанина Виктора Ногина оказалось письмо от 2 июля 1901 г. с подписью: Н. Бауман.

Ввиду сего имею честь просить департамент не отказать сообщить мне, не имеется ли в департаменте сведений, кто такой Бауман, где он живет и что представляет он из себя в политическом отношении.

Полковник *(подпись).*

Н. А. Прошу уведомить, что Н. Бауман, искровская кличка «Грач», весьма серьезное лицо, арестован и привлечен к дознанию по Киеву. Лицо, несомненно, близкое к Ногину. Приложить о нем справку.

2 июля.

АР, ФДП, оо, д. № 500, 1902 г.

ВЫПИСКА ИЗ ДОНЕСЕНИЯ НАЧАЛЬНИКА КИЕВСКОГО ГУБЕРНСКОГО ЖАНДАРМСКОГО УПРАВЛЕНИЯ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ БАУМАНА

от 1 августа 1902 г.

Начальник Киевского губернского жандармского управления 1 августа 1902 г. № 6607. Гор. Киев

После ликвидаций в г. Киеве, произведенных 8 февраля, 22 апреля, и арестов в ночь на 1 мая сего года при Киев-

ском губернском жандармском управлении возникли четыре обширные дознания, соответственно принадлежности задержанных к четырем главным действующим в г. Киеве тайным организациям. Из них дознание о партии «социалистов-революционеров» присоединено было к прежнему дознанию о той же группе, находившемуся уже в производстве, а все остальные дознания — о «тайных студенческих организациях», о «Киевском комитете Рабочего знамени» и о «Киевском комитете Российской социал-демократической рабочей партии и группе «Искры» заведены были вновь и в настоящее время находятся в производстве...

В г. Москве, по связям с Крохмалем, арестованы были: 1) служащая на телефонной станции, мещанка, Елизавета Нестерова Уварова, 2) дочь чиновника Мария Иванова Стеллецкая, 3) женщина-врач, дочь купца, Ольга Поликарпова Славина, 4) домашняя учительница, мещанка, Надежда Андреева Сипатовская, 5) фельдшерица, дочь чиновника, Юлия Александрова Рукина, 6) служащий в банке, мещанин, Михаил Марков Меерсон, 7) конторщик, мещанин, Павел Павлов Ногин, и подлежат еще обыску отбывавшие административное взыскание за участие в демонстрации в Москве: 8) Любовь Дмитриева Нижегородцева и 9) Антонина Дмитриева Зайцева. Адресами Уваровой, Сипатовской, Нижегородцевой и Зайцевой Крохмаль пользовался при своих конспиративных сношениях с Москвой. Адресами Павла Ногина и Марии Стеллецкой пользовались для явки к известному эмигранту Бауману, ныне арестованному в Киеве, который при конспиративных сношениях пользовался кличкой «Грач». Лицо, желавшее видеться с Грачом, должно было явиться, по московскому адресу Ногина: «Варварка, контора Викулы Морозова (большой красный дом), подняться во второй этаж, вызвать Павла Ногина и наедине сказать ему: «позвольте получить по счету Леопольда». В студенческой форме — не приходить». К Стеллецкой нужно было явиться в Русское страховое от огня общество, напротив магазина Трынкина, спросить Марию Ивановну Стеллецкую, к ней явиться с запиской, заранее приготовленной, в которой просить рекомендацию к Францу Францевичу (с ней ни о чем не говорить).

Что же касается Михаила Маркова Меерсона, то он, как оказалось впоследствии, имел сношения не только с Крохмалем, но и непосредственно с заграничными эмигрантами. 5 февраля нового стиля 1902 г. Меерсон получил из Мюнхена написанное химическим способом письмо за подписью «Катя» (судя по почерку, от Н. Баумана), в котором ему сообщают, что его последнее письмо было так бледно на-

писано и на такой тонкой бумаге, что ничего почти не удалось разобрать. Поняли, пишет «Мюнхенский» корреспондент Меерсона, «что Богдан взят, где сидит — неизвестно, что со Старичком (Крохмалем) свидание не удалось и с «лошадью» также («лошадьми» на конспиративном языке называются лица, перевозящие нелегальную литературу). Что касается «Старичка», то ваши опасения оказались, по-видимому, неосновательными, как вы это уже знаете, вероятно, от 9.5.5.5.2.53.1.15.5. (шифр не разобран). Теперь о Богдане. Знаете ли адрес его жены. Ей необходимо будет помогать. Состоялось ли в конце концов знакомство с Андреем и Рыжаковым. Оставил ли Богдан связи. Получили ли подарок, посланный Егоровым. Ваш адрес дан одному старому товарищу, сговоритесь с ним. Познакомились ли с 4.17.45.41.48.1 (шифр не разобран). Ответьте на все эти вопросы, а также напишите, сколько денег дали «лошадям» и установили ли правильные сношения. Егоров послал вам подарок, но адрес для явки дал какой-то фантастический: страховое общество... Впрочем, если выйдет недоразумение, человек будет ждать другого адреса. Только-что получил от Егорова письмо с этим известием и пишу ему ein Brief, где сообщаю данный вами адрес для явки... Не понимаю, как он мог не знать вашего адреса. Итак, не забудьте, пожалуйста, что ответы о листке нужны непременно к 1 марта старого стиля. Пусть вносят поправки, какие найдут желательными, и выскажутся относительно того, какая подпись желательна. Пусть определят количество необходимых экземпляров. Скоро пришлем проект майского листка. Обсудите его сейчас же с 15.4.6.3.16.6.4.18.15.1.4.13.14.6 (шифр не разобран). С'ездите в Нижний, Тулу, Тверь, дайте на обсуждение, добейтесь ответа, согласны ли принять, и если да, то в каком количестве экземпляров прислать, пусть дадут адреса для явки. Также Тамбов и Воронеж. Ответ необходимо получить до 1 марта. Сделайте же это непременно. Итак, на вашем попечении Нижний, Тула, Тверь, Тамбов, Воронеж. Если можете проникнуть еще куда, то и туда. Ответьте немедленно, беретесь ли это сделать. Получены ли книги. Привет от друзей».

Весьма возможно, что адресом Меерсона только пользовались для писем и это письмо относится не к нему, а к известному «Грачу», судя по тому, что явка дана на «Страховое общество» (через Стеллецкую), но так как письмо адресовано непосредственно к Михаилу Маркову Меерсону, без всякой передачи, а сам он никаких об'яснений по этому поводу не дает, то вопрос этот и до сих пор остается открытым...

Из предыдущих сведений видно, какую важную роль в «искровской» организации играло лицо, известное под конспиративной кличкой «Грача». Будучи за границей, он руководил всеми русскими сношениями, указывал, что нужно делать и куда направлять транспорты литературы, он же связывал отдельных деятелей между собой. По возвращении в Россию он сохранил за собой роль руководителя партии, из'ездил чуть не все города, поддерживая и оживляя связи. Агентуре давно известно было, что «Грач» есть не кто иной, как ветеринарный врач из мещан Николай Эрнестов Бауман. Задержать его, однако, никак не удавалось. 8 февраля 1902 г. филерами, наблюдавшими за Крохмалем, замечено было, что из квартиры Крохмаля около половины 12 часа утра вышел Левин Гальперин с неизвестным мужчиной. Отделившись от спутника, неизвестный со свертками в руках отправился на вокзал, получил бывшие там на хранении вещи и с поездом № 6 выехал в Воронеж. За ним поехали филеры. Прибыв 9 февраля в Воронеж, неизвестный пошел в город, наведался в земскую управу и, узнавши, вероятно, о происшедших в г. Киеве арестах, стал бродить по разным улицам, улавливая наблюдение, каковое и принуждено было его оставить. 13 февраля наблюдением был задержан в Острогожском уезде, причем назвался первоначально мещанином Петровым, но в действительности оказался разыскиваемым ветеринарным врачом Николаем Бауманом...

Перечисляя обвиняемых в алфавитном порядке, я вкратце против каждого из них буду указывать основания привлечения и приводить сущность об'яснений, данных при формальном допросе...

Бауман Николай Эрнестов, из мещан, ветеринарный врач, обвиняется по 250—252 ст. улож. о наказ. Арестован 5 марта 1902 г. в Задонском уезде Воронежской губернии под фамилией Петрова. При задержании всячески старался ускользнуть и предлагал 100 рублей за свое освобождение.

Изобличается в принадлежности к преступной организации «Искры» и в распространении изданий этой группы. В партии известен был под конспиративной кличкой «Грач». В 1897 г. привлекался к дознанию по обвинению в государственном преступлении, пробыл в одиночном заключении в Петропавловской крепости 22 месяца и выслан был в Вятскую губернию на четыре года, откуда скрылся за границу, где жил до последнего времени, принимая большое участие в русских революционных кружках. По агентурным сведениям, Бауман является одним из главных представителей искровской организации и был послан в Россию с органи-

заторскими целями. Из'ездил он очень много, побывал почти во всех крупных городах России и всюду всем представителям революционных сообществ рекомендовал «явки» к «Грачу». Кличка его постоянно фигурирует в конспиративных письмах и из Москвы, и из Харькова, и из Одессы, и из Киева. Он принимал заказы на «искровские издания», входил в соглашения с «комитетами» и всячески стремился к проведению всюду «искровской программы».

При допросе в качестве обвиняемого Бауман не признал себя виновным в приписываемых ему преступлениях и об'яснил, что прибыл в Россию с целью устроиться «нелегально». В Киеве, заметив за собой энергичный надзор, он остался недолго и выехал в Воронежскую губернию, где в Задонском уезде и был арестован. У кого останавливался и с кем виделся в Киеве, Бауман назвать не пожелал.

Мерой пресечения против Баумана принято содержание его под стражей...

Генерал-майор *Новицкий*.

АР, ФДП, VII дел-во, д. № 128, т. II, 1902 г.

Н. Э. БАУМАН — ОРГАНИЗАТОР ПОБЕГА „ИСКРОВЦЕВ" ИЗ КИЕВСКОЙ ТЮРЬМЫ

ТЕЛЕГРАММА КИЕВСКОГО ГУБЕРНАТОРА ТРЕПОВА О ПОБЕГЕ ОДИННАДЦАТИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЗАКЛЮЧЕННЫХ

От 19 августа 1902 г.

Разбор шифрованной телеграммы из Киева от губернатора Трепова на имя г. министра внутренних дел.

Сегодня, четверть девятого, вечером из киевской тюрьмы во время прогулки бежало одиннадцать политических арестантов, посредством веревочной лестницы, перекинутой через стену. Часовой был накрыт одеялом и прижат к земле другими политическими арестантами. Розыск производится. Подробности почтой. Бежали: Басовский, Блюменфельд, Крохмаль, Таршис, Бауман, Бобровский, Гурский, Валлах, Плесский, Мальцман и Гальперин.

Губернатор *Трепов.*

АР, ФДП, III дел-во, д. № 3600, 1904 г.

ИЗ ВЕДОМОСТИ О ЛИЦАХ, ПОДЛЕЖАЩИХ РОЗЫСКУ

№ 7374, 20 августа, 1902 г. Гор. Киев.

Ведомость о лицах, подлежащих розыску

В департамент полиции.

От начальника Киевского губернского жандармского управления.

Звание, происхождение, имя, отчество, фамилия, лета, вероисповедание и прозвище, если таковое имеется.

Ветеринарный врач, из мещан г. Митавы, Николай Эрнестович Бауман, 29 лет, лютеранского вероисповедания, по прозвищу «Грач».

Приметы.

Рыжеватый, с бородой, в темных очках, довольно плотный, среднего роста. Других примет не имеется.

Состоял ли под стражей или под надзором полиции и по какому делу.

Состоял под стражей в киевской тюрьме по делу о преступной деятельности социал-демократической группы «Искра» и Киевского комитета Российской социал-демократической рабочей партии с апреля 1901 г. Бежал из тюрьмы 18 августа 1902 г.

Где проживал последнее время и по какому делу.

Проживал за границей в Швейцарии и Франции, в Париже, а также в Карлсбаде с целью лечения.

Имеет ли семейство и родных и где они проживают.

Имеет: отца Эрнеста 60 лет, служащего в селении Паратский завод, близ г. Казани. Братьев: Александра — 30 лет, местожительство его неизвестно, и Эрнеста — 26 лет — помощник капитана парохода общества «Надежда» на Волге. Сестру Эльзу — 24 лет — фельдшерица и слушательница акушерских курсов в г. Казани, проживающая ныне в Семиозерской Пустыне Казанского уезда.

Куда должен быть направлен по разыскании.

Начальнику Киевского губернского жандармского управления в г. Киев...

Начальник управления генерал-майор *(подпись).*

ДОНЕСЕНИЕ НАЧАЛЬНИКА КИЕВСКОГО ГУБЕРНСКОГО ЖАНДАРМСКОГО УПРАВЛЕНИЯ О ПОБЕГЕ ОДИННАДЦАТИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЗАКЛЮЧЕННЫХ

от 31 августа 1902 г.

Начальник Киевского губернского жандармского управления 31 августа 1902 г. № 7702. Гор. Киев.

Г. директору департамента полиции.

В 8 часов 40 минут вечера 18 сего августа я услыхал звон телефона в своей квартире и, когда подошел к нему, то узнал, что со мной говорит временно исправлявший должность начальника киевской тюрьмы, помощник его Крамалей, ко-

торый в немногих словах сообщил мне, что обнаружен побег политических арестантов из тюрьмы, и на вопрос мой, «каким образом совершен побег, кто и сколько бежало арестантов», ответил: «еще неизвестно, как учинен побег и кто бежал, но много». Соединившись немедленно же телефоном с г. губернатором, я, сообщая ему о побеге, просил содействия его о задержании бежавших через чинов пеших и конных городской полиции; оказалось, что г. губернатору еще не было известно о случившемся побеге до моего сообщения по телефону. Затем я сообщил, также по телефону, прокурорскому надзору и на киевскую железнодорожную станцию, где уже находился состоящий в моем распоряжении отдельного корпуса жандармов ротмистр Комендантов[1], давший, по распоряжению моему, депеши по линиям железных дорог; затем, я, приказав по телефону же подведомственным мне офицерам собраться в тюрьме, сделав внутренние распоряжения о розыске по городу через жандармов-филеров, отправился сам в тюрьму, взяв по дороге двух офицеров. По прибытии в тюрьму я спросил, есть ли г. губернатор, чтобы следовать с ним к месту побега, на что дежурный у ворот надзиратель ответил, что губернатора еще нет, но, как оказалось, г. губернатор был уже в тюрьме и находился в тюремной конторе. Отправившись с двумя своими офицерами на место, где арестованные совершили побег, я нашел следующее: у правого фаса тюрьмы, где содержатся только политические арестанты в трех этажах и где находится прогулочный только для политических арестантов узкий двор, окруженный с одной стороны стеной тюремного здания, а с остальных — высокой каменной тюремной оградой высотой 6 аршин 5 вершков, я нашел двор этот освещенным одним лишь тусклым керосиновым фонарем, у которого стоял часовой, молодой младший тюремный надзиратель Аверченко, с ружьем и с избитым лицом. В конце этого прогулочного двора имеются два дворика, предназначенные для одиночных прогулок и для разобщения арестантов во время этих прогулок; эти дворики окружены каждый с трех сторон каменными стенами. Заведующий политическими арестантами капитан Сулима не мог точно об'яснить моим офицерам, какое собственно назначение имеют эти, окруженные каменной стеной, дворики. В конце двора, в нескольких шагах от угла, стоял часовой Аверченко, и невдалеке от него находилась висевшая на тюремной ограде

[1] Получивший сведение о побеге арестантов из тюрьмы по телефону и прибывший на железнодорожную станцию для установления наблюдения за от'езжающими из Киева.

самодельная лестница, свитая из кусков тюремных простынь, с тринадцатью ступеньками, прикрепленная железной кошкой к тюремной ограде, высотой выше 6 аршин. Около лестницы висела, скрученная из простынь же, до земли веревка с узлами на известном расстоянии, которая служила подспорьем при взбирании на лестницу, и такие же две веревки находились спущенными на другую сторону тюремной ограды, по которой спускались бежавшие. Лестница имела прикрепленные ступеньки, в числе тринадцати, из ободов венского стула, а также из кусков дерева и простынь. Стоявший на месте происшествия часовой с ружьем, тюремный надзиратель Аверченко, на вопрос мой, рассказал, что на него неожиданно накинулись, кто именно, он не знает, политические арестанты, которые находились во дворе на прогулке, в числе свыше 20 человек, набросили на голову его суконное одеяло, повалили его на землю, отобрали ружье, заткнули ему рот платками, навалились на него и душили его в течение 10 минут, а когда его освободили, то он, оправившись, вскрикнул, вскочил на ноги и дал выстрел по убегавшим в здание политическим арестантам, но ранил ли кого, не знает, а затем он увидел висящую на стене лестницу и сообразил, что совершен побег. Часовой Аверченко, действительно, оказался с окровавленным лицом, которое было распухшим, а на губах была запекшаяся кровь; сам же он был выпачкан землею и сильно был взволнован. Затем я направился в тюремную контору для установления личностей и числа бежавших и сделать необходимые распоряжения, но во дворе встретил г. губернатора, направлявшегося к месту побега, и с ним вновь обозрел общую обстановку побега. Прийдя затем в контору, я обратился к г. тюремному инспектору Лучинскому и чинам тюремной администрации с просьбой, дать мне список лиц бежавших, но никто из них еще определенно не знал, кто именно бежал и сколько, причем заведующий политическими арестантами — помощник начальника тюрьмы капитан запаса Сулима заявил, что бежало 10, а дежурный по тюрьме — помощник Федоров уверял, что бежало одиннадцать. Кроме того, в поданной мне заметке о бежавших значилась фамилия «Беменфельд», между тем как такого политического арестанта в действительности нет и не было. Вследствие этого, чтобы установить точно, кто именно бежал и сколько, я распорядился о производстве фактической поверки всех политических арестантов через подведомственных мне офицеров, при помощнике начальника тюрьмы Сулиме, для чего немедленно предложил отправиться в камеры политических арестантов помощнику начальника тюрьмы капитану Сулиме и офицерам кор-

пуса жандармов ротмистрам Кашинцеву, Орлову и поручику Устинову. Названными лицами была по камерам произведена фактическая проверка всех политических арестантов, причем из 64 лиц, в том числе 51 мужчин и 13 женщин, состоявших по списку к 18-му числу августа, оказалось налицо только 53, остальные одиннадцать, а именно: Иосиф Басовский, Николай Бауман, Иосиф Блюменфельд, Владимир Бобровский, Меер Валлах, Марьян Гурский, Левин Гальперин, Виктор Крохмаль, Борис Мальцман, Болеслав Плесский и Иосель Таршис — бежали...

Генерал-майор *(подпись).*

АР, ФДП, III дел-во, д. № 3600, 1904 г.

ВЫПИСКА ИЗ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПРОКУРОРА КИЕВСКОЙ СУДЕБНОЙ ПАЛАТЫ ПО ДЕЛУ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ «ИСКРА»

Выписка из заключения прокурора Киевской судебной палаты по делу о преступной деятельности социал-демократической группы «Искра» и «Киевского комитета Российской социал-демократической рабочей партии».

...8. Бауман Николай Эрнестов, из мещан, ветеринарный врач, обвиняется по 250 — 252 ст. улож. о наказ. Арестован 11 февраля 1902 г. в Задонском уезде, Воронежской губернии, под фамилией Петрова. При задержании всячески старался ускользнуть и предлагал 100 рублей за свое освобождение.

Изобличается в принадлежности к преступной организации «Искры» и в распространении изданий этой группы. В партии известен был под конспиративной кличкой «Грач». В 1897 г. привлекался к дознанию по обвинению в государственном преступлении, пробыл в одиночном заключении в Петропавловской крепости 22 месяца и выслан был в Вятскую губернию на четыре года, откуда скрылся за границу, где жил до последнего времени, принимая большое участие в русских революционных кружках. По агентурным сведениям, Бауман является одним из главных представителей «искровской организации» и был послан в Россию с организаторскими целями. Из'ездил очень много, побывал почти во всех крупных городах России и всюду всем представителям революционных сообществ рекомендовались «явки» к «Грачу». Кличка его постоянно фигурирует в конспиративных письмах и из Москвы, и из Харькова, и из Одессы, и из Киева. Он принимал заказы на «искровские издания», входил в сношения с «комитетами» и всячески стремился к повсеместному проведению «искровской программы».

При допросе в качестве обвиняемого Бауман не признал себя виновным в приписываемых ему преступлениях и об'яснил, что прибыл в Россию с целью устроиться «нелегально». В Киеве, заметив за собой энергичный надзор, он остался недолго и выехал в Воронежскую губернию, где в Задонском уезде и был арестован. У кого останавливался и с кем виделся в Киеве, Бауман назвать не пожелал.

Мерой пресечения против Баумана было принято содержание его под стражей, но 18 августа 1902 г. Бауман из киевской тюрьмы бежал...

С подлинным верно:
и. д. младшего помощника делопроизводителя *(подпись).*

АР, ФДП, оо, V дел-во, д. № 386, ч. I, 1904 г.

ЛИСТОВКА КИЕВСКОЙ КАССЫ «КРАСНОГО КРЕСТА» О «ПОБЕГЕ ОДИННАДЦАТИ»

от 1 сентября 1902 г.

«18 августа в Киеве произошло значительное событие: из тюрьмы бежало одиннадцать политических арестантов (перечислены их имена). Большинство из них сидело с февраля этого года, некоторые с апреля 1901 г. по обвинению в принадлежности к РСДРП или в доставке и распространении «Искры»; один из бежавших — Плесский — обвинялся в принадлежности к с.-р. Бежавшие имели основание ожидать, что еще многие месяцы их будут морить в тюрьме, пока Новицкий с друзьями-прокурорами кончит так называемое «следствие», где нет ни определенно сформированного обвинения, где на место фактических улик ставятся показания подкупных шпионов... С каждым годом жандармерия удлиняет свои заключения, стараясь навсегда из'ять из жизни своих врагов. Естественно, что попавшие в тюрьму политические ставят своей первой задачей по возможности скорее вырваться оттуда, чтобы вновь вступить в ожесточенную борьбу с правительством... То же сделалось заветной мечтой одиннадцати бежавших. Чуть не с первых дней заключения стали они обдумывать свой смелый план побега; один раз, казалось, все уже было готово: в назначенный день и час в назначенных местах уже ожидали свободные товарищи с лошадьми, как вдруг какое-то мелкое событие тюремной жизни чуть не погубило все дело. Попытку пришлось отложить на неопределенный срок. Каждый день план мог от-

крыться, но, наконец, наступил счастливый вечер, когда его можно было осуществить...».

Далее идет описание побега, уже известное читателям, и прокламация продолжает:

«Побег был обнаружен очень скоро после того, как последний из бежавших очутился на свободе. Была поднята тревога, вдогонку беглецам наугад полетели пули, выслана погоня... К счастью, Новицкий и многие другие жандармы были в этот вечер на какой-то свадьбе, где усердно служили Бахусу; лучшие сыщики были уже отправлены в Курск для изображения толпы во время царского проезда, и благодаря этим случайностям погоня была организована много часов после побега. А между тем беглецов за тюремной стеной поджидали их друзья и товарищи, доставившие им более или менее безопасное убежище.

В настоящее время многие из них находятся уже за границей, другие еще в России, где есть все основания надеяться, что сыщики Новицкого их не откроют...

Несмотря на смелость и находчивость беглецов, их побег был бы невозможен, если бы общество их не поддержало. Мы не говорим уже о товарищах и друзьях бежавших, оказавших им самую существенную помощь и непосредственно способствовавших их побегу. Но и более широкие круги общества, люди, никогда не знавшие ни одного из участников побега, проявили самое горячее сочувствие. Нашлись квартиры, которые охотно были предоставлены беглецам в первую же ночь, проведенную ими на воле. Нашлись и деньги. Побег стоил значительных средств. По 100 рублей дано каждому бежавшему, пришлось купить для них костюмы, лошадей; все вместе обошлось приблизительно в 2 500 рублей. Несмотря на значительность этой суммы, большая часть была собрана в короткий срок... Сборы, направленные специально на поддержку, произвели дефицит в нашей кассе. А между тем весьма вероятно, что некоторые из беглецов будут еще несколько недель нуждаться в нашей помощи. Но этого мало. Новицкий, видимо, желает заполнить пустое пространство, образовавшееся в тюрьме после побега... Взбешенный тем, что счастливо спаслись от него одиннадцать человек, Новицкий жаждет найти теперь сообщников побега, чтобы хоть на них выместить свою злобу. Правда, у него нет никаких данных, но разве перед этим останавливается царское правительство? Мы можем, должны готовиться к тому, что тюрьма, на время освободившаяся, вновь наполнится жертвами жандармского произвола, безжалостно и бессмысленно выхваченными по указанию любого шпиона или нелепой логике Новицкого и его помощников...».

СООБЩЕНИЕ НАЧ. КАЗАНСКОГО ГУБЕРНСКОГО ЖАНДАРМСКОГО УПРАВЛЕНИЯ О ПРЕДПОЛАГАЕМОМ ПЕРЕЕЗДЕ БАУМАНА ИЗ БЕРЛИНА В АМЕРИКУ

Секретно

И. д. начальника Казанского губернского жандармского управления. Ноября, 6 дня, 1902 г. № 4199. Гор. Казань.

В департамент полиции

В дополнение доклада моего от 9 октября сего года за № 3835, имею честь доложить департаменту полиции, что разыскиваемый циркуляром департамента полиции от 21 августа сего года за № 5350 мещанин г. Митавы, ветеринарный врач Николай Эрнестов Бауман и проживающий ныне в Берлине в письме, присланном на-днях к отцу своему Эрнесту Андрееву Бауман, сообщает, что в скором времени намерен переехать на постоянное жительство в Америку.

Подполковник *Мочалов.*

Н. Э. БАУМАН В ПЕРИОД II СЪЕЗДА РОССИЙСКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ

ДОКЛАД Н. Э. БАУМАНА О СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОМ ДВИЖЕНИИ В МОСКВЕ, ПРЕДСТАВЛЕННЫЙ II С'ЕЗДУ РОССИЙСКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ [1]

Приступая к докладу о московском рабочем движении и о деятельности московских социал-демократических организаций, мы должны оговориться, что нам не удалось добить-

---

[1] Доклад Н. Э. Баумана о социал-демократическом движении в Москве был написан по прямому заданию В. И. Ленина. Владимир Ильич придавал исключительно большое значение докладам местных комитетов и групп РСДРП общепартийному с'езду. Это видно хотя бы из того, что еще в январе 1903 года, в ответ на запрос одного из членов Организационного комитета, В. И. Ленин составил подробный перечень вопросов, на которые местные организации должны были дать ответ. Ленин писал в сопроводительном письме: «Наш 2 с'езд будет носить еще более у ч р е д и т е л ь н ы й характер, чем первый, и потому надо положить все силы, чтобы доклады были полнее и солиднее. Чем большую долю идеальной программы доклада выполнит каждая группа, тем полнее и точнее будет представлено на нашем с'езде все движение в целом, тем прочнее будут результаты с'езда» (**Ленин**, т. V, стр. 212).

Составитель основного доклада о работе московской с.-д. организации Н. Э. Бауман в основу своего доклада положил огромный фактический материал и в достаточной степени использовал печатные материалы («Работник», «Рабочее дело», «Искра» и др.). Н. Э. Бауман пользовался и учел указания активных работников московской организации РСДРП. В докладе Н. Э. Баумана ярко излагается положение социал-демократического и рабочего движения в Москве накануне II с'езда Российской соц.-демократической рабочей партии. Доклад был опубликован в 1930 году в сборнике: «Доклады соц.-демократических комитетов Второму с'езду РСДРП». Кроме того, он частично был напечатан в брошюре «Искровский период в Москве», издание Истпарта МК ВКП(б) 1932 г.

ся соответствующих сообщений от деятелей различных периодов. А потому далеко не блестящая картина социал-демократического движения в Москве, быть может, в нашем изложении представится еще более жалкой, чем это есть в действительности. Обстоятельства заставили нас ограничиться очень незначительным материалом, имеющимся в нелегальной литературе («Работник», «Рабочее дело» и «Искра»), несколькими письмами и личными наблюдениями.

Краткий очерк московского рабочего движения, его история и современное состояние

Сведения о начале рабочего движения в Москве мы черпаем из отчета Центрального комитета Московского рабочего союза, напечатанного в № 3—4 «Работника». Это, можно сказать, единственный документ, проливающий некоторый свет на первые шаги московских рабочих под руководством социал-демократов.

И это выступление не лишено известного эффекта; оно показывает, что было время, когда Москва не шла в хвосте других городов.

Хотя только зимою 1894/95 г. началась более или менее широкая пропаганда, но уже с наступающей весной удалось отпраздновать 1 Мая. В этот день впервые собрались московские рабочие в числе 200 человек. На сходке говорились речи о значении пролетарского праздника. Здесь также впервые была высказана мысль о необходимости организации и боевой рабочей кассы. В качестве ораторов выступило несколько рабочих. «Вскоре после этой сходки,— говорит упомянутый отчет,— состоялось собрание представителей отдельных заводов и фабрик. На этом собрании был выработан устав общей московской рабочей кассы, и для окончательного принятия его было решено созвать в середине июня сходку, человек в 500. Но уже близился конец этого первого блестящего периода московского рабочего движения: 9 июня, почти накануне сходки, произведено много арестов среди интеллигенции» («Работник» № 3—4).

Кроме этого, в 1895 г. московский пролетариат проявил себя в нескольких стачках. В начале весны прекратили работу из-за неудовольствий с администрацией рабочие железнодорожного депо на Московско-курском вокзале; в двадцатых числах бастовали на ткацкой фабрике Прохорова; в июне произошло столкновение рабочих с казаками и полицией на фабрике Мазурина и Герасимова в Кускове, под Москвой, и, наконец, в июне же вспыхнула стачка в чайном

складе товарищества К. и С. Поповых. «В половине августа,— говорится в этом же отчете,— последовал новый погром, коснувшийся на этот раз исключительно рабочих. Сношения между отдельными фабриками и заводами порвались, и на время движение затихает».

Только в конце февраля 1896 г. московский пролетариат появляется опять на общественной сцене. В это время от имени 605 рабочих 28 крупных заведений посылается французским рабочим адрес по поводу 25-летия Парижской коммуны. Затем в марте устраивается несколько собраний представителей от заводов и фабрик опять для выработки плана организации и боевой кассы. Недели за три до пасхи бастуют на заводе Карла Вейхельта.

Между тем приближалось время коронации. Многие интеллигенты и 30—40 рабочих были высланы из Москвы. На время коронации всякая работа в Москве прекратилась.

С возвращением же высланных начинается усиленная агитация. Уже в июне месяце созывается целый ряд сходок для окончательного решения вопроса о боевой кассе. Первая сходка была устроена 2 июня по инициативе самих рабочих. На ней было 60, а на второй, созванной 9 июня, было уже 150 заводских рабочих. 23 июня состоялась вновь сходка из 150 человек, но главным образом фабричных рабочих.

Как известно, в это время происходила большая петербургская стачка, точные сведения о которой были получены в Москве только 11 июня. Центральный комитет только что образовавшегося Московского рабочего союза повел широкую агитацию по поводу петербургских событий и решил созвать сходку.

В воскресенье 16-го числа состоялась предполагавшаяся сходка. «На ней присутствовало,— пишет отчет Центрального комитета Московского рабочего союза,— до 300 с лишним человек, кроме того человек 200 заблудилось и не дошло до назначенного места. На этой сходке, под развернутым впервые у нас после демонстрации у Казанского собора красным знаменем, было торжественно об'явлено об основании Московского рабочего союза. Потом были прочитаны петербургские прокламации и поднят вопрос, чем может Москва поддержать забастовщиков». На прокламацию Центрального комитета откликнулся целый ряд фабрик и заводов. В этих прокламациях наряду с общим требованием уплаты за коронационные дни выставлялись другие частные требования, соответствующие различным фабрикам и заводам. 3 июля забастовали мастерские Курской железной дороги; на другой день к ним присоединились мастерские Смоленской железной дороги. Начальство быстро удовлет-

ворило требования рабочих. «Не успели затихнуть эти вспышки, как поднялась шелковая фабрика Грессера и чугунолитейный завод Перинуда, требуя повышения расценков и уплаты за коронационные дни. Сильно заволновался народ в мастерских Рязанской и Ярославской железных дорог, на заводе Нового Бромлея и Гужона. Еще несколько дней — и в Москве разразилась бы всеобщая забастовка, но 6 июля были произведены большие аресты» (отчет ЦК МРС). Надо еще упомянуть, что в июле месяце Центральный комитет послал мандат на имя В. И. Засулич для представительства на Лондонском Интернациональном рабочем конгрессе. Мандат этот был послан от имени тысячи членов Союза, на самом же деле число их простиралось до 2 тыс.

После июльского провала рабочее движение значительно ослабевает. Однако, с августа начинаются вновь стачки: вначале около месяца волновались рабочие Курских мастерских, в сентябре забастовали на заводе Нового Бромлея. Затем в ноябре и декабре происходит целый ряд стачек на различных заводах за сокращение рабочего дня. Подобные же забастовки были в мастерских Ярославской, Смоленской и Рязанской железных дорог, на заводах: Дангауэра, Старого Бромлея, Фогельзанга и др.

Этот год заканчивается двумя погромами. И лучшие времена московского рабочего движения миновали.

За 1897 и 1898 гг. мы ничего не можем отметить, кроме нескольких стачек в пользу сокращения рабочего времени и других, более мелких требований. (В 1897 г. были стачки на шелковой фабрике Сапожникова, на парфюмерной фабрике Келлера, на литейных заводах Кудлина, Шлихтермана и др., в 1898 г.—на фабрике Гюбнера и однодневная стачка на Прохоровской бумаготкацкой мануфактуре.) Относительно 1899 г. мы не встречаем в литературе никаких указаний. В следующем же, 1901 г., в «Листке Рабочего дела» № 1 упоминается стачка на золото-канительной фабрике Алексеева и на Вознесенской мануфактуре «Берга и Кнопа», а в № 1 «Искры» находим корреспонденции из Московской губернии о движении на кирпичных заводах, выразившемся в неорганизованной стачечной борьбе.

В феврале 1901 г. мы встречаем московских рабочих на улице во время демонстрации, они составляют даже самую большую и самую боевую часть толпы. Но участие их здесь было до известной степени случайное, без призыва со стороны комитета. В этот раз своим поведением во время демонстрации московский пролетариат опять доказал свою полную готовность всегда вступить в революционные ряды.

Наконец, в 1902 г. и до сих пор масса рабочих ничем себя не проявила. Наоборот, за последние годы охранное отделение получило как будто бы привилегию развращать московский пролетариат, создавая своеобразное зубатовское рабочее движение. Но об этом мы скажем ниже. Все приведенные данные приводят к очень печальным выводам. В то время как социалистическая агитация и пропаганда с каждым годом захватывают все большее и большее количество городов, проникают даже в самые глухие провинциальные уголки, вызывая те или иные рельефные проявления роста классового самосознания пролетариата,— в Москве, в одном из самых важных промышленных центров, резко бросается в глаза постепенное ослабление и даже, пожалуй, полное уничтожение социал-демократического влияния на рабочую массу. По крайней мере, начиная с 1898 г., в революционных летописях не отмечено ни одного факта, по которому можно было составить хотя бы приблизительное представление о росте социал-демократической агитации. Только относительно 1896 г. мы имеем указания в отчете ЦК МРС, насколько широко простиралось и увеличилось за три месяца влияние Союза: в марте велась агитация на 28 крупных заведениях, а конец июня захватывает уже 55 таких заведений. Едва ли когда-либо в последующие годы московским деятелям удалось достигнуть таких результатов. Мы должны оговориться, что наше заключение относительно уменьшения социалистической агитации среди московского пролетариата не стоит в зависимости с наблюдаемым упадком стачечного движения.

По нашему мнению, стачки могли за известный период совершенно прекратиться, а агитация в то же самое время могла расшириться и углубиться, перенося только весь центр тяжести на другого рода коллективные действия рабочих.

И на самом деле, благодаря глубокому промышленному кризису, московский пролетариат не мог бы себя проявить в стачечной борьбе, если бы даже во главе его стояла более устойчивая организация. Между прочим кризис сказался и на организационной работе социал-демократов, лишая последних лучших элементов из рабочей массы. С фабрик и заводов рассчитывались прежде всего наиболее развитые, сознательные рабочие и, следовательно, самые беспокойные головы. Нам известен целый ряд случаев, когда очень ценные члены рабочего комитета должны были покинуть Москву, так как они не могли получить денежной поддержки со стороны молодой и неустойчивой организации.

Теперь перейдем к рассматрению кружков, Союза и комитетов, пытавшихся руководить московским рабочим движением.

Исторический очерк московских социал-демократических организаций

Упомянутый отчет Центрального комитета Московского рабочего союза приурочивает начало социал-демократического движения к 1894 г. В это время об'единяются действовавшие до тех пор разрозненно кружки интеллигентной молодежи; кроме того, группа наиболее сознательных и энергичных рабочих образует центр нового движения. Кружки эти ведут усиленную пропаганду, главным образом на механических заводах.

В то время, повидимому, не существовало еще выработанного плана действий или общей программы. По словам одного современника, каждый кружок вел дело по собственной программе, лучше сказать, по собственному разумению. Сплошь и рядом этой «программой» был ряд на живую нитку пришитых друг к другу благих пожеланий интеллигенции народу. Однако, о характере первоначальной пропаганды мы можем делать только догадки, так как от того времени не сохранилось никаких документов.

Но несмотря на то, что в то время еще не приступали к широкой агитации, если не считать сходку 1 мая 1895 г. и проекта еще более многолюдной сходки, хищнические набеги жандармов на пионеров социал-демократии происходят довольно часто. Первыми жертвами в 1894 г. были врач Мицкевич и его товарищи, затем 9 июня 1895 г., накануне предполагавшейся сходки в 500 человек, было арестовано много интеллигентов, в том числе Мандельштам, братья Масленниковы и др. Вскоре, в половине августа, последовал погром среди рабочих.

Новому кружку интеллигентов, образовавшемуся в октябре того же года, пришлось начинать дело сначала: разыскивать старые связи с рабочими, приобретать новые. Чувствовался большой недостаток в развитых и опытных рабочих, а потому вначале было обращено главное внимание на пропаганду. Но дело пропаганды сильно тормозилось хроническим отсутствием нелегальной литературы. За исключением таких произведений, как «Ткачи», «Царь-голод» Дикштейна и нескольких брошюр издания группы «Освобождение труда», в то время в Москве ничего не было.

Новый кружок, наряду с которым существовали другие кружки, особенно был озабочен выработкой плана органи-

зации боевой рабочей кассы. «План этот в общих чертах представлялся в следующем: организация состоит из собрания представителей, по одному из каждого заведения, и из Центрального комитета. В состав Центрального комитета входят несколько интеллигентов и человек 6—7 наиболее сознательных и развитых рабочих, приблизительно по одному от каждого района, на которые для быстроты сношений разделяется Москва. Центральный комитет руководит всем московским движением, распоряжается средствами организаций, доставляет и печатает нелегальную литературу и ведет сношения как с другими городами, так и с заграницей. Собрания его происходят от одного до двух раз в месяц.

Представительское собрание состоит при Центральном комитете в качестве совещательного органа и своевременно доставляет центру известия о всем, что делается в их мастерских. Таким образом, является возможность для непрерывной и широкой агитации. Организация имеет свою кассу и библиотеку» («Работник» № 3—4).

Едва ли действительность вполне соответствовала начертанному идеалу, но, как бы то ни было, 16 июня, о чем мы уже говорили, на большой сходке было торжественно об'явлено об основании Московского рабочего союза.

Опять-таки и относительно вновь образовавшегося Союза мы не находим никаких указаний, какого рода программа легла в основу его деятельности. Можно с уверенностью предположить, что ничего выработанного и определенного в этой области не было: тактика и принципы варьировали со взглядами отдельных кружков и лиц, входящих в состав вновь провозглашенного Московского рабочего союза. В то время, как рассказывают, у действовавшей в рабочей среде молодежи настольной книгой, своего рода евангелием, были «Критические заметки» П. Струве, между тем как нелегальные социал-демократические издания составляли большую редкость. Легко понять, что подобного рода марксистская литература давала слишком большой простор фантазии при выработке социально-политического миросозерцания.

В начале Союз, как и кружок, образовавший его, воздерживались от агитации. Когда же он был обстоятельствами вынужден принять участие в стачке на заводе Вейхельта, то вместо гектографированных воззваний им были расклеены рукописные, чтобы раньше времени не обращать внимание полиции.

Но весенние события в Петербурге заставили сразу изменить тактику. Началась широкая агитационная работа. До и после упомянутой большой сходки Центральный комитет

издал несколько общих воззваний с призывом поддержать петербургских товарищей всеобщей забастовкой. С этих пор обращено особое внимание на выпуск прокламаций, главным образом с формулировкой требований рабочих на различных заводах и фабриках. Мы должны тут упомянуть еще о нескольких листках, выпущенных раньше по поводу разных текущих событий и назревших вопросов. К ним принадлежат между прочим следующие: описание пяти стачек, почему хозяева сокращают рабочий день, октябрьская стачка в Иваново-Вознесенске по поводу еврейской стачки в Вильне, для чего рабочим нужна касса и как ее устроить и некоторые другие. Все издания Союза воспроизводились на гектографе.

...В то время как некоторые экспансивные головы мечтали чуть ли не об открытой проповеди социализма на площадях, жандармы нагрянули и в ночь на 6 июля захватили с поличным большинство активных деятелей молодой организации. В этот раз было арестовано не менее 10 интеллигентов и около 50 рабочих, по другим сведениям — даже больше. Приводим некоторые фамилии арестованных: Борис Кварцев, Леопольд Рума, Виктория Суходольская, Дмитрий Солодовников, Евгений Немчинов, Клавдия Величкина, Николай Величкин, Павел Колокольников и др.

Зубатов, бывший революционер, тогда только-что начавший свою карьеру, в качестве начальника охранного отделения, горел желанием как можно скорее выдвинуться и вел сильную интригу против жандармского управления. Дело взятых 6 июля пошло охранным порядком. Московский рабочий союз попал всецело в лапы Зубатова. С этих пор начинается печальная известность московского социал-демократического движения.

Быть может, разврат, внесенный в революционную среду ловким провокаторством, начался еще раньше, до июльского погрома, но только в конце 1896 г. он становится все более явным и принимает небывалые размеры.

Нам удалось достать из редакции «Искры», а также из других мест несколько писем товарищей по делу Рума и К°. В них ярко выступает, как хитро умел воспользоваться новый начальник охранного отделения гнусностью одних и непростительным легкомыслием других, чтобы таким образом надолго обезвредить Москву от всякого влияния социал-демократии.

К сожалению, благодаря какой-то непонятной щепетильности и индиферентности некоторых участников процесса 1896 г., до сих пор остались тщетными все попытки официально, при помощи специально назначенного товарищеско-

го суда, вывести все на чистую воду и отделить невольных «заблудших овец» от сознательных провокаторов.

Мы должны, однако, оговориться, что часть москвичей охотно шла навстречу выяснению вопроса о сношениях с Зубатовым и прислала, по крайней мере, в редакцию «Искры» соответствующие сведения.

Теперь вернемся к арестованным 6 июля. Вот как описывается эта история в одной заметке, присланной в редакцию «Искры». Зубатов предложил арестованным сознаться, так как улики против них были налицо. Это даст ему возможность закончить дело «блестяще» и в две недели; жандармы, эти дармоеды (по выражению Зубатова), тянущие волокиту, будут посрамлены в глазах высшего начальства, которое передает ведение всех дел в будущее время ему, Зубатову. Со своей стороны он обещал за такую поддержку выпустить всех немедленно и оставить всех в Москве до окончательного решения дела. Некоторые согласились на эту сделку, другие отказались. Арест Рума, которого Зубатов счел за главаря движения, облегчил задачу Зубатова. Он устроил свидание с глазу на глаз с непокорными, и тот убедил их сознаться, так как все, мол, и без того известно Зубатову. Последний сдержал свое слово: через две недели почти все были выпущены из тюрьмы. Небывалый факт в хронике революционной борьбы. Но столь быстро дарованная свобода первым деятелям Московского рабочего союза слишком дорого обошлась последующему социал-демократическому движению в Москве.

Трудно теперь себе представить, чем руководствовался каждый, вступая в непростительный компромисс с Зубатовым, но что сделка с ним только различного характера и различной степени была допущена большинством заключенных, в этом нет никаких сомнений. Одни, вероятно, думали воспользоваться своей свободой, чтобы скорее возобновить прерванную работу, другие, как например Кварцев, пошли навстречу более щекотливым предложениям Зубатова, надеясь обмануть его и таким образом вытягивать полезные сведения для организации, третьи наконец, в лице Рума, преследовали самые низменные цели.

Зубатов указывал арестованным, что он сам социал-демократ, не разделяющий только революционного метода борьбы. На прощанье он просил выпущенных заходить к нему так, попросту, чайку попить, о теории поговорить. И некоторые, действительно, ходили к нему.

То же самое, вероятно, еще с большим успехом Зубатов проделал и с рабочими. Им он прикидывался, как обыкновенно и теперь это делает, сторонником рабочего движения

и самым преданным другом. Все арестованные рабочие были также выпущены и оставлены в Москве.

Между прочим, рабочий М., один из самых дельных и развитых, рассказал, что он долго отказывался от признания знакомств с интеллигентами, но когда ему прочитали самые откровенные показания той же интеллигенции, он решил, что дальше запираться не имеет смысла. Этому же рабочему при выпуске Зубатов предложил 50 руб. На вопрос же рабочего, с какой стати он их дает, Зубатов ответил: «Да как же, помилуйте, вы целый месяц не работали, потеряли заработок». Когда же М. спросил, нужна ли расписка в получении этих денег, Зубатов ответил: «Помилуйте, какие расписки могут быть между нами». В конце концов рабочий М. взял эти деньги. Таким образом получили деньги многие рабочие. И, конечно, недаром был так щедр Зубатов.

Часть рабочих тщательно скрывала от товарищей зубатовскую подачку, но невольно выдавала себя кутежами. Всем известно было, что после тюрьмы неоткуда было взяться деньгам, кроме как из охранки. Отсюда начались взаимные подозрения в шпионстве. В рабочей среде водворились разлад и недоверие. В особенности казалось подозрительным, что многие выпущенные, вместо того чтобы устраниться от дела, взялись самым энергичным образом за подпольную работу.

Деморализация в интеллигентном кругу была не менее значительна и пагубна.

По собственному признанию Кварцева, он вступил в сношение с Зубатовым еще в тюрьме. Последний предложил ему сообщить об общем настроении интеллигентных и рабочих кружков Москвы, обещая за это свободу всем арестованным в июле и, по возможности, не брать лиц, наиболее близко стоящих к нему (Кварцеву). Этим Кварцев хотел, во-первых, избавить Москву от последствий июльского погрома; во-вторых, удержать вокруг себя кружок, который мог бы всегда, после погрома, восстанавливать связи и продолжать работу; в-третьих, наблюдая и выпытывая Зубатова, всегда знать о грозящей опасности и делать провалы наименее чувствительными и, наконец, в-четвертых, организовать наиболее производительный контрсыск за другими агентами охранного отделения. Нечего говорить, насколько наивны были расчеты Кварцева и насколько верен был ход ловкого сыщика. К этому же самому времени, если даже не более раннему, нужно отнести начало провокаторской деятельности Рума. Последний даже не скрывал от некоторых товарищей, например от Величкина и Ильи, своих

сношений с Зубатовым, но придавал им самый невинный характер. По его словам выходило, что Зубатов хочет получить от него только некоторые сведения о положении рабочих. Правительство будто бы решило итти навстречу назревшим нуждам пролетариата, а потому помощь людей, стоящих всего ближе к рабочим и знающих все их настоящие требования, наиболее всего желательна. С такими же предложениями, говорил Рума, обращался к нему и Зволянский. Но ни тот, ни другой не склоняли его на предательскую деятельность. Рума же считал полезным поддержать подобного рода сношения, имея в виду, водя за нос Зубатова, получать интересные сведения из охранного отделения и устроить контрсыск.

Осенью 1896 г. он сообщил двум-трем товарищам о своих сношениях с Зубатовым, но настойчиво требовал, чтобы они не говорили об этом остальным членам кружка ввиду их неконспиративности. Вводить же в это дело другие, образовавшиеся тогда кружки, не считалось возможным благодаря существующим разногласиям и распрям. Таким образом, получилось, что Кварцев и Рума вели сношения с Зубатовым на свой собственный страх и риск, не давая в этом никому отчета, вне всякого контроля организации. Кварцев еще делал попытки урегулировать сношения с Зубатовым, он старался, чтобы все участники этих сношений совещались между собой, чтобы выработали определенное поведение. Рума же, наоборот, усердно избегал вмешательства других товарищей. Он очень ловко обманывал своих приятелей, рассказывая им постоянно всякие курьезные небылицы о своих свиданиях с Зубатовым и Зволянским. Когда же один из увлекавшихся мыслью о контрсыске товарищей стал надоедать требованиями достать какие-нибудь указания относительно квартир, служащих местом свидания Зубатову с его агентами, Рума, чтобы отвязаться, дал раза два адреса, которые оказались впоследствии вымышленными. Конечно, никаких существенных сведений из охранного отделения не получилось. Иногда, правда, повидимому, для отвода глаз Рума доставал очень неточные списки предстоящих арестов, но благодаря тому, что в то время в Москве циркулировало слишком много слухов из охранки, никто уже ничему и никому не верил. А Зубатов между тем обделывал свои делишки очень успешно, хотя все вошедшие с ним в сделку отрицали тогда допустимость каких-либо выдач. Но впоследствии оказалось из признаний Кварцева совершенно обратное.

Например, он заявил в 1899 г., что он не только подтверждал известное уже Зубатову о кружке Орлова и К°, но

даже сделал одну выдачу, так как указал на деятельность Маринина, так как считал его крикливым и пустым, хотя тот и вел довольно сильную агитацию. Вот до каких геркулесовых столбов дошло амикошонство с обер-сыщиком.

Кварцев утверждал, что также выдавал и Рума.

Между прочим Рума старался внести смуту в революционные кружки, распуская слух о провокаторстве то одного, то другого. В силу этого осенью 1896 г. в Москве создалась невозможная атмосфера: «Здесь происходил невообразимый хаос и столпотворение вавилонское»,—пишет один товарищ. Нельзя было даже думать о какой-либо планомерной революционной работе. Все, казалось, находилось под самым строгим контролем охранного отделения. С одной стороны, выпущенные из тюрьмы, вместо того чтобы держаться в стороне, вмешивались всюду в дело и явились отправными пунктами для шпионской слежки, с другой стороны, постоянные слухи из охранного отделения совершенно деморализовали возникавшие тогда кружки. Дело доходило до таких курьезов: когда к одному из выпущенных явились рабочие с завода Доброва с просьбой составить прокламацию, Кварцев настойчиво советует не распространять никаких воззваний, так как Зубатов сказал ему, что если они сделают хоть один шаг в Москве, он арестует Колокольникова.

Словом, всюду давали себя чувствовать происки Зубатова. В такой мутной воде легко было жандармам вылавливать нужную им рыбку. С тех пор ни одно начинание не могло окрепнуть. Провал следует за провалом. 11 ноября было арестовано 23 интеллигента и 30 рабочих, в числе их мы находим: Александра Орлова, Леонида Радина, Сергея Синицына, Полянского и много других. Через месяц новые жертвы: Сергей Озеров, Масленников, братья Чижины, Батурин и рабочий Маринин, о котором мы уже упоминали. Затем в разное время были взяты: Адольф Финн, Власов, Евдокимов и др. Группа же лиц, арестованных в июле и вскоре выпущенных, оставалась в Москве и продолжала свою деятельность. Самый видный из них — Рума — старается заводить все новые и новые связи и, повидимому, доставляет богатый материал сыскному отделению. В январе 1897 г. из тюрьмы шли настойчивые обвинения против Рума в провокаторстве. Но он этим мало смущался, он потребовал, чтобы кружок вступился за него. По его настоянию издается даже за печатью Рабочего союза прокламация, в которой организация ручается за честность своего товарища. Только какая-то случайность помешала распространению этой прокламации.

Невольно является вопрос: каким образом могла создаться такая непоколебимая вера, когда некоторым членам было хорошо известно о сношениях Рума с Зубатовым. Неужели у них не явилось вполне естественного подозрения, что Рума ведет нечистую игру.

Некоторой разгадкой могут послужить следующие строки одного из членов Московского рабочего союза: «В то время вопрос о допустимости сношений, конечно, если было возможно избежать выдач, был неясен не для одного его (Рума), а и для других, не умевших достаточно глубоко разобраться в нем (т. е. в вопросе) и смотревших на дело с точки зрения практической выгоды». Когда мы читаем такой оригинальный взгляд, то нас уже нисколько не удивит категорический вывод одного из москвичей того времени: «Несомненно, — пишет он, — что вся (июльская) компания вела сношения с Зубатовым; несомненно, что все они получали деньги» (чтобы перехитрить Зубатова).

Такое непростительное разгильдяйство и полное пренебрежение к революционным традициям как нельзя лучше были наруку Зубатову: все нити были в его руках.

Далее, когда уже самые близкие товарищи стали терять веру в Рума, то он всеми силами старался очернить других и ловко избегал каких-либо расследований, разыгрывая из себя оскорбленную невинность. В конце концов Зубатов достиг блестящих результатов: разврат в революционной среде, как пишет «Искра», достиг такой степени, что трудно было разобрать, где кончается товарищ, вступающий в приятельские отношения с Зубатовым, и где начинается форменный предатель и провокатор.

В такой нездоровой атмосфере должно было гибнуть всякое революционное предприятие. Немудрено поэтому, что с этих пор Москва не могла ничего явить миру, кроме целого ряда провалов и провокаторов.

В течение всего 1897 г. Московский рабочий союз, кроме небольшого числа прокламаций на отдельные заводы, ничем особенно не проявил себя, и тем не менее аресты происходили очень часто, а именно 21 марта, 4 апреля, в мае, 2, 21 и 24 декабря.

И в последующие годы организации рушились, как карточные домики, не успев мало-мальски окрепнуть. В начале 1898 г. мы узнаем об аресте 30 человек, из них несколько рабочих. Затем зимою 1898/99 г. образуется комитет Российской социал-демократической партии. В январе им выпущены две прокламации на заводе Листа, а перед 1 Мая распространены воззвания, выработанные совместно с Киевским и Петербургским комитетами. Между прочим Москов-

ский комитет призывает рабочих к общей забастовке в день международного пролетарского праздника, но таковая, конечно, не состоялась. Нужно упомянуть еще об одной прокламации Московского комитета, представляющей из себя письмо рабочего по поводу 1 Мая.

Однако, со времени образования комитета произошел целый ряд арестов: в феврале, апреле, мае, июне, октябре и декабре 1899 г.

1900 год начался также арестами. Дела организации шли, по обыкновению, далеко не блестяще: 1 Мая комитет распространил 340 воззваний на красной бумаге и 200 брошюр, а в сентябре была выпущена прокламация, обращенная к молодежи.

Комитет копил силы. А потому в феврале 1901 г., когда, можно сказать, вся Москва волновалась, социал-демократический комитет молчал. Рабочие вышли на демонстрацию без всякого руководства. В марте же комитет проваливается почти в полном составе.

В это время происходит факт, довольно характерный для положения дел в Москве. Первые номера «Искры», доставленные сюда по заказу комитета, приходится распространить хотя бы только среди интеллигенции при помощи — о, позор! — социалистов-революционеров, так как всякие следы социал-демократов исчезли на несколько месяцев.

Русский отдел организации «Искры», найдя Москву в таком печальном положении, вынужден был при первых же своих шагах обратить особое внимание на восстановление здешнего комитета. Вся весна и лето проходят в поисках остатков комитета и связей с рабочими. Получаемая в это время литература, главным образом «Искра», распространяется при помощи небольшой организации, устроенной специально только для этой цели. Надо признаться, что на заводы и фабрики газета попадает случайно и в ограниченном количестве. Москва, откуда всегда раздаются жалобы на недостаток литературы, не могла поглотить даже сравнительно незначительного количества экземпляров газеты, когда они оказались налицо.

Только в августе удается познакомиться с одним из деятелей комитета. По его словам, он разрывается на части, почти один на своих плечах выносит всю организационную работу. Нужда в людях, нужда в литературе, нужда во всем. Правда, в течение осени ожидается присоединение нескольких новых товарищей и, следовательно, улучшение дел. Есть даже проект об издании местной газеты.

Предложение члена организации «Искры» — вступить в самые тесные отношения и работать вместе с ними — при-

нимается с большим удовольствием. Только второе свидание по случаю от'езда москвича откладывается на две недели. В действительности же свидание не могло состояться около месяца, а в октябре произошел провал. В числе арестованных оказался и член комитета, ведший переговоры с искровцем. Последнему приходится вновь приняться за поиски.

В конце октября к нему являются оставшиеся пропагандисты и просят помощи. Положение их было трагичное. На попечении очень молодых и неопытных людей остался целый ряд рабочих кружков, даже рабочий комитет, состоявший из представителей нескольких заводов. Но они буквально ничего не имели, чтобы использовать хотя бы как-нибудь эти связи. Два-три студента бегали из одного кружка в другой, пропагандировали без всякого плана, имея в своем распоряжении только легальную литературу. Никаких намеков на организацию не было налицо. Полное бессилие во всех отношениях. Правда, Рабочий комитет собирается иногда, но должен бездействовать, так как комитет интеллигентов, на обязанности которого было доставлять литературу, заведывать пропагандой и вообще руководство, фактически не существует. Тщетно дожидались некоторые рабочие кружки пропагандистов. О прокламациях и о какой бы то ни было агитации при таких условиях не могло быть и речи. Словом, требовалось возводить здание комитета с самого основания. Находившиеся тогда в Москве члены организации «Искры», нелегальные люди с революционным прошлым, высказали свою полную готовность немедленно взяться за совместную работу. Казалось бы, что крайний недостаток в людях и то обстоятельство, что студенты-пропагандисты сами обратились за содействием к «искровцам», должны были создать между обеими сторонами товарищеские отношения и полное доверие. К тому же между нами не возникало никаких принципиальных разногласий. Но действительность оказалась далеко не таковой. При первом же свидании пропагандисты охотно согласились на все условия, готовы были принять в организацию всех предложенных «искровцев», и в знак полной солидарности были переданы в редакцию «Искры» имеющиеся у них корреспонденции рабочих и очень скверно отгектографированная брошюра Московского комитета о легальных союзах. Последняя должна была быть обработана с литературной стороны редакцией «Искры» и отпечатана в большом количестве. К слову сказать, и здесь не повезло Москве: 5 тыс. экземпляров этой брошюрки, готовые уже к отсылке, были арестованы в кишиневской типографии «Искры».

Но вернемся к переговорам, обещавшим вначале быст-

рое соглашение. Однако, очень скоро наступило разочарование. Явились люди, недоброжелательно настроенные к «Искре», и стали внушать недоверие к ее представителям. «Искровцев» заподозрили в желании узурпировать власть. И тут посыпался на их головы целый ряд нелепых обвинений, вроде того, что они вовсе не хотят работать вместе, а имеют в виду только открыть свою лавочку, что они дискредитируют комитетских интеллигентов в глазах рабочих, разговаривая с последними о тактических и программных вопросах, и т. д. Началась ужасная волокита. В течение почти двух месяцев шли бесплодные разговоры и споры. Только в декабре при помощи старых членов комитета, оказавшихся уже на воле, удалось угомонить расходившуюся публику и начать организационную работу. Все соглашаются на учреждение одного центра. Составляется несколько прокламаций по поводу зубатовских собраний, но на первых порах не удается поставить даже самую примитивную технику, так как все обещания в этой области на деле оказались неисполненными. Поэтому, с грехом пополам, выпускаются только сотни три очень скверно отгектографированных прокламаций. Делаются попытки привлечь новых работников в Москву, так как при наличном составе нельзя было даже думать о разделении труда, к тому же члены организации «Искры» по роду своих работ должны были иногда выезжать из Москвы.

Наступает январь, и дни вновь сформировавшейся организации были сочтены. Вскоре после нового года жандармы начали генеральную чистку Москвы. Почти ежедневно арестовывалось до 50 человек. Среди захваченных оказались почти все наиболее активные и сознательные рабочие, весь Рабочий комитет и студенты-пропагандисты, а часть организаторов-искровцев попала в ловушку в других городах.

Таким образом, оставшимся на воле товарищам пришлось почти все начинать снова: связи с рабочими остались очень ограниченные, да и то были не совсем надежные. Русская организация «Искры», потерпев во время всероссийского февральского погрома 1902 г. довольно значительный урон, не могла мобилизовать в Москву свежие силы. Но все-таки комитет, хотя и жалкий, продолжал свою деятельность и 16 марта выпустил прокламацию, предостерегающую московских рабочих от зубатовских агентов. Но в апреле опять аресты, коснувшиеся также и комитета. Арестовано между прочим предмайское организационное собрание рабочих, выданное провокатором.

В течение 1902—1903 гг. положение дел в Москве очень

мало изменяется к лучшему. Об этом смотри доклад второго делегата.

Мы живо сознаем, что история социал-демократического движения в Москве дает слишком мало удовлетворения настоящему с'езду. Но тем не менее мы считаем своим долгом сказать теперь голую правду, как бы прискорбна она ни была. В Москве революционная социал-демократия спасовала перед полицейским социализмом.

Рыцари охранного отделения, начавшие в 1896 г. усиленное развращение рабочих в застенках, постепенно перешли к открытой пропаганде и агитации своих нечистоплотных идей. Общество взаимопомощи механических рабочих под председательством агентов-провокаторов, вроде Афанасьева, Красивского, патриотическая манифестация, собрания рабочих, из которых почти единогласно изгоняется свой же брат-рабочий только за то, что высказал возмущение против одного из ораторов, предлагавшего выдавать интеллигентов, сующих нос к рабочим, — вот несомненные трофеи Зубатова и К°.

В 1898 г. и. д. московского обер-полицмейстера в своем тайном докладе по поводу быстрого роста рабочего движения высказал пожелание: где пристраивается революционер, там обязана быть и государственная полиция. Как видите, их превосходительство, вдохновляемое Зубатовым, были очень скромны. В настоящее время полицейские агенты удобно расположились там, куда тщетно старается пробраться революционер.

В чем же лежит неуспех пролетарского социализма в Москве в то время, как повсюду он неуклонно одерживает победы и развивается вширь и вглубь? Несомненно, самой главной причиной является зубатовщина. Здесь вполне оправдываются слова «Искры», что полицейский разврат нам страшнее полицейского насилия.

Еще в 1896 г., когда социал-демократы довольно небрежно относились к организационным вопросам, ловкий Зубатов сумел широко и прочно поставить организацию провокаторов и сразу захватить твердую позицию.

В особенности опасным оказались его происки в рабочей среде. Он уже тогда, благодаря своему оригинальному, но несомненному таланту, завербовал довольно значительное количество провокаторов из рабочих. Афанасьев, Красивский, Слепов — теперешние лидеры полицейского социализма — сначала очень скромно подвизались, расплываясь в рабочей массе. Как пострадавшие за правду (Афанасьев был несколько раз арестован, но всякий раз получал право жительства в Москве), они могли при помощи бесед «по ду-

шам» в течение целого ряда лет отмечать большее количество кандидатов для тюрем и ссылки. Нам достоверно известно, что до самого последнего времени, пока Афанасьев и К° не сорвали с себя маску и не выступили на открытую арену во главе зубатовского общества, многие передовые рабочие вели с ними знакомство и не скрывали от них своих политических взглядов. Немудрено поэтому, что, как только такие рабочие заводили сношения с комитетом, они быстро попадали в лапы жандармов и влекли за собой своих новых товарищей интеллигентов. Теперь Афанасьев и К° получили новое назначение, и, несомненно, вместо них действуют в таком же духе и с не меньшим успехом другие избранники, умело скрывая свою настоящую физиономию. А при отсутствии какой бы то ни было преемственности между организациями провокаторы работают безнаказанно, узнаются слишком поздно и переживают несколько поколений революционеров, в особенности если принять во внимание, что, как общее правило, проваливаются все сразу. Новые деятели идут ощупью и часто попадают в те же самые сети. Между прочим одним из показателей, насколько велико в московской рабочей среде провокаторство, является то обстоятельство, что сплошь и рядом интеллигенты арестовываются на рабочих квартирах.

Но за последнее время вылавливание революционеров и «сочувствующих» поставлено на более широкую ногу. Такому вылавливанию служат районные собрания под председательством членов совета Общества взаимопомощи механических рабочих. Упомянутый совет состоит исключительно из рабочих зубатовского толка. Эти господа выступают в качестве постоянных ораторов на районных собраниях, провоцируя своими речами всех отзывчивых рабочих. Что такое средство очень действительно, за это говорят красноречиво многие примеры. Был случай, когда даже опытный революционер, можно сказать, травленный волк, к тому же еще нелегальный, возмущенный всякими пасквилями на социалистов, чуть было не попал в ловушку. Только энергичные усилия бывших с ним товарищей заставили его воздержаться от обличительной речи. В конце концов очень удобным слепым орудием для охранного отделения является масса «невинных душ», верующих в чистоту намерений устроителей легальных рабочих обществ. Таким наивным рабочим усердно прививается враждебное отношение к социалистам, будто бы самым опасным врагам не только царя-батюшки, но и рабочего класса. Запуганные таким образом невежественные рабочие немало тормозят развитие пролетарского освободительного движения в Москве.

Всеми указанными обстоятельствами об'ясняется, почему революционная социал-демократия до сих пор не могла упрочиться на московских фабриках и заводах. Здесь искуснее, чем где бы то ни было, оберегается доступ к рабочей массе. Хотя Зубатов — душа провокаторской системы — в настоящее время перенес свою резиденцию в Петербург, но машина, раз заведенная, действует так же хорошо и при более посредственных управителях.

Теперь мы должны упомянуть еще об одной стороне зубатовщины. Со времени подвигов Рума среди москвичей очень широко развита своего рода мания — везде видеть провокаторов. Благодаря этому сношения между товарищами, работающими случайно, независимо друг от друга, завязываются чрезвычайно туго. Нам лично известно несколько примеров за 1901 и 1902 гг., когда отдельные лица, имеющие связи с рабочими, только после долгих размышлений решались вступить в сношения с организацией, но всякий раз, когда наступает день свидания, у них нехватало храбрости довести дело до конца. Боязнь провокаторства у некоторых дошла до такой степени, что они стали принципиально отрицать возможность какой-либо организации в Москве. По их мнению, только одиночки в состоянии поддерживать более продолжительные сношения с рабочими и таким образом, может быть, медленно, но зато верным путем проведут идеи социализма в широкие массы. Конечно, такие рассуждения ни на чем не основаны, так как провокаторство за последнее время особенно сильно проявляет себя в рабочих кварталах. И в силу этого непонятно, почему одиночки будут реже налетать на провокатора, чем член организации. А между тем, при сравнительно незначительном количестве социал-демократических сил, их постоянное раздробление оказывает, несомненно, очень вредное влияние на московское движение. Кроме того, провокаторство наложило особенно сильный отпечаток на среду «сочувствующих». Здесь уже боязнь переходит в трусость, а потому сношения с такими людьми делаются часто совершенно невозможными.

Нам осталось сказать еще несколько слов о других причинах, затрудняющих развитие социал-демократического влияния в Москве, но не имеющих непосредственного отношения к зубатовщине.

Первой такой причиной является полное отсутствие опытных революционеров. Москва тщательно очищается от неблагонадежных элементов, и раз скомпрометированный человек, если он не желает поступить на службу в охранное отделение, почти на всю жизнь лишается прав в'езда в Мо-

скву. И, таким образом, получается, что громадный промышленный центр, могущий вместить в себе все население Киева, Харькова, Екатеринослава, Ростова-на-Дону и еще других городов, располагает революционными организаторами, которые выходят главным образом из рядов бывших ссыльных и поднадзорных, даже в меньшей степени, чем каждый из перечисленных пунктов в отдельности. Правда, за последнее время с легкой руки организации «Искры» Москву стали посещать нелегальные, но приток их был случайный и крайне незначительный, а потому они не могли оказать существенного влияния на лучшую постановку организации.

Но, наряду с отсутствием опытных революционеров в Москве, наблюдается громадный недостаток в революционной молодежи. Петербург также беден людьми испытанными, но там этот недостаток компенсируется до некоторой степени наплывом все новых и новых революционных сил. Наиболее энергичные и ищущие политической жизни элементы прежде всего стремятся в Петербург и, повидимому, только на худой конец мирятся с Москвой. Наконец, мы должны коснуться жилищ рабочих, крайне неудобных для пропагандистских и агитационных целей. И в этом отношении Москва и окружающий ее промышленный район находятся в особенно неблагоприятных условиях. Не говоря даже о фабричных рабочих, живущих преимущественно в казармах, даже заводские, наиболее сплачиваемая и культурная часть пролетариата, ютится обыкновенно в очень многолюдных квартирах с фиктивными перегородками, даже семейные часто не имеют отдельных каморок. Всего чаще рабочие снимают «углы». Поэтому в большинстве случаев приходящий интеллигент принужден агитировать или пропагандировать на глазах совершенно посторонних людей. В такой обстановке всякая конспирация теряет свою силу. И, насколько нам известно, ни одной московской организации, при сравнительно больших ассигновках рабочим на наем подходящих квартир для собраний, никогда не удалось добиться значительных улучшений в этом отношении. Но это зло, на наш взгляд, легко поправимо, стоит только движению разрастись вширь и глубь и захватить работниц, совершенно почти не затронутых до сих пор социал-демократическим влиянием. Тогда же мы легко будем находить достаточно ловких и предприимчивых хозяек для содержания конспиративных квартир. И широко раскинувшаяся Москва, со своими предместьями и сохранившимися патриархальными в полицейском отношении уголками, покажет, что она всегда готова дать серьезным революционерам надежный

приют, который уже нельзя найти не только в Петербурге, но, пожалуй, даже в некоторых провинциальных городах. Но все перечисленные исключительно неблагоприятные условия, не позволяющие до сих пор укрепиться социал-демократии в Москве, не должны нас пугать в будущем, раз образуется строго об'единенная партия, так как самый решающий момент в нашем деле — пролетариат — обладает и здесь всеми свойствами революционного класса. За это говорят упомянутые факты 1895, 1896 и 1901 гг., кроме того, наши личные наблюдения и наблюдения товарищей показывают, что почва здесь для социал-демократии самая благоприятная. Нужны только умелые сеятели.

Одни московские товарищи, предоставленные исключительно только своим собственным силам, не в состоянии были добиться успеха. Недостаточной оказалась и помощь «Искры». Но что было недоступно отдельным организациям, то может и должна сделать партия. Прежде всего партия при помощи Центрального комитета должна взять в свои собственные руки распределение революционных сил.

И на самой первой очереди стоит Москва. Сюда необходимо командировать сразу значительную группу истинных революционеров, чтобы они могли взять все дело в свои руки, поставив организацию на принципы строгого разделения труда. Причем все связи с рабочей средой должны устанавливаться революционерами-рабочими, так как только они, расплываясь в массе и наблюдая изо дня в день окружающих, могут с большим успехом избегать провокаторских ловушек.

Мы не предлагаем никаких новых специфических средств для возрождения социал-демократического рабочего движения в Москве. Таких средств нет. Нужно только, чтобы организационная работа перешла в надежные руки; своих собственных сил для борьбы в Москве недостаточно. А потому дело московского пролетариата партия должна сделать своим собственным делом. Пока существовал хаос в наших рядах, мы волей-неволей должны были мириться с печальной участью московского социал-демократического движения. С того же момента, как Российская социал-демократическая рабочая партия вновь организуется, мы обязаны во что бы то ни стало поставить на ноги социал-демократическую работу в Москве. Завоевание крепости зубатовщины есть вопрос долга и чести обновленной партии. Первые успехи в Москве будут лучшим залогом нашей скорой окончательной победы.

Из книги „Доклады социал-демократических комитетов II съезду РСДРП“ под редакцией Ангарского, стр. 107—130, Госиздат, 1930 г.

БАУМАН В ПЕРИОД ПОДГОТОВКИ К III С'ЕЗДУ РСДРП

ТЕЛЕГРАММА ЗАВЕДУЮЩЕГО АГЕНТУРОЙ В БЕРЛИНЕ О ПОЕЗДКЕ ИЗ ЦЮРИХА В РОССИЮ Н. БАУМАНА

от 13 декабря 1903 г.

Разбор шифрованной телеграммы из Берлина от заведующего агентурой на имя его превосходительства А. А. Лопухина № 33650

Подана 13 декабря 1903 г.

В четверг утром уехал из Цюриха в Россию через Вену и австрийскую границу, вероятно Граево, Николай Бауман; его жена, урожденная Уварова, поедет через три дня на Вержболово или Александрово. Ее необходимо филировать.

Гартинг.

РАСПОРЯЖЕНИЕ ВИЦЕ-ДИРЕКТОРА ДЕПАРТАМЕНТА ПОЛИЦИИ ОБ АРЕСТЕ БАУМАНА ПРИ ПЕРЕЕЗДЕ ЧЕРЕЗ ГРАНИЦУ

от 14 декабря 1903 г.

Граево

Шифр

Пограничному жандармскому офицеру

Разыскиваемый Николай Бауман направился из Цюриха через Вену нелегально Россию. Примите меры аресту.

За вице-директора Макаров.

14 декабря 1903 г. л. 109

Того же содержания:

Сосновицы Радзивилов
Граница Волочиск

РАСПОРЯЖЕНИЕ ДЕПАРТАМЕНТА ПОЛИЦИИ О ЗАДЕРЖАНИИ Н. БАУМАНА

от 16 декабря 1903 г.

М. В. Д.
Департамент полиции
по особому отделу
16 декабря 1903 г.
№ 13025

Г. г. начальникам охранных отделений

По полученным из совершенно секретного источника указаниям проживавший за границей и разыскиваемый циркуляром от 21 августа 1902 г. за № 5350 Николай Эрнестов Бауман по подложному паспорту на имя Землфега прибыл нелегально в Россию.

Сообщая о сем, департамент полиции предлагает вашему высокоблагородию принять энергичные меры, не прибегая, однако, к содействию общей полиции, к розыску названного Баумана, фотографическая карточка коего препровождена при циркуляре от 10 октября 1902 г. за № 6200, и в случае его обнаружения установить за ним тщательное секретное наблюдение и под благовидным предлогом, дабы не обнаружить источника, из коего почерпнуты сведения об имеющемся у Баумана подложном паспорте на имя Землфега, подвергнуть его обыску, арестовать и телеграфировать департаменту для получения дальнейших указаний.

Вместе с сим получены сведения, что сожительница Николая Баумана — Елизавета Нестерова Уварова, привлеченная при Киевском губернском жандармском управлении к дознанию в качестве обвиняемой по делу о преступной деятельности «Киевского комитета Российской социал-демократической партии» и состоящая под особым надзором полиции в г. Саратове, откуда в августе сего года скрылась за границу, также проживает в настоящее время нелегально в России. Приметы следующие: 25 лет, рост 2 арш. 4½ верш., телосложение умеренное, цвет волос черный, глаза темнокарие, лоб широкий, нос прямой, лицо продолговатое, смуглое в веснушках, с тремя родинками в виде треугольника на верхней губе и подбородке, впечатление производит благоприятное.

Уведомляя о сем, департамент полиции предлагает вашему высокоблагородию, в случае обнаружения Уваровой, подвергнуть ее обыску, арестовать и телеграфировать департаменту для получения дальнейших указаний.

Подписал: за вице-директора *Макаров.*

Скрепил: за заведующего отделом *Пешков.*

Верно: помощник делопроизводителя *(подпись).*

ШИФРОВАННАЯ ТЕЛЕГРАММА ЗАВЕДУЮЩЕГО БЕРЛИНСКОЙ АГЕНТУРОЙ О ВЫЕЗДЕ БАУМАНА В РОССИЮ ПОД ФАМИЛИЕЙ ЗЕМПФЕГА

от 28 декабря 1903 г.

Разбор шифрованной телеграммы из Берлина от заведующего берлинской агентурой на имя господина директора департамента полиции № 75550

28 декабря 1903 г.

Узнаю под величайшим секретом Бауман уехал под именем Земпфега, можно проследить, но не арестовать сразу, дабы не провалить источник.

Гартинг.

СООБЩЕНИЕ НАЧАЛЬНИКА МОСКОВСКОЙ ОХРАНКИ О ТОМ, ЧТО БАУМАН ПРОЖИВАЕТ В МОСКВЕ

от 29 декабря 1903 г.

М. В. Д.
Начальник отделения по охранению общественной безопасности и порядка в г. Москве
29 декабря 1903 г.
№ 12548
Гор. Москва

Его превосходительству господину директору департамента полиции.

Вследствие телеграммы от 22 сего декабря за № 35736 имею честь представить вашему превосходительству, что эмигрант Николай Бауман проживает в Москве в гостинице «Париж» по Тверской улице, по паспорту германского подданного Вильгельма Земпфега и значится прибывшим в Москву 19 сего декабря. За Бауманом учреждено секретное наблюдение.

Подполковник *(подпись).*

ПРЕПРОВОДИТЕЛЬНАЯ БУМАГА ДЕПАРТАМЕНТА ПОЛИЦИИ С ПРИЛОЖЕНИЕМ ФОТОКАРТОЧЕК БАУМАНА

от 16 января 1904 г.

Министерство внутренних дел
Департамент полиции
по особому отделу
16 января 1904 г.
№ 573

Господину начальнику Московского охранного отделения

Препровождая при сем вашему высокоблагородию, в дополнение к циркуляру от 16 декабря минувшего года за

№ 13025, полученную совершенно секретным путем, в двух видах, фотографическую карточку Николая Эрнестова Баумана, прибывшего в Россию по паспорту Земпфега, департамент полиции считает долгом добавить, что означенные карточки надлежит пред'явить наблюдательным агентам с особой осторожностью, дабы не обнаружить источника, из коего таковые получены.

За вице-директора *(подпись).*

За заведующего отделом *(подпись).*

АР, ФДП, VII, дел-во, д. № 2165, 1904 г.

ЗАПРОС ДЕПАРТАМЕНТА ПОЛИЦИИ В МОСКОВСКУЮ ОХРАНКУ О РЕЗУЛЬТАТАХ НАБЛЮДЕНИЯ ЗА БАУМАНОМ

от 17 февраля 1904 г.

Министерство внутренних дел
Департамент полиции
по особому отделу
17 февраля 1904 г.
№ 988

Господину начальнику
Московского охранного
отделения

Департамент полиции просит ваше высокоблагородие представить, в дополнение к донесению от 29 декабря минувшего года за № 12548, о результатах наблюдения по г. Москве за представителем заграничного центра Российской социал-демократической рабочей партии Николаем Бауманом, прибывшим в Россию нелегально, а также о том, какие в вашем распоряжении имеются сведения о настоящем местопребывании помянутого революционного деятеля.

За вице-директора *(подпись).*

За заведующего отделом *Меньщиков.*

СПРАВКА о Н. БАУМАНЕ

от 24 февраля 1904 г.

Справка

Бауман, Николай Эрнестов, в 1897 г. привлекался при С.-Петербургском губернском жандармском управлении к дознанию по делу «Союза борьбы за освобождение рабо-

чего класса»; данными дознания было установлено, что он находился в сношениях с обвиняемым Синицыным; назначал сходки с участием рабочих, причем раздавал книжки, об'яснял присутствовавшим на сходке лицам социалистическое движение, доказывал необходимость устройства стачек и раздавал листки; на основании высочайшего повеления от 12 декабря 1898 г. Бауман, по вменении в наказание предварительного содержания, был выслан под гласный надзор полиции в Вятскую губернию на четыре года, но в октябре 1899 г. скрылся и бежал за границу.

По прибытии за границу Бауман, по секретным сведениям, немедленно примкнул к «Союзу русских социал-демократов»; был представителем означенного союза в г. Цюрихе; принимал участие в происходившем 18 апреля 1900 г. в г. Женеве частном с'езде социал-демократов.

В феврале 1902 г. Бауман был арестован в Задонском уезде Воронежской губернии и, ввиду имевшихся указаний на причастность Баумана к настоящему рассматриваемому делу, был отправлен в распоряжение начальника Киевского губернского жандармского управления, которым и привлечен был в апреле того же года к настоящему делу в качестве обвиняемого; содержась под стражей в г. Киеве, 18 августа 1902 г. бежал в числе других одиннадцати политических арестантов из киевского тюремного замка. Некоторое время проживал за границей, в настоящее же время нелегально проживает в России. (Назначенный Бауману высочайшим повелением 12 декабря 1898 г. четырехлетний срок надзора в Вятской губернии им не отбыт; остается отбыть 3 года и 2 месяца.)

И. д. младшего помощника делопроизводителя *(подпись).*

ПРОТОКОЛ ОБЫСКА В КВАРТИРЕ Н. К. КУЗЬМИНОЙ,[1] *ГДЕ НАХОДИЛСЯ В ЭТО ВРЕМЯ БАУМАН*

от 19 июня 1904 г.

Протокол

1904 г., июня 19 дня, старший помощник пристава 2-го участка Сущевской части Добровольский с нижеподписавшимися понятыми, во исполнение отношения начальника Московского охранного отделения от 19 июня 1904 г. за

[1] На самом деле Медведевой.

№ 5829, произвел обыск в квартире дочери коллежского советника Надежды Константиновой Кузьминой, 36 лет, на даче Дубровина в Петровском парке 2-го участка Сущевской части. Дача состоит из четырех комнат с коридором, передней и кухней, террасой и садиком, отхожее место тут же из передней. По просьбе открыть двери произошла в квартире задержка и послышался шум падавших вещей в яму отхожего места, почему дверь была раскрыта силой, легко подавшись на напор одного человека. В квартире оказались живущими Надежда Кузьмина, ее знакомый мужчина, на вид 35 лет, бритый, с рыжеватыми усами, худощавый, отказавшийся назвать свое звание и фамилию, в одной из комнат спала крестьянка Ярославской губернии, Угличского уезда, Ильинской волости, дер. Угрюмова, 28 лет, Александра Михайлова Тараева, снимающая комнату у Кузьминой. Прислуги в квартире не оказалось. При об'явлении Надежде Кузьминой о цели посещения последняя заявила, что в ящике комода имеется разная переписка и больше у нее ничего нет. В указанном месте, в нижнем ящике комода, запертом на ключ, оказалось различных прокламаций и рукописей числом 27, поименованные в прилагаемой у сего описи. При обыске и осмотре ямы отхожего места там оказались паспорт, выданный на имя казанской мещанки Людмилы Ивановой, и пять записок (паспорт и записки опечатаны отдельно), опечатание произведено печатью пристава 2-го участка Сущевской части. Подлинная за надлежащими подписями. Александра Михайлова Тараева от подписи протокола отказалась, хотя последний и был ей прочитан.

СПРАВКА ОБ АРЕСТЕ Н. БАУМАНА И ДР. НА ДАЧЕ Н. К. КУЗЬМИНОЙ

Справка

из дела № 548, 1904 г.

Осенью минувшего 1903 г. были получены указания, что Центральный комитет Российской социал-демократической рабочей партии, озабоченный неудачами, постигшими его делегатов в крупных центрах России и г. Москве, приписывая бывшие провалы главным образом их неопытности и недостаточной конспиративности в образе действий и признавая деятельность их мало интенсивной и успешной, предполагает командировать в Россию для дружной работы новые силы, уже испытанные и зарекомендовавшие себя на поприще революционной борьбы. Для большей безопасно-

сти своих представителей Центральный комитет на этот раз совершенно игнорировал своими существующими связями и обратился к новым лицам, которыми и воспользовался как явочными адресатами, и между ними первое место в здешней столице заняла служащая в Бактериологическом институте доктора Блюменталя Розалия-Зинаида Александрова Иванович, саксонская подданная, рожденная Шухгалтер. По совершенно секретным сведениям, Зинаида Иванович, приняв на себя посреднические обязанности в сношениях между заграничным центром и представителями районных социал-демократических организаций, снабжала в свою очередь нелегально прибывающих в столицу революционеров за получением инструкции от центра и совместного обсуждения вопросов по делам организаций уже изысканными непосредственно ей самой явками.

В целях прекращения дальнейшей преступной деятельности организаторов, а также полученных указаний, что некоторые из них намереваются выехать из Москвы, приняв меры во что бы то ни стало избежать за собой наблюдения, было признано необходимым ликвидировать наблюдение за означенной группой лиц, и, таким образом, в ночь на 19 июня 1904 г. были произведены обыски и аресты, в числе этих лиц был арестован и ветеринарный врач Николай Эрнестов Бауман, на даче Дубровиной, 2-го участка Сущевской части, в квартире дочери коллежского советника Надежды Констинтиновой Кузьминой.

Обнаружено по обыску: смотри находящуюся в сем деле опись осмотра вещей, отобранных по обыску у Надежды Кузьминой.

О чем было донесено записками: его императорскому высочеству московскому генерал-губернатору от 19, 22, 23, 26 и 28 июня за № 5872, 5935, 5992, 6100 и 6117, директору департамента полиции от 22, 24 и 29 июня за № 5943, 5991 и 6159. Сообщено: записками начальнику московского губернского жандармского управления от 20 и 29 июня за № 5920 и 6199, отношениями прокурору московской судебной палаты от 21, 23 и 28 июня за № 5923, 6038 и 6154, московскому губернатору от 21 и 30 июня за № 5924 и 6249 и ректору московского университета от 23 июня за № 6037, 1904 г.

Переписка сделанных действий была препровождена для возбуждения формального дознания начальнику московского губернского жандармского управления при записке от 30 июня 1904 г. за № 6159.

ОПИСЬ НАЙДЕННОГО ПРИ АРЕСТЕ БАУМАНА

ОПИСЬ

предметов, оказавшихся 19 июня месяца 1904 г. при обыске у дочери коллежского советника Надежды Константиновой Кузьминой

№ п./п.	Наименование вещей	Число вещей	Отметка
1	Газета „Искра" № 53 1903 г.	5	
2	То же № 54	13	
3	Журнал „Освобождение" № 13 1903 г.	1	
4	То же № 14	1	
5	„Нижегородский рабочий листок" № 8 1904 г. . . .	1	
6	Брошюра „К деревенской бедноте", изд. Центрального комитета Российской социал-демократической рабочей партии 1904 г.	14	
7	Печатная брошюра „Речь Леона Гольдмана", изд. того же комитета, 1904 г.	47	
8	Несброшюрованная брошюра „Ко всему рабочему народу", изд. Московского комитета Российской социал-демократической рабочей партии, апрель 1904 г.	171	
9	Несброшюрованная брошюра „Извещение о втором очередном с'езде Российской социал-демократической рабочей партии" (печатная).	9	
10	Печатная брошюра „Шаг вперед, два шага назад", женевского издания, 1904 г.	1	
11	Печатная брошюра „Крестьянский вопрос во Франции и Германии", изд Российской социал-демократической рабочей партии, 1904 г.	1	
12	Печатная брошюра „Конституция графа Лорис-Меликова", изд. Фонда русской вольной прессы в Лондоне 1893 г.	1	
13	Печатная брошюра „Чему учит конституция графа Лорис-Меликова", Ф. Волховского	1	
14	Печатная брошюра „Резолюция Одесского комитета", изд. Одесского комитета Российской социал-демократической рабочей партии, 1904 г.	1	
15	Печатная брошюра „Отчет с'езда южных комитетов и организаций Российской социал-демократической рабочей партии", изд. группы „Борьба", 1902 г. .	2	
16	Печатная брошюра „Похищение детей Хилковых", изд. „Свободного слова", 1901 г.	1	
17	Печатная брошюра „О проходящем и вечном в христианстве", Теодора Паркера, изд. „Свободного слова", 1901 г.	1	
18	„Денежный отчет Московского комитета Российской социал-демократической рабочей партии", март 1904 г.	23	
19	„Программа Российской социал-демократической рабочей партии, принятая на II с'езде партии" . . .	1	

№ п./п.	Наименование вещей	Число вещей	Отметка
	Печатные прокламации		
20	„Ко всем гражданам России" Центрального комитета Российской социал-демократической рабочей партии, январь 1904 г.	61	
21	„Ко всем российским рабочим", изд. того же комитета, февраль 1904 г.	18	
22	„Уроки истории", типография Московского комитета Российской социал-демократической рабочей партии, 9 апреля 1904 г.	4	
23	„Международный жандарм", изд. редакции „Искры", февраль 1904 г.	1	
24	„Майский праздник", 23 апреля 1904 г.	1	
25	„Для чего должен умирать русский солдат", изд. редакции „Искра", февраль 1904 г.	1	
26	„Ко всем запасным рядовым", изд. Киевского комитета Российской социал-демократической рабочей партии, 20 марта 1904 г.	1	
27	„Ко всем запасным рядовым", изд. Московского комитета Российской социал-демократической рабочей партии, 10 июня 1904 г.	1527	
28	„Уроки истории", Московского комитета Российской социал-демократической рабочей партии, 9 апреля 1904 г.	34	
29	Приложение к № 62 „Искры"	1	
30	То же к № 58	1	
31	Черновик прокламаций „К Союзу московских типографских рабочих"	1	
32	Рукопись на трех с половиной листах, начинающаяся словами: „Товарищи, не довольно ли нам быть робкими и покорными овечками"	1	
33	Тетрадь с рукописью: „Материалы к вопросу о провокаторских приемах Зубатова"	1	
34	Рукопись на полулисте „Прежде скажу, почему уральская резолюция подписана „Представители" комитета"	1	
35	Шесть клочков бумаги, писанных карандашом, с выборками из газеты „Искра" № 10, 11 и 18	6	
36	Рукописное (карандашом) стихотворение: „Слепцы и вожаки"	1	
37	Печатная брошюра, начинающаяся словами „Если мы проследим жизнь отдельного человека..." и заканчивающаяся подписью: „Группа сознательных рабочих"	1	
38	Рукопись на полутора листах почтовой бумаги, начинающаяся словами „43 года назад Александр II.." и оканчивающаяся словами „Да здравствует народное правление..."	1	
39	Открытых писем	5	

№ п./п.	Наименование вещей	Число вещей	Отметка
40	Записных книжек	2	
41	Квитанционная книжка из желтой бумаги в синей обложке с оторванными талонами	1	
42	Разных записок и заметок, писанных чернилами . . .	23	
43	Рукопись на четырех полулистах	1	
	Вынуты из отхожего места		
44	Паспортная книжка, выданная Казанской мещанской управой 28 августа 1901 г. за № 6207 на пять лет на имя Людмилы Аполлоновой Ивановой . . .	1	
45	Клочок бумаги с бланком конторы Московского Художественного театра, с адресом д. Ностиц, против театра Солодовникова	1	
46	Лист почтовой бумаги с написанными на нем несколько раз именем и фамилией Людмилы Ивановой . .	1	
47	Лист почтовой бумаги, начинающийся словами: „Выдан из Казанской мещанской управы"	1	
48	Лист почтовой бумаги с написанным на нем удостоверением о службе на имя Тараевой	1	
49	Клочок бумаги, оторванный из записной книжки, с разными заметками	1	

СООБЩЕНИЕ НАЧАЛЬНИКА МОСКОВСКОЙ ОХРАНКИ О ПРЕДПОЛАГАЕМОМ ПОБЕГЕ БАУМАНА ИЗ-ПОД СТРАЖИ

от 11 сентября 1904 г.

М. В. Д.
Начальник отделения по охранению общественной безопасности и порядка в г. Москве 11 сентября 1904 г. № 8136. Гор. Москва

Его превосходительству

директору департамента полиции

Представляю вашему превосходительству, что, по полученным мной сведениям, в революционных сферах решено, не стесняясь никакими средствами, дать возможность бежать из-под стражи привлеченному к дознанию, при Московском губернском жандармском управлении, ветеринарному врачу Николаю Эрнестову Бауману.

Об изложенном, в целях предотвратить возможность побега, одновременно с сим поставлены в известность: мос-

ковский губернатор, начальник местного губернского жандармского управления и начальник местной губернской тюрьмы, в которой содержится арестованный.

Подполковник *(подпись).*

ЗАПРОС МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ МИНИСТРА ЮСТИЦИИ ПО ДЕЛУ БАУМАНА

от 31 октября 1904 г.

№ 5101

31 октября 1904 г.

Господину министру юстиции

На основании высочайшего повеления, последовавшего 16 июня сего года в разрешение производившегося при Киевском губернском жандармском управлении дознания «о преступной деятельности социал-демократической группы «Искра» и «Киевского комитета социал-демократической рабочей партии», запасный ветеринарный врач Николай Эрнестов Бауман, за принадлежность к сказанным преступным организациям, подлежит высылке в Восточную Сибирь сроком на пять лет с тем, чтобы приведением в исполнение означенной меры взыскания было оставлено в отношении Баумана без дальнейшего исполнения высочайшее повеление 12 декабря 1898 г. Высочайшее же повеление 16 июня сего года до сего времени в исполнение приведено не было, так как Бауман до разрешения о нем дела 15 октября 1899 г. скрылся за границу. Ныне Бауман, задержанный 19 июня сего года, привлечен при Московском губернском жандармском управлении к новому дознанию по обвинению его в преступлении, предусмотренном ч. 1 ст. 126 уголовного уложения, каковое производством еще не окончено.

Признавая соответственным приостановить дальнейшим исполнением изложенное высочайшее повеление в отношении Баумана, впредь до окончательного разрешения вновь возбужденного о названном лице расследования, имею честь просить ваше высокопровосходительство почтить вашим по сему предмету заключением.

Подписал: за министра внутренних дел товарищ министра, свиты его величества генерал-майор *Рыдзевский.*

Скрепил: за директора *Зуев.*

Верно: *Шонин.*

АР, ФДП, VII дел-во, д. № 2165, ч. III, 1904 г.

ОТВЕТ МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦИИ МИНИСТРУ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ О ПРИОСТАНОВЛЕНИИ ИСПОЛНЕНИЯ ВЫСОЧАЙШЕГО ПОВЕЛЕНИЯ В ОТНОШЕНИИ БАУМАНА

от 4 ноября 1904 г.

Секретно

Министерство юстиции
Временная канцелярия по
производству особых уголовных
дел
Ноября 4 дня 1904 г.
№ 7571
С.-Петербург

Господину министру
внутренних дел

Вследствие отношения от 31 минувшего октября за № 5101 имею честь уведомить ваше сиятельство, что я, с своей стороны, также признавал бы соответственным приостановить исполнением высочайшее повеление, воспоследовавшее 16 июня 1904 г. о запасном ветеринарном враче Николае-Иване Баумане, обвинявшемся в государственном преступлении, впредь до разрешения другого, возникшего о названном лице при Московском губернском жандармском управлении, расследования политического характера.

К сему считаю долгом присовокупить, что о таком соглашении мной одновременно поставлены в известность прокуроры Киевской и Московской судебных палат.

Министр юстиции, статс-секретарь *Муравьев.*

Заведующий канцелярией *Силин.*

АР, ФДП, VII дел-во, д. № 2165, 1904 г.

ЗАМЕТКА О КЛИЧКАХ Н. БАУМАНА

О Николае Баумане

VII делопроизводство покорнейше просит отметить на сем же дела, в коих упоминается ветеринарный врач Николай-Иван Эрнестов Бауман, кличка Грач, он же Петров Николай Васильев, Макар Иванов.

И. д. пом... (подпись).

ДП, VII дел-во, д. № 2165, ч. III, 1904 г.

ОСВОБОЖДЕНИЕ Н. Э. БАУМАНА ИЗ ТЮРЬМЫ 1905 г.

ТЕЛЕГРАФНЫЙ ЗАПРОС Н. БАУМАНА О ПРИЧИНАХ ЗАДЕРЖКИ ОСВОБОЖДЕНИЯ ЕГО ИЗ-ПОД СТРАЖИ

от 2 сентября 1905 г.

ТЕЛЕГРАММА
Отв. 10 упл. д-т. полиции
Из Москвы
2 сентября 1905 г. № 12903

Постановлением Московской судебной палаты я освобожден под поручительство 300 руб. вопреки прокуратура освобождение мое ставит в зависимость от усмотрения департамента вследствие чего прошу сделать распоряжение о моем освобождении.

Николай Бауман

Надпись: Тов. м-ра вошел в сношение с м-ром юстиции о приведении в исполнение теперь же высоч. повеления о высылке. До получения заключения освобождение нежелательно. Телеграфировать прокур. Моск. суд. палаты.
7/IX

ЗАЯВЛЕНИЕ К. П. МЕДВЕДЕВОЙ С ПРОСЬБОЙ ОБ ОСВОБОЖДЕНИИ Н. БАУМАНА ИЗ-ПОД СТРАЖИ

от 6 сентября 1905 г.

6 сентября 1905 г. № 40

Его превосходительству господину С.-Петербургскому генерал-губернатору генерал-ад'ютанту Трепову.

Потомственной почетной гражданки Капитолины Поликарповны Медведевой.

Прошение

Ваше превосходительство!

Имея в руках доверенность моего жениха Николая Эрнестовича Баумана ходатайствовать во всех правительственных, судебных и административных местах и у должностных лиц всех ведомств об освобождении его из-под стражи, я обращаюсь к вашему высокопревосходительству со следующей покорнейшей просьбой:

27 августа сего года, после несостоявшегося судебного разбирательства политического процесса, Московская судебная палата отпустила всех содержавшихся под стражей под залог по 300 руб. за каждого, в том числе и Н. Э. Баумана. Но Баумана не освободили, а вновь заключили под стражу, и товарищ прокурора Московской судебной палаты ссылается на департамент полиции, ввиду имеющегося относительно Баумана административного приговора по киевскому делу от 16 июня 1904 г., согласно которому Бауман ссылается административно в Восточную Сибирь. Ордером министра юстиции исполнение приговора приостановлено впредь до окончания настоящего дела. Бауман содержится в тюрьме с 19 июня 1904 года, т. е. 15 месяцев. Долговременное тюремное заключение и невыясненное положение последнего времени заставляют опасаться за психическое состояние Н. Э. Баумана. Ввиду всего вышеизложенного я и обращаюсь к вашему высокопревосходительству с покорнейшей просьбой освободить моего жениха Н. Э. Баумана из-под стражи. Капитолина Поликарповна Медведева.

Жительство имею проездом в С.-Петербурге, Фурштадтская, 20, кв. 7.

ЗАПРОС МИНИСТРА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ В МИНИСТЕРСТВО ЮСТИЦИИ ПО ВОПРОСУ ОСВОБОЖДЕНИЯ БАУМАНА ИЗ-ПОД СТРАЖИ

от 6 сентября 1905 г.

№ 4183

6 сентября 1905 г.

Г-ну министру юстиции

На основании высочайшего повеления, воспоследовавшего 16 июня 1904 г. в разрешение дознания о преступной деятельности социал-демократической группы «Искры» и Киевского комитета социал-демократической рабочей партии, запасный ветеринарный врач Николай-Иван Эрнестов Бауман, за принадлежность к названным преступным организациям, подлежит высылке в Восточную Сибирь под гласный надзор полиции, сроком на пять лет, но ранее наложения на него означенного взыскания скрылся за границу.

В июне того же года Бауман, вернувшийся нелегально в Россию, был задержан в г. Москве и привлечен в качестве обвиняемого к новому дознанию при Московском жандармском управлении.

Ввиду сего 4 ноября минувшего года состоялось соглашение между министерством юстиции и внутренних дел о приостановлении исполнением высочайшего повеления 16 июня 1904 г. впредь до разрешения нового дознания о названном лице.

Ныне московский градоначальник уведомил, что по определению Московской судебной палаты 27 августа с. г. Бауман, содержащийся в предварительном заключении в Московской губернской тюрьме, подлежит освобождению из-под стражи.

Ввиду сего, признавая желательным привести в исполнение высочайшее повеление 16 июня 1904 г. относительно Баумана ныне же, не ожидая окончательного разрешения нового дела о нем, имею честь покорнейше просить ваше высокопревосходительство не отказать сообщить ваше заключение по сему предмету.

Подписал: тов. министра внутренних дел *Трепов*
Скрепил: заведующий полит. частью *Рачковский.*
Верно: *Шонин.*

АР, ФДП, II дел-во, д. 20128, 1905 г.

ТЕЛЕГРАММА Н. БАУМАНА С ТРЕБОВАНИЕМ ОСВОБОДИТЬ ЕГО ИЗ-ПОД СТРАЖИ, КАК НЕЗАКОННО ЗАДЕРЖИВАЕМОГО

от 7 сентября 1905 г.

ТЕЛЕГРАММА
Отв. 10 упл. д-т полиции
Из Москвы
7 сентября 1905 г.
№ 59003

Прокуратура утверждает я содержусь под стражей по постановлению киевского жандармского ротмистра 5 апреля 1902 г. по этому делу состоялся высочайший приговор ссылка силой которого мера пресечения уничтожилась ордером министра юстиции исполнение приговора приостановлено задержание в тюрьме но время отсрочки составляющее увеличение наказания считаю неправильным кроме того 15 месяцев тюрьмы страшно расшатало нервы здоровье что заставляет усиленно просить освобождения вторичное слушание дела отложено на долго.

Николай Бауман.

СООБЩЕНИЕ ЗАВ. ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЧАСТЬЮ ДЕПАРТАМЕНТА ПОЛИЦИИ ПРОКУРОРУ МОСКОВСКОЙ СУДЕБНОЙ ПАЛАТЫ О НЕЖЕЛАТЕЛЬНОСТИ ОСВОБОЖДЕНИЯ БАУМАНА

от 8 сентября 1905 г.

8 сентября 1905 г.
№ 432
Москва

Прокурору палаты

Товарищ министра вошел сношение министерством юстиции о высылке Баумана теперь же, не ожидая разрешения московского дела. До получения заключения министра юстиции освобождение Баумана нежелательно.

Заведующий политической частью департамента полиции *П. Рачковский.*

ЗАПРОС ДЕПАРТАМЕНТА ПОЛИЦИИ МОСКОВСКОГО ПРОКУРОРА СУДЕБНОЙ ПАЛАТЫ ПО ДЕЛУ БАУМАНА

от 12 сентября 1905 г.

Сентября 12 дня 1905 г.

Господину прокурору
Московской судебной палаты

На основании высочайшего повеления 16 июня 1904 г. запасный ветеринарный врач Николай-Иван Бауман за государственное преступление подлежит высылке под гласный надзор полиции в Восточную Сибирь на пять лет, но по состоявшемуся в ноябре 1904 г. между министерствами внутренних дел и юстиции соглашению признано соответственным приостановить исполнением означенное высочайшее повеление впредь до окончательного разрешения возникшего о названном Баумане при Московском губернском жандармском управлении нового дознания политического характера.

Ныне товарищ министра внутренних дел, заведующий полицией, сообщая, что Бауман, содержащийся по последнему расследованию в предварительном заключении в Московской губернской тюрьме, согласно определению Московской судебной палаты 27 августа 1905 г., имеет быть освобожден из-под стражи, возбудил вопрос о немедленном обращении к исполнению помянутого высочайшего повеления.

Вследствие изложенного первый департамент просит ваше превосходительство сообщить, в дополнение к отношению от 5 августа 1905 г. за № 2192, разрешено ли 27 минувшего августа Московской судебной палатой дело по обвинению поименованного Баумана в принадлежности к «Российской социал-демократической рабочей партии», какой именно состоялся о Баумане приговор и вступил ли он в законную силу, а также уведомить, не встречается ли по ходу сего дела препятствий к осуществлению из'ясненных предположений министерства внутренних дел.

Исп. об. вице-директора *(подпись).*

Делопроизводитель *(подпись).*

АР, ФМЮ, II дел-во, д. № 20128, 1905 г.

ОТВЕТ ДЕПАРТАМЕНТА ПОЛИЦИИ НА ЗАЯВЛЕНИЕ К. П. МЕДВЕДЕВОЙ ПО ВОПРОСУ ОСВОБОЖДЕНИЯ БАУМАНА

от 18 сентября 1905 г.

№ 4393 18 сентября 1905 г.

Начальнику С.-Петербургского охранного оделения

Вследствие переданного С.-Петербургским генерал-губернатором прошения пот[омственной] по[четной] гражданки Капитолины Поликарповой Медведевой об освобождении из-под стражи ее жениха, политического обвиняемого Николая Баумана, департамент полиции просит ваше высокоблагородие об'явить просительнице, проживающей в С.-Петербурге, Фурштадтская ул., 20, кв. 7, что министерством внутренних дел сделано сношение с министерством юстиции по вопросу об обращении ныне же к дальнейшему исполнению высочайшего повеления 16 июня 1904 г. о высылке Баумана под надзор полиции в Восточную Сибирь и что ходатайство Медведевой не может получить удовлетворения ранее разрешения означенного вопроса.

Зав. политической частью *Рачковский.*

Делопроизводитель *Юнгер.*

Верно: *Шонин.*

СООБЩЕНИЕ ДЕПАРТАМЕНТА ПОЛИЦИИ МОСКОВСКОМУ ГРАДОНАЧАЛЬНИКУ ОБ ОСВОБОЖДЕНИИ БАУМАНА

от 2 октября 1905 г.

№ 4648, 2 октября 1905 г.

Московскому градоначальнику

Вследствие отношения от 29 августа с. г. за № 8345 департамент полиции уведомляет ваше превосходительство, что ввиду изложенных в означенном отношении сведений было сделано надлежащее сношение с министром юстиции о приведении в исполнение высочайшего повеления 16 июня 1904 г. относительно врача Николая Баумана ныне же, не ожидая окончательного разрешения московского дела о названном лице.

Однако, министр юстиции отзывом от 23 сентября с. г. за № 3149 высказался о нежелательности осуществления означенного предположения, указав, что это вызвало бы существенные затруднения для своевременного слушания Московской судебной палатой вышепомянутого дела о Баумане.

Ввиду сего основания для дальнейшего содержания под стражей названного лица, как подлежавшего административной высылке, в настоящее время более не имеется, о чем вместе с сим и сообщено прокурору Московской судебной палаты, а определение судебной палаты об изменении меры пресечения подлежит исполнению.

О последующем благоволите уведомить.

Зав. политической частью *Рачковский.*
Делопроизводитель *Савицкий.*
Верно: *Шонин.*

РАСПОРЯЖЕНИЕ МОСКОВСКОЙ ОХРАНКИ НАЧАЛЬНИКУ ГУБЕРНСКОЙ ТЮРЬМЫ ОБ ОСВОБОЖДЕНИИ БАУМАНА

от 8 октября 1905 г.

М. В. Д.
Отделение по охранению общественной безопасности и порядка в Москве
8 октября 1905 г.
№ 9849

Начальнику
московской губернской тюрьмы

По приказанию московского градоначальника, охранное отделение просит ваше высокоблагородие выдать пред'яви-

телю сего, полицейскому надзирателю отделения Федору Кондратьеву, содержащегося во вверенной вам тюрьме под стражей политического арестованного, ветеринарного врача Николая Эрнестова Баумана, который, вследствие распоряжения департамента полиции, изложенного в отношении от 2 сего октября за № 4648, из-под стражи будет освобожден.

За начальника отделения — помощник
штабротмистр *Фуллон.*
Делопроизводитель *Литвинов.*

ПОДПИСКА Н. БАУМАНА О НЕВЫЕЗДЕ ИЗ МОСКВЫ

от 8 октября 1905 г.

Даю подписку московскому охранному отделению, что я буду проживать в номерах «Ливадия» (Тверская ул.) и о выезде из Москвы обязуюсь сообщить названному отделению.

Николай Бауман.

8 октября 1905 г.

РАСПИСКА Н. БАУМАНА НА ПОЛУЧЕНИЕ ПРИНАДЛЕЖАЩИХ ЕМУ 5 РУБ. ДЕНЕГ

от 21 июня 1904 г.

Расписка

Пять рублей принял от смотрителя Сущевского полицейского дома.

Н. Бауман.

21 июня 1904 г.

ЗАЯВЛЕНИЕ Н. БАУМАНА С ПРОСЬБОЙ ПЕРЕСЛАТЬ УЗЕЛ ПРИНАДЛЕЖАЩИХ ЕМУ ВЕЩЕЙ И ЛИТЕРАТУРЫ

от 20 июня 1905 г.

В Московское охранное отделение

Прошу переслать в Сущевскую часть узел с моим бельем и другими вещами. Кроме того, прошу разрешить мне чтение книг, находящихся в упомянутом узле, книги следующие: 1. Сенкевич «Меченосцы», 2. «На рубеже XIX ст.», перевод с немецкого, и 3. Железнов «Курс политической экономии».

Наконец, прошу вынуть из моего узла два образочка, завернутых в бумаги, и передать их Надежде Константиновне Кузьминой, на квартире которой я был арестован. Эти образочки попали случайно в мои вещи и являются собственностью Надежды Кузьминой.

Николай Бауман.

20 июня 1904 г.

РАСПИСКА НА ПОЛУЧЕНИЕ Н. БАУМАНОМ ПРИНАДЛЕЖАЩИХ ЕМУ 10 РУБ. ДЕНЕГ

от 27 июня 1905 г.

Расписка

Десять рублей от смотрителя Сущевского полицейского дома получил 27 июня 1904 г.

Николай Бауман.

Смотритель *Лебедев.*

ОПИСЬ ВЕЩЕЙ, ПРИНАДЛЕЖАЩИХ Н. Э. БАУМАНУ

Опись вещей,

принадлежащих Николаю Эрнестову Бауману

1. Сорочек 4
2. Кальсон 2
3. Вязаная фуфайка с кальсонами . . 1 пара
4. Брюк 1
5. Полотенец 3
6. Полотняных воротничков 8
7. Полотняных манжет . . . . 3 пары
8. Запонок . . . . 2 пары
9. Перчаток . . . . 1 пара
10. Галстуков 1
11. Носков . . . . 4 пары
12. Книги: 4 тома соч. Генриха Сенкевича, „Пьесы", соч. А. П. Чехова, т. VII.

За начальника отделения *(подпись).*

Вещи по описи получил *Н. Бауман.*

Смотритель *Лебедев.*

УБИИСТВО И ПОХОРОНЫ Н. Э. БАУМАНА

ЛИСТОВКА МК РСДРП(б) В СВЯЗИ С УБИЙСТВОМ Н. БАУМАНА

Российская социал-демократическая рабочая партия

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ТОВАРИЩИ,

18 октября у Технического училища убит Николай Эрнестович Бауман, наш товарищ социал-демократ, талантливый и смелый партийный работник, только на-днях освобожденный из Таганской тюрьмы, где он просидел около полутора года. Он шел впереди толпы друзей с красным знаменем в руках, на него бросился из-за угла какой-то зверь из черной сотни и убил его. Заслуги покойного перед нами были велики, но не будем говорить о них, мы все теперь стоим лицом к лицу со смертью, и каждому, кто мужественно погибнет на своем посту,— вечная память и слава. Не оскорбим же похвалой памяти героя, ибо герои — выше похвалы, но сохраним светлую память о нем в наших сердцах.

Но мы люди, мы гордо можем сказать про себя, что мы лучшие люди нашей страны, она кормится нашей силой, мы смываем ложь и грязь с нее нашей кровью, это мы завоевали ей свободу, мы люди, и нас нельзя убивать на улицах, как собак. Мщения, товарищи! За каждого из нас мы все должны единодушно встать для мщения нашему общему врагу, кровь каждого из нас должна быть смыта кровью тех, кто проливает нашу кровь, как воду. Мщение! Мы дети нужды и труда, мы братья по духу и плоти,— все — за одного, один — за всех. Черная сотня, товарищи, последняя опора правительства воров и убийц, черная сотня — это тупые, темные люди — звери, слепое оружие в руках наем-

ных подстрекателей к убийствам. Эти подстрекатели — гнусные лакеи царя, сидящие в «Московских ведомостях» и «Дне», их имена — Грингмут, Берг, Петрович, Шмаков и епископ Никон, приказавший попам проповедывать в церквях, что социал-демократы — обманщики и грабители, что нужно убивать их. Товарищи, вот как борется с нами наш царь, на душе которого уже миллионы убийств, вот как действуют его наемники, убивающие нас за деньги, из-за угла. Мщение, товарищи! Пора смести с лица русской земли всю эту грязь и гадость, позорящие ее, пора нам взяться за оружие для решительного удара.

Готовьтесь к вооруженному восстанию, товарищи, не давайте черной сотне безнаказанно вырывать борцов из рядов наших. Будьте горды и смелы. Помните, вы дали России свободу, вы имеете право на возмездие за преступление над вами, вы должны мстить, дабы убийцы чувствовали силу вашу.

Московский комитет и Московская группа РСДРП.

Октябрь 1905 г.

Типография Московского комитета.

ЛИСТОВКА МК РСДРП(б), ИЗВЕЩАЮЩАЯ О ПОХОРОНАХ Н. Э. БАУМАНА

Российская социал-демократическая рабочая партия

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ТОВАРИЩИ,

20 октября состоятся похороны нашего товарища Николая Баумана.

Его зверски, предательски убил черносотенец в то время, когда с красным знаменем в руках он, во главе рабочих, направился к Таганской тюрьме освобождать политических арестованных.

Товарищи! Покойный около десяти лет работал на пользу пролетариата, все время стоял на посту и умер на посту.

Устроим же ему торжественные похороны, почтим же его память. Он заслужил это.

Вынос тела из Технического училища утром.

Московская группа — Московский комитет

Российской социал-демократической рабочей партии.

СООБЩЕНИЕ МОСКОВСКОЙ ОХРАНКИ ОБ УБИЙСТВЕ БАУМАНА

от 21 октября 1905 г.

М. В. Д.
Московского градоначальника отделение по охранению общественной безопасности и порядка в г. Москве.
21 окт. 1905 г. № 10354
Гор. Москва

Товарищу министра внутренних дел,

заведующему полицией.

...18-го числа в различных частях города происходили также и патриотические манифестации; значительные толпы манифестантов с портретами государя императора, иконами и национальными флагами, с пением народного гимна проходили по улицам столицы. Между прочим около 4 часов дня патриотическая манифестация происходила у дома генерал-губернатора, после чего манифестанты пошли вниз по Тверской улице к часовне иконы иверской божией матери, где, по требованию толпы, был отслужен благодарственный молебен. Во время такой манифестации, происходившей в 3 часа дня около Технического училища, убит одним из манифестантов ударом чугунной водопроводной трубы обратившийся к манифестантам с речью революционного содержания хорошо известный департаменту полиции ветеринарный врач Николай Эрнестов Бауман, труп которого был перенесен студентами в помещение Технического училища. Вечером того же числа в управление 2-го участка Басманной части явился рабочий Щаповской мануфактуры, крестьянин Николай Федоров Михайлин, заявивший, что Бауман убит им. Михайлин задержан, и составленный по сему поводу протокол передан судебным властям...

Генерал-майор *(подпись).*

И. д. начальника отделения ротмистр *(подпись).*

АР, ФДП, оо, д. № 1350, ч. 26, 1905 г. О беспорядках и демонстрациях по Московской губернии.

СООБЩЕНИЕ МОСКОВСКОЙ ОХРАНКИ О ДЕМОНСТРАЦИИ В ДЕНЬ ПОХОРОН БАУМАНА

от 22 октября 1905 г.

М. В. Д.
Московского градоначальника управление по охранению общественной безопасности и порядка в г. Москве.
22 окт 1905 г. № 10379
Гор. Москва

Товарищу министра внутренних дел,

заведующему полицией

В дополнение к донесению от 21 сего октября за № 10354, представляю вашему высокопревосходительству, что 19 сего октября, ввиду назначенных на 20 октября похорон Николая Баумана, к московскому генерал-губернатору явилась депутация гласных московской городской думы, во главе с городским головой князем В. М. Голицыным, ходатайствовавшая о том, чтобы во время похорон по всему пути следования погребальной процессии полиция и войска не были выставляемы, причем заявила, что нарушений уличного порядка при похоронах произведено не будет. Ввиду этого его высокопревосходительством ходатайство депутатов было удовлетворено.

20 октября, в день похорон Баумана, к Техническому училищу, откуда должен был состояться вынос тела, стали собираться в значительном количестве учащиеся высших учебных заведений, представители различных общественных учреждений и профессиональных союзов, а также рабочие, преимущественно железнодорожные и типографщики, так что к полудню около училища образовалась толпа до 15 тыс. человек. Вынос тела сотоялся в 12 часов дня, причем за гробом шла организованная из студентов и рабочих «боевая дружина», замыкавшаяся санитарным отрядом, организованным из студентов и курсисток, далее следовали флагоносцы, неся флаги и знамена с различными надписями; процессию замыкали студенты с венками от различных революционных организаций и частных лиц. В качестве охранителей порядка ехали студенты, одетые в маршалские костюмы. Процессию сопровождали все собравшиеся к Техническому училищу, причем большинство имело в петлицах и на головных уборах красные ленты. По мере следования к Ваганьковскому кладбищу, где должно было состояться погребение, толпа сопровождающих погребальную процессию возрастала и к концу шествия достигала 30 тыс. человек. Порядок на улицах в местах шествия нигде нарушен не был,

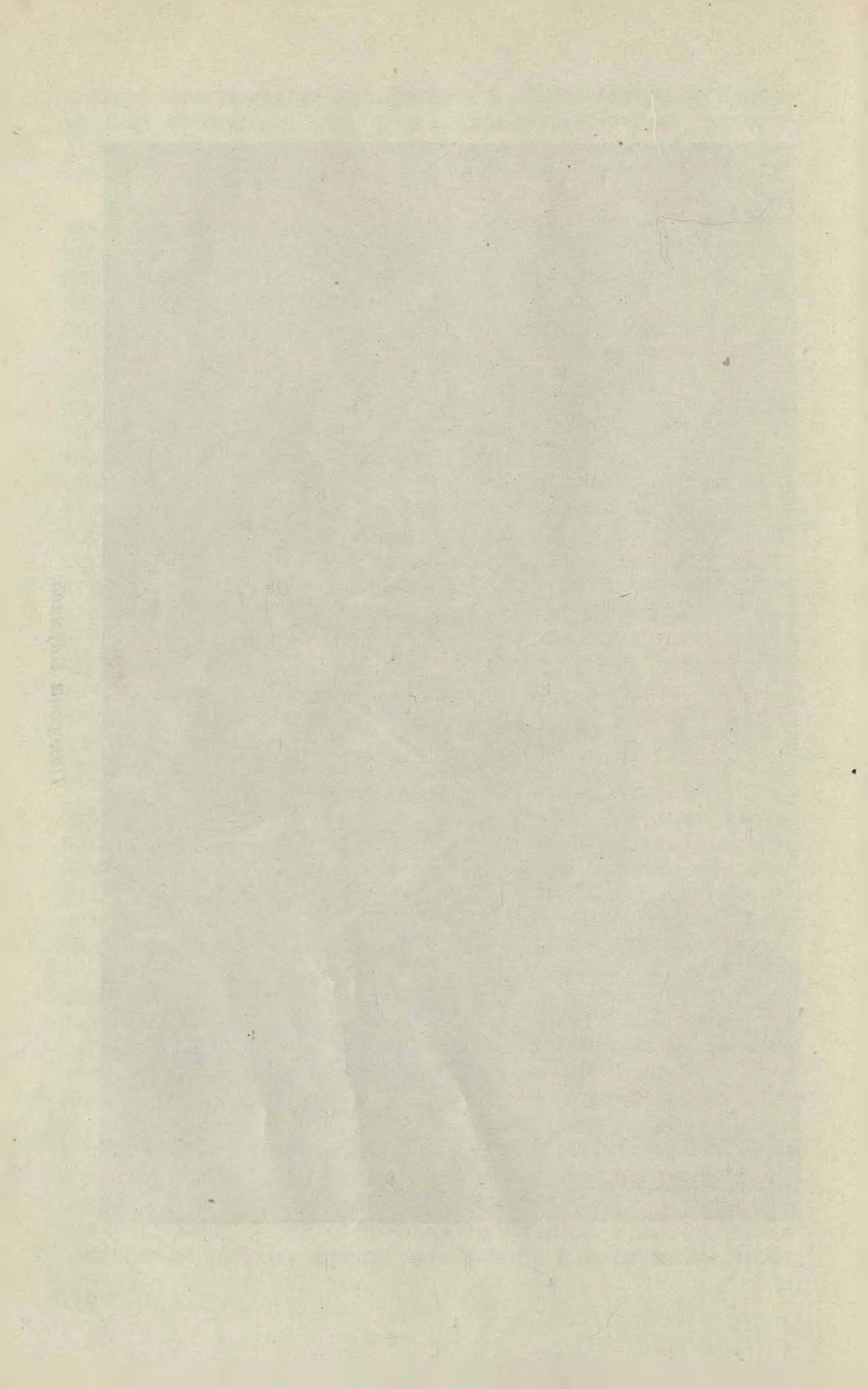
и процессия достигла кладбища к 9 часам вечера. На могиле был произнесен ряд речей, преимущественно революционного содержания, в которых ораторы призывали к мести за убийство товарища.

От кладбища толпа организованными группами разошлась по домам, причем революционные элементы, преимущественно студенты и курсистки, толпой до тысячи человек, направились к университету; на Моховой улице революционеры встретили толпу манифестантов-националистов, остановившуюся у манежа, в которой появление студентов вызвало сильное озлобление и по адресу их было произнесено несколько угроз. Ввиду этого находящаяся в толпе демонстрантов боевая дружина, выстроившись двумя группами на тротуаре университетского здания, сделала два залпа по толпе манифестантов, причем некоторые пули попали в стекла здания манежа, где в это время находилась сотня казаков. Последние, услышав выстрелы, ошеломленные выбежали из манежа и, так как частичные выстрелы со стороны студентов продолжались, произвели залп, которым из числа студентов убито 6 и ранено до 60 человек. Ввиду того что все убитые и раненые были перенесены санитарным отрядом в университет, точно выяснить имена и фамилии их не представляется возможным, и собраны лишь более или менее точные сведения, что в числе убитых есть студенты Сергей Андреев Захаров (универсант), Саверианов (инженерного училища) и воспитанник Александровского коммерческого училища Петерс.

Кроме того, в течение дня 20 октября в разных частях города появлялись небольшие группы как манифестантов-националистов, так и демонстрантов, преимущественно рабочих бастующих фабрик и заводов, предводительствуемых учащимися высших учебных заведений, причем столкновений между противными партиями благодаря своевременному вмешательству нарядов полиции не произошло...

...На другой день, 21 октября, хождение по улицам толп манифестантов, несмотря на об'явление московского генерал-губернатора, приглашавшего население к мирному труду, продолжалось, причем, кроме манифестантов, на улицах появлялись также и толпы бастующих рабочих, которые снимали рабочих с работ. Между прочим в 10 час. 30 мин. утра толпа рабочих некоторых расположенных в районе 1-го участка Якиманской части фабрик, около 500 человек, сгруппировавшись на Крымской набережной, направилась к фабрике Голутвинской мануфактуры, где работы еще не прекращались. Узнав о приближении толпы, администрация означенной фабрики прекратила работы и распустила рабо-

Похороны Баумана.

чих, ввиду чего подошедшая к фабрике толпа мирно разошлась.

В 9 час. 35 мин. вечера, во время происходящей у дома генерал-губернатора патриотической манифестации, проезжавший на лихаче неизвестный студент выстрелил в воздух и повернул в Козьмодемьянский переулок; за студентом погналась толпа, и как только лихач поровнялся с домом Лианозова, из окон второго этажа этого дома по бегущей толпе было произведено пять револьверных выстрелов. Вследствие этого толпа стала бить камнями стекла в этом доме, но вскоре под увещаниями прибывшего наряда полиции разошлась.

Между 11 и 12 часами ночи на Театральной площади собралась значительная толпа манифестантов, из среды которых выделились ораторы, произносившие патриотические речи. Затем в толпе появился неизвестный еврей, оказавшийся впоследствии дантистом Эльей Тодоесовым Иоффе, который обратился к манифестантам с речью противоправительственного характера. Крайне озлобленная этим толпа запротестовала, обнаруживая намерение избить оратора, тогда последний произвел три выстрела из револьвера, после чего был настигнут и подвергся избиению толпы. Подоспевшим нарядом полиции Иоффе почти без признаков жизни был отправлен в приемный покой Тверского полицейского дома, где по заключению врача положение его признано безнадежным.

В 7 часов вечера у Инженерного училища студентами было произведено около 20 выстрелов в толпу собравшихся около училища манифестантов, причем ранены: крестьянин Кирилл Захаров Генералов, 16 лет (в ногу); личный почетный гражданин Гавриил Михайлов Никольский, 20 лет (в руку на вылет) и крестьянин Родион Никитин Чуранов (в левое бедро).

В 3 часа 30 мин. дня близ Дорогомиловской заставы, около пункта остановки вагонов конно-железной дороги, три неизвестных господина и женщина с красными лентами в петлицах сделали несколько противоправительственных возгласов, на что быстро сбежалась толпа простолюдинов, которые напали на означенных лиц. Во время свалки мужчина и женщина успели скрыться, застигнутые же толпой двое неизвестных подверглись сильному избиению и в бессознательном состоянии были отправлены в 1-ю городскую больницу, причем личности их еще не установлены.

Генерал-майор *(подпись).*

И. д. начальника отделения ротмистр *(подпись).*

ПРОТЕСТ НАСЕЛЕНИЯ МОСКВЫ ПРОТИВ ДИКОЙ РАСПРАВЫ КАЗАКОВ В ДЕНЬ ПОХОРОН БАУМАНА

Возмутительное расстреливание народа, возвращавшегося с похорон Баумана, казаками, действовавшими вполне произвольно и находящимися, очевидно, вне всякого руководства и надзора со стороны начальства, лишний раз показывает, в какой мере мирное население Москвы лишено самой элементарной безопасности.

Нападение казаков было произведено в данном случае вопреки прямому обещанию генерал-губернатора, данному им представителям города, устранить полицию и войска с пути следования похоронной процессии.

Потрясенные этим происшествием, имевшим место вчера в 11 час. вечера в центре города, у стен университета, мы, нижеподписавшиеся, обращаемся к городской думе с решительным требованием безотлагательно принять действительные меры к охране жизни и безопасности жителей вверенного ее попечениям города. Необходимо убрать недисциплинированных и разнузданных казаков из города и учредить особый комитет общественной безопасности, составленный из представителей организованных общественных учреждений, и организовать правильную городскую милицию.

(Следует свыше 300 подписей.)

Доложено думе 21 октября 1905 г.

«Из истории революции 1905 г. в Москве и Московской губернии», стр. 230.

ПРОТЕСТ МОСКОВСКИХ ИНЖЕНЕРОВ ПРОТИВ ЗВЕРСТВ. ЧИНИМЫХ ЧЕРНОЙ СОТНЕЙ И КАЗАКАМИ

В Петербург графу Витте

Телеграмма

Вопреки обещанию генерал-губернатора вчера ночью казаки расстреливали спокойную толпу, возвращавшуюся с похорон Баумана, прошедших в полном порядке. Полное отсутствие дисциплины и содействие казаков черной сотне представляют постоянную угрозу для спокойствия города и заставляют жителей вооружаться, население возмущено, нормальная жизнь не может быть восстановлена, возможно возобновление забастовки, если казаки не будут немедленно выведены из Москвы. Союз союзов, председатель с'езда инженер *(подпись).*

ПИСЬМА Н. Э. БАУМАНА К РОДНЫМ

ПЕТРОПАВЛОВСКАЯ КРЕПОСТЬ

3 апреля 1897 г.

Дорогие родители, братья и сестра!

Тяжело писать. Не знаю, как начинать. Невеселую новость узнаете с этим письмом. С 21 марта я арестован и сижу в одиночном заключении в Петропавловской крепости. В чем меня обвиняют, не знаю еще до сих пор. Допроса не было. Если же даже скоро узнаю обстоятельство дела, то и тогда едва ли сумею вас уведомить об этом. Здешняя цензура, кажется, не допускает касаться в письмах подобных вопросов. Завтра будет две недели моего заключения; несмотря на полнейшую неопределенность положения, чувствую себя сносно: нервы не шалят, и физически совершенно здоров.

Не тревожьтесь и вы, мои дорогие, не проливайте слез над моей судьбой. Я молод, силы не надорваны — жизнь моя впереди. Прямо, без препятствий, без разочарований и страданий едва ли кому-нибудь удавалось пройти свой жизненный путь. С подобными неожиданностями приходится мириться. Никакими слезами, никакими сожалениями нельзя помочь в моем настоящем. Личная воля, личные страдания не могут хоть чуточку изменить положения. Жду и надеюсь и пользуюсь тем, что достижимо при такой исключительной обстановке, т. е. читаю и философствую.

Мамаша написала Пете письмо, но я его не успел прочесть. Содержание его в кратких чертах Петя передал в своем письме ко мне. Оказывается, что ваше положение нисколько не улучшается, все идет по-старому, а теперь к этому еще прибавился казус со мной. Где плохо, там и рвется.

Обо мне заботиться не надо. Здесь живу на всем готовом, кроме чая и сахара. На эти мелочи у меня денег хватит.

Я должен получить рублей 50 за работу по этнографии. Петя получит эти деньги... Сестренка, крайне сожалею, что сам не могу теперь хлопотать насчет летних каникул. Но это можешь сама с успехом устроить. Без всякой церемонии напиши о своем желании (пометь при этом, что в этом была моя инициатива) провести лето в деревне у подруги, с которой ты вместе гостила у меня в Бурасах. Напиши мне, как идут твои экзамены. Не надрывайся только, сестренка, лучше обождать. Прошу вас всех не оставлять меня без писем. Пожалуйста, пишите. От Эрочки и от Саши я давненько ничего не получал.

Желаю всего лучшего.

Ваш Николай Бауман.

Из архива музея Революции.

ПЕТРОПАВЛОВСКАЯ КРЕПОСТЬ

14 апреля 1897 г.

Дорогие родители, братья и сестра!

От вас едва ли скоро придет письмо; отсюда и ко мне корреспонденция двигается медленно, поэтому пишу второе, не дождавшись весточки из Казани. Ничего интересного сообщить, конечно, не могу. Пребываю все в том же учреждении, и сколь долго засижусь здесь, трудно предугадывать. Узнал, в чем меня обвиняют. Чем кончится процесс,—не знаю. Во всяком случае придется вооружиться терпением и ждать, куда ветер подует и соблаговолит пригнать участь моей персоны. Так-то обстоят мои делишки. Ваши же, по Петиным письмам, повидимому, тоже не могут назваться блистательными. Что это за болезнь ушей у папаши? Продолжается ли она или уже прошла? Папаша советует Пете кончать в мореходных классах, не имея возможности выправить ему теперь документы. Неужели нет никакого средства иначе устроить? Для Пети подобное решение, я полагаю, причинит немало страданий. Итти такой дорогой, которая опостылела, где все вызывает неприязненное чувство, трудно человеку, а часто даже немыслимо. О каком-либо успехе нельзя даже мечтать. Кроме личной психологии Пети, морская карьера не может улыбаться ему и по другим соображениям. Где у него сила, где у него здоровье? На море уважается физическая мощь, ловкость. Без этих качеств моряку далеко не уйти. Исходя из этого положения, я с своей

стороны стал бы всеми силами стараться осуществить его теперешние желания. Мне могут возразить, зачем он раньше не думал, ему ведь давалась возможность учиться, поступить в другое учебное заведение, он мог бы тогда устроиться по своим влечениям. Но, кто из нас не заблуждается, много ли таких людей на свете, которые во-время умеют узнать свое назначение и сообразно с этим направлять все свои силы? Обыкновенное же явление, что человек только перед гробовой доской открывает «Америку» своей души. И винить за это человека я не могу, здесь причина в ограниченности человеческой природы. А природа не чувствительна к людским назиданиям... Эльза тоже «выглядывает не особенно здоровой», как пишет Петя. Наверно занимается усердно, зубрит анатомию и химию? Она должна непременно летом провести время в деревне и заняться физическим трудом на свежем воздухе. Я думаю, вы ничего не будете иметь, если она поселится на несколько месяцев у своей подруги?

Сестренка, будь осторожнее, не надрывайся через силу. Как поживают мамаша, Саша, Эрочка? О них я никаких сведений не имею.

Желаю вам всего лучшего. С тюремной обстановкой я освоился, здоров.

Остаюсь ваш Н. Бауман.

Адрес: Петербург. Жандармское управление. Николаю Эрнестовичу Бауману.

Из архива музея Революции.

П. КР.

21 апреля 1897 г.

Дорогие родители, братья и сестра!

От вас еще не получал писем. Вчера же получил весточку от Пети, в которой он, между прочим, сообщает кое-что о вашей жизни.

Узнал о тревогах мамаши насчет Эрочки и меня, но после прихода моего первого письма в Казань, конечно, характер мамашиного настроения изменится... Не придется мне воевать с турками, если бы даже осуществились мамашины предположения в области политики. Другая война не только

предстоит, но и началась у меня. Война с одиночеством. Не представляю себя в рядах вооруженной армии, направляющей свои смертоносные оружия на людей, именуемых в обыденном лексиконе неприятелями. Может быть, я там проявил бы трусость, начал бы ни с того, ни с сего философствовать: «зачем вся эта канитель, чего даст нам проливаемая человеческая кровь?...» Такие качества не уважаются военной дисциплиной. Вообще, я не знаю, как бы себя чувствовал солдатом, хотя бы с красным крестом, в образе ветеринарного врача... Здесь же, застрахованный от всяких назойливых вопросов «к чему, зачем», не видя перед собой страшных картин, прямо и храбро гляжу на своего несложного, бесстрастного, но зато действительного неприятеля — на своды тюремной камеры. План кампании выработан, тактика изобретена и проверена, и я выступил на поле сражения, твердо надеясь вести победоносную борьбу. Вот почему, дорогие родители, убедительнейше прошу вас не тревожиться, не причинять себе лишних страданий, узнавши о постигшей меня судьбе. „Das schwere Herz wird nicht durch Worte leicht", могут мне возразить на мои утешения. Знаю, и очень хорошо знаю. Но я знаю также и то, что люди страдают за других часто главным образом потому, что они преувеличивают несчастие своего ближнего. И в данном случае я хотел только иллюстрировать вам свое настроение, чтобы незнание последнего не было причиной такого преувеличения... Повидимому, болезнь папаши еще не прекратилась? А как здоровье мамаши? Удивила меня одна новость — Эрочка поехал давать концерты! Вот тебе на ! Куда «наши» хватают! А я-то, грешным делом, не думал, не гадал, что и в «нашей крови» скрываются таланты. Послушал бы и посмотрел бы на вновь восходящую звезду! Но меня один вопрос смущает: Эрочка, как же ты с своей физиономией обходишься? Ведь, пожалуй, не к лицу артисту иметь такую здоровую, широкую «рожу» (извини, за выражение)? Носителям искусства присущи более бледность, худоба и т. п. аттрибуты всего возвышенного. Наверно, и репертуар твой изменился. Не услыхал бы я: «Прощай, Астрахань-Парфас...», а вместо этого, поди, преподносишь публике: Ночь, луна, шопот... трепет сердец и т. д... А? Не поленись, Эрочка, поведай мне о своем путешествии. Что Саша поделывает, как его баритон, не вторит он тенору? С тебя же, сестренка, хочу взять слово. И ты *мне должна его непременно дать*. Вот какое: «думать об экзаменах и не отвлекаться моей персоной». Во всяком случае мое положение лучше твоего, когда ты стоишь перед анатомом и должна копаться в своей памяти, чтобы вспомнить, какую н. foramen или tuberculum.

Поклонитесь от меня «meiner zweiter Mutterchen», если она меня не забыла, а ты, Эльза, своим подругам. Погрози за меня Вере.

Любящий вас Н. Бауман.

Из архива музея Революции.

ПЕТРОПАВЛОВСКАЯ КРЕПОСТЬ

30 июля 1898 г.

Спасибо, Шура, за приписку к Эрочкиному письму. Меня только страшно удивила мотивировка Вашего молчания — «боюсь строгой критики». Кто это Вам так безжалостно «наклеветал» на меня?..

Буду рад получать от Вас весточки, ведь Эрик (меня рассмешило такое неожиданное словообразование) — лентяй первостатейный в деле писания, а мне хотелось бы знать, как вы живете. К сожалению, сам не могу писать Вам распространенные письма, так как для тем моих писем установлены очень узкие рамки, да, кстати сказать, из этого мира абсолютного покоя нельзя ждать ничего интересного. Поэтому не берите примера с меня и пишите, что вздумаете, без разбора, мне же здесь — все интересно, что идет с воли. Вероятно, мне не удастся в ближайшем будущем погреться у Вашего семейного очага, ибо нельзя надеяться, что меня выпустят на все четыре стороны, скорее, придется путешествовать в Сибирь на несколько лет. В последнем случае мне хотелось бы повидать Вас и Эрочку в Москве, где партии ссыльных ждут отправки, кажется, порядочное время.

Привет Эрочке. Незавидная, однако, у него служба. Желаю вам обоим всего лучшего. Из-за карточки ворчу: по губам только мажете.

Ваш брат Коля.

Из архива музея Революции.

БРЮССЕЛЬ, 25/VIII 1903 г.

Милая Эльзурка. Давным-давно у меня нет никаких сведений от тебя. Быть может, ты писала мне, но твои письма могли случайно еще не дойти до меня, так как я все еще скитаюсь по белу-свету.

Я не решаюсь в данный момент писать тебе в деревню, не будучи уверен, служишь ли ты там. Ведь я, кажется, предупреждал уже тебя, чтобы ты адресовала все письма на университет. Вероятно, в скором времени я пришлю тебе другой адрес, более постоянный и верный.

На жизнь свою жаловаться не могу: дни, недели, месяцы пролетают незаметно, не успеваешь справляться с впечатлениями, задумываться нехватает времени, а потому нам незнакомы скука и тоска.

А как ты поживаешь, каково твое настроение, продолжаешь ли ты свою службу? Не поленись немедленно ответить.

Сию минуту довольно неподходящий момент для обмена мыслей с тобой, но я взялся за перо, чтобы послать хотя небольшую весточку о себе: совесть загрызла, слишком долго я собирался писать вам.

Моя девочка шлет тебе сердечный привет, желает тебе всего лучшего и крепко целует, а к ней присоединяюсь и я. Кланяйся и передай поцелуй Саше и Эрочке. Как они живут, где служат?

Пиши скоро.

Целую тебя крепко. Твой Коля.

МОСКВА, 27 августа 1904 г.

Милый папа!

Ваше письмо получил несколько дней тому назад. Не отвечал Вам немедленно, потому что знал о Вашем от'езде в Нижний, к внучкам.

Известие об Эрочкиной судьбе для меня было очень неожиданно. Представляю, с каким самочувствием он уезжал на войну, оставляя жену и четырех ребят. Интересно, в какую эскадру он попал: во Владивосток или же идет на Дальний Восток с Балтийским флотом?

Мне очень прискорбно слышать, что Вы до сих пор не можете или не желаете понять меня. Неужели Ваш долгий жизненный опыт не подсказывает Вам, что каждый человек должен итти своим собственным путем, что в жизни нет одной широкой проторенной дороги для тех, кто способен мыслить и чувствовать? Раз вы признаете эту истину, то заботы и страдания отца, матери и вообще всех любящих принимают совершенно другой характер. Несчастными становятся не те, которые голодают, холодают или сидят за решеткой, и, наоборот, счастливы не те, которые живут в

богатстве и безнаказанно пользуются свободой. В действительности же тот несчастен, кто сбился со своей настоящей дороги или не мог найти ее вовсе, а счастлив тот, кто идет неуклонно, без страха и сомнения туда и прямо, куда указывают ему его совесть и убеждения. Не может быть счастлив человек, если он обречен на постоянную борьбу со своим внутренним голосом, если он вступил в сделку со своей совестью. Тогда все внешние блага, вроде богатства, знатности, даже слава не в состоянии заглушить душевных мук, отравляющих каждый шаг жизни. Остается один путь: «живи в мире и согласии со своей совестью!» Вот единственная заповедь, — стара как мир, — которую нужно всегда помнить и никогда не забывать. Только на такой духовной основе строятся замки счастья, как его каждый понимает. Не может быть одной мерки для всех. Если бы вдруг все люди помирились на идеале близкого благополучия, то не было бы современной культуры, не было бы прогресса; общественная жизнь остановилась бы и человечество вернулось бы к первобытному варварству. А мы так любим человеческий гений, красоту, свободу, что с радостью и бодро смотрим в лицо самой страшной опасности, не боимся тернистой дороги, лишь бы перед нами светила яркая заря нашего идеала. Вы же советуете мне — в своем прошлом письме — свернуть с моей дороги. Если бы я поступил таким образом, то бросил бы себя в пропасть самых ужасных, неизлечимых мук. Нет, милый и дорогой папа! Постарайтесь вникнуть в мое сердце, и Вы поймете, что иначе я не могу жить: мой путь давным-давно намечен, свернуть с него — значит убить свою совесть. Последнее же — самое ужасное преступление, для него нет искупления. Если бы Вы могли видеть меня сейчас, то, я уверен, к Вам никогда не вернулась бы подобная мысль, Вы благословили бы меня итти дальше и оставаться самим собой. Пишите больше о себе.

Целую крепко. Ваш Коля.

Где Саша? Попросите его написать мне.
Пришлите непременно свою карточку.

Из архива музея Революции.

МОСКВА, 28 октября 1904 г.

Милый папа!

Ваши письмо и карточку я получил вскоре после того, как послал с своей стороны запрос Вам, почему Вы не отвечаете, и о том, как Вы поживаете,

За карточку большое Вам спасибо. Теперь я все-таки представляю приблизительно, насколько Вы изменились со времени нашего последнего свидания, кажется, в 1899 году, когда я отправлялся в ссылку. С тех пор прошло уже около 5 лет: много воды утекло. Я нахожу, что Вы пополнели. А относительно головы могу Вас утешить, что я скоро догоню Вас. Эльза видела жалкие остатки моей прежней шевелюры. Но не думайте, однако, что это результат каких-нибудь экстраординарных страданий и лишений. Нет, так уже мне на роду написано было лишиться волос к 30 годам. Еще в Петропавловской крепости доктор сказал, что у меня должна быть «наследственная» лысина. Ведь, помните, мамаша говорила, что я вылитый дедушка. Вероятно, и в этом отношении я похож на дедушку, а не на Вас, так как Ваши волосы стали редеть в довольно преклонном возрасте. Уже по одному тому, что я останавливаюсь на этом вопросе, Вы можете судить, как неравнодушно я отношусь к своей лысине. Но ничего не поделаешь; приходится мириться с неумолимым роком.

Ничего нового сообщить Вам не могу. Мое дело стоит, повидимому, на точке замерзания. По крайней мере до сих пор я не получал ни одного извещения, ни одной бумаги.

Пока еще не скучаю. Здоровье также в полном порядке. Вообще условия здешней тюрьмы гораздо лучше, чем, например, в Петропавловской крепости.

Ежедневно я гуляю два раза по 20—25 минут. Каждую неделю хожу в баню и, кроме того, принимаю две ванны. Не могу жаловаться и на пищу, так как я имею право выписывать по книжке что угодно, кроме спиртных напитков, к которым, кстати сказать, я совершенно равнодушен. Как видите, здесь можно устроиться с некоторым комфортом, что я и сделал.

Теперь несколько слов относительно Вашего последнего письма. Вы пытаетесь доказать мне, что все мои рассуждения и убеждения лишь плод холодного ума. Поверьте, дорогой папа, Вы жестоко ошибаетесь. Только потому, что у меня мозг и сердце идут нога в ногу, неразлучно, я так непоколебим в избранном мною пути. И тот, кто стремится соблазнить меня другими, более покойными, ровными и широкими дорогами, несмотря на все свои добрые намерения, по моему мнению, желает мне не счастья, а такого существования, против которого протестует вся моя личность. Я вижу, что в этом пункте мы никогда не сойдемся с Вами.

Несколько дней тому назад я получил письмо от Эрочкиной жены. Какое же место занимает Эрочка в Петербурге

в качестве флотского солдата? Как долго будет он состоять на службе, до конца войны? Интересно было бы это знать.

От Эльзы не имею давно никаких известий.

Желаю Вам всего лучшего, главное здоровья.

Целую Вас крепко.

Ваш сын Коля.

Вашу карточку я вставил в рамку, и она украшает теперь мою камеру.

Из архива музея Революции.

МОСКВА, 24 сентября 1904 г.

Дорогой папа!

На мое последнее письмо я еще не получил ответа от Вас. Как вы поживаете? Эльза писала Вам уже, вероятно, о наших с ней свиданиях. Вид ее мне очень понравился. Все говорит за то, что она довольно хорошо себя чувствует.

Нет ли каких-нибудь известий от Эрочки? Где же он теперь, на какую эскадру он назначен? Я не понимаю, почему он поехал по железной дороге? Повидимому, их направили прямо во Владивосток.

За ходом военных действий я имею возможность следить, по крайней мере, за самыми важными событиями: я получаю ежедневно телеграммы здешней газеты «Московский листок». Таким образом, в самом злободневном вопросе я не отстаю от вольных людей. Это все-таки очень важный пункт в тюремной обстановке. Не чувствуется оторванность от внешнего мира.

Сведения о Саше меня очень огорчили. Неужели уже нет никаких средств помочь ему, избавить его от печального недуга? Мне очень жаль его. Вот его судьба — настоящее несчастие, потому что он носит все невзгоды в самом себе. Если в нем самом нет сил бороться с несчастием, то тут никто не может помочь. А ведь сердце у него хорошее; есть несомненно способности, но нехватает только характера, сильной воли. Кланяйтесь ему, пожалуйста, от меня, когда будете писать ему.

Жизнь моя течет обычным образом: никаких особых новостей сообщить не могу; до конца следствия, повидимому, еще далеко. Чувствую себя довольно хорошо. Бодр и здоров. Все время провожу за книгами.

Здесь стоит отличная, теплая погода. Окна круглые сутки открыты, поэтому в камере всегда свежий воздух и достаточно света. Последнее обстоятельство очень хорошо действует на настроение.

Пишите, папа. Я был бы очень рад, если бы Вы успокоились на мой счет, не рисовали бы мое положение в мрачных красках. Поверьте, милый папа, я чувствую себя гораздо лучше, чем многие и многие общепризнанные удачники и счастливчики.

Желаю Вам всего лучшего, а главное здоровья. Крепко целую Вас.

Ваш сын Коля.

Из архива музея Революции.

ВОСПОМИНАНИЯ
О
Н. Э. БАУМАНЕ

Могила Баумана на Ваганьковском кладбище (снимок 1926 г.).

О. Пятницкий

О НИКОЛАЕ БАУМАНЕ

Встретился я с т. Бауманом в киевской тюрьме в 1902 г., когда меня впервые арестовали и привлекли по делу «Искры». Искровские дела были тогда сконцентрированы в руках жандармского генерала Новицкого после того, как ему удалось выследить киевского представителя «Искры» Крохмаля и открыть все явки, адреса для писем и шифр последнего. Таким образом, генералу Новицкому удалось проследить и «ликвидировать» (арестовать) почти всех участников, приехавших со всех концов необ'ятной тогдашней России на совещание или конференцию искровцев.

Тов. Бауман тоже приехал на это совещание,— кажется, из Москвы. Когда он заметил слежку, то сейчас же оставил Киев, но и в поезде он снова заметил слежку за собой. Чтобы отделаться от шпиков, он, добравшись до населенного пункта, выпрыгнул из поезда в незнакомой для него местности. Тов. Бауман думал, что лучше всего для него, врача, в его положении обратиться к местному врачу за помощью, но последний, некто доктор Вележев, приняв т. Баумана очень любезно, сейчас же сообщил о нем полиции, и т. Баумана водворили в Лукьяновскую тюрьму, где уже сидели почти все участники совещания «искровцев».

Тов. Бауман по сравнению со мной был уже стариком — не так по летам своим, как по революционной деятельности. До киевского ареста он отсидел 19 месяцев в Петропавловской крепости, после чего он был выслан в город Орлов, Вятской губернии, на четыре года.

Когда меня перевели в киевскую тюрьму, я попал в тот же коридор, где сидел т. Бауман. Он мне рассказал о своем

сидении и о тех мытарствах, которые он пережил на этапе, следуя в Вятку. Не трудно было просидеть в одиночке крепости, но труден был этап, где каждый, кому только не лень было, мог издеваться над личностью этапников,— человек превращался в грязное животное. В этапе было тесно, вонь, грязь, тьма поразитов, и в воздухе висела все время ругань. «Я бы лучше,— рассказывал т. Бауман,— согласился дольше сидеть в тюрьме, чем итти по этапу». Я тогда сидел в первый раз. Хотя меня арестовали в Вильно и отправили в Киев, но я был перевезен не этапным порядком, а ехал в сопровождении двух жандармов. Поэтому рассказ т. Баумана был для меня еще не испытанным переживанием. В последующие годы, когда приходилось на своей спине испытать царский этап, я вспоминал рассказанное тогда в Киеве т. Бауманом.

Тов. Бауман был душой политического корпуса Лукьяновской тюрьмы. Он принимал деятельное участие в дискуссиях, которые велись на прогулках с эсерами и «экономистами», руководил всеми затеями политиков на прогулках: игрой в городки, хороводами и другими играми. Когда велись подготовительные работы к побегу 11 политиков, то он принимал в них самое деятельное участие.

Перед побегом между участниками его были распределены роли, и несколько раз были произведены репетиции. Тов. Бауману было поручено организовать увеселение для гуляющих политиков, чтобы они не разбрелись по камерам (в середине августа по вечерам бывало холодновато, поэтому публика неохотно выходила на прогулку), что могло дать повод администрации сократить время прогулок (политики тогда гуляли в Лукьяновской тюрьме с утра до темноты). Необходимо было, чтобы надзиратели соседнего двора привыкли к шуму во время прогулок. Поэтому т. Бауман организовывал почти каждый день хоровод, а он сам танцовал и лупил в жестяной «барабан». Благодаря шуму, который т. Бауман устраивал, стало возможно благополучно совершить побег. При желании политических заключенных весь политический корпус мог бы покинуть тюрьму вечером 18/VIII 1902 г.

Шутя, т. Баумана политические заключенные называли «балерина». Однако, несмотря на то, что т. Бауман был руководителем всех игр и проделок на прогулках, он на совещаниях «искровцев» или в спорах с идейными противниками выступал серьезно, солидно и с вескими доводами.

В киевской тюрьме в 1902 г. сидели активнейшие работники «Искры» из разных городов России. В Лукьяновке си-

деть было тогда привольно: можно было гулять целый день, книги можно было достать какие угодно. Получались ежедневно газеты и все заграничные и русские нелегальные органы всех партий сейчас же по их получении в Киев. Переписка с волей была организована великолепно. Киевляне имели частые свидания с родными и знакомыми. Но, несмотря на все привольности, сидеть было невыносимо, ибо революционное движение в России шагало гигантскими шагами, а пролетарской единой централизованной партии еще не существовало. «Искра» и «искровцы» тогда только работали над созданием такой партии.

Во время нашего сидения были крупные студенческие беспорядки в Киеве и в других университетских городах, крестьянские беспорядки в Харьковской и Полтавской губерниях и крупные рабочие забастовки в разных частях России. Эти обстоятельства вынудили «искровцев», сидевших в Лукьяновке, составить план побега. Из всех «искровцев» (их было человек 50—60) согласились принять участие в побеге лишь 11 человек; из них 10, действительно, бежали. Тов. Бауман был самым деятельным организатором и инициатором этого побега.

Осенью 1903 г., через год после побега, я вновь встретил т. Баумана в Женеве перед с'ездом «Заграничной лиги русской революционной социал-демократии». Членами лиги были активные «искровцы», которые выполняли те или иные партийные функции, возложенные на них редакцией «Искры», или товарищи, которые временно находились за границей после побегов из ссылки или тюрьмы. К последней категории принадлежал т. Бауман. Так как с'езд лиги должен был состояться после II с'езда партии, на котором «искровцы» раскололись, то с'езд лиги обещал быть (и действительно был) весьма бурным. Члены лиги, приехавшие на с'езд, разделились на сторонников большинства и меньшинства II с'езда партии. Деятельным организатором сторонников большинства с'езда лиги был т. Бауман, на квартире которого у нас бывали совещания и составлялись заявления и всякие документы по поводу с'езда лиги. В 1904 г. т. Бауман вернулся в Москву, где ему удалось сравнительно долго проработать.

До самой своей трагической смерти он оставался революционным марксистом — твердокаменным большевиком.

2 июня 1925 г.

Сб. «Товарищ Бауман», изд. Истпарта, 1930 г.

В. Бобровский.

Н. Э. БАУМАН В КИЕВСКОЙ ТЮРЬМЕ

Дела давно минувших дней. Почти двадцать один год прошел с тех пор, как я в первый раз встретился с т. Бауманом. То было на юге, в Киеве, в Лукьяновской тюрьме.

Когда в середине февраля 1902 г. меня привезли из Москвы в это узилище, я там застал его вместе с другими товарищами «искровцами» в количестве девяти человек. Помимо их, как можно легко догадаться, в этой огромной тюрьме сидело немало еще народа. В нашем одиночном мужском корпусе было до сорока человек. В главном сидела все больше случайная «политика»; рабочие-массовики и студенты, забранные то на демонстрации, то на массовке в лесу и т. д. Количество политических заключенных главного корпуса постоянно колебалось, но, как помню, никогда не спускалось ниже восьмидесяти. Был еще женский политический корпус, далеко от нас расположенный, равный нашему по помещению, где сидели товарищи женщины, «политики»,— «важные» и «неважные». Сколько было товарищей женщин, не припомню сейчас, но, кажется, не меньше, если не больше, чем нас, мужчин, на нашем мужском. Было много и уголовных; те сидели в главном корпусе, где помещалось и пересыльное отделение. Уголовники исчислялись, как помню, сотнями.

Лукьяновка была целым поселком, и жизнь в ней кипела ключом. Вечный неумолчный шум и гам от человеческого муравейника, превращавшегося порой неожиданно в настоящую бурю звуков, когда «политика» не выдерживала и устраивала шумные обструкции протеста против своего заключения с битьем стекол, с таранными стуками по запертым дверям камер.

В этом-то своеобразном поселке я и встретил Николая Эрнестовича. Члены группы из девяти искровцев, к которой он принадлежал, незадолго до моего прибытия были свезены в Лукьяновку чуть не со всех концов «Российской империи». Это был всероссийский провал: агенты заграничного центра нашей партии — агенты «Искры». Жандармам предстояло большое дело и награды. Я исповедывал ту же веру, что и искровцы. Но я, как и остальные товарищи, бывшие в то время в Лукьяновской тюрьме, были местными партийными работниками, а они несли общепартийную работу. И если я был привезен из Москвы, то только потому, что туда я пытался скрыться из Киева, где работал в качестве члена Киевского комитета.

Наш мужской корпус жил своей, обособленной от других корпусов жизнью. У нас, как и во всей тюрьме, двери всех камер от утренней до вечерней поверки были открытыми, и мы жили своей коммуной, со своим старостой, общим коммунальным питанием. Целые дни то ходили в гости друг к другу, то коротали время на своем довольно тесном дворе, где порою устраивали общие шумные игры, порой проводили время за общими беседами, устраивали хоровое пение и т. д.

В такой обстановке легко было узнать друг друга. И среди всех товарищей как с местной, так и с центральной работы Н. Э. Бауман выделялся одной особой чертой.

В те времена, когда более или менее ответственные партийные работники вели свою партийную родословную с конца или даже в середины 90-х годов, в настроениях, в обликах многих и многих из нас было много черт только-что минувшей поры народовольчества, несмотря на наши самые твердые марксистские основы.

В партийных верхах, вплоть до местных, как теперь мы их называем, комитетов, господствовали с.-д. интеллигенты. Облик партийца-интеллигента со всеми положительными и слабыми сторонами был господствующим обликом тогдашнего партийца-подпольщика. Николай Эрнестович, будучи человеком с высшим образованием и имея все основания носить это интеллигентское обличие, был счастливым исключением из общего правила. В нем не было никаких интеллигентских «настроений». Не было и следа душевной расхлябанности. Он был прирожденным твердокаменным большевиком, каковым он стал на другой день после раскола партии. Он был таким не только по своим убеждениям, но и по своему нутру, по своему духовному складу. Верный товарищ, коренной партиец-подпольщик, он нес с собой, помимо горячей веры в дело, за которое он отдал свою жизнь, бодрость, смелость, неутомимость, жизнерадостность. Будучи сыном мастера (немца), Николай Эрнестович, по случайному обстоятельству (жена его была из богатой семьи) никогда не нуждался материально и, будучи на свободе, использовал это во славу конспирации — мог одеваться не только прилично, но изысканно, что в те времена очень и очень помогало заметать следы. Он не стеснялся своего «богатства», что обязательно сделал бы на его месте чистокровный интеллигент. Он только использовал его во-всю, щедро помогая товарищам и партийному делу.

Прозвали в тюрьме мы его «балериной». Ловок, гибок, силен он был и умел в минуту бесшабашного веселья, которое

порою налетало на всех нас, ловко подражать танцам балерины.

Товарищи искровцы вскоре после своего ареста задумали бежать из тюрьмы. В один из самых прекрасных дней всей моей жизни один из них, в качестве дежурного по с'естной кладовой, разрезая вместе со мною, тоже дежурным, колбасу на кусочки, по восьмой фунта на брата, на ужин для всех товарищей нашего корпуса (на ужин у нас шли все передачи с воли), шопотом сообщил мне о плане побега и предложил мне присоединиться к ним. Бурно забилось сердце от радости. Согласие дал, не колеблясь... Готовились бежать вечером с вечерней прогулки, прямо через стены двора. Собирались бежать в мае месяце. Но случилось несчастие: один из группы искровцев во время наших игр сломал ногу. Долго ждали, чтобы зажила его нога. И, как теперь помню, назначили побег на вечер 15 июля. Все было готово. Тюремных сторожей в течение месяца мы постоянно угощали то вином, то спиртом, чтобы легче было в нужный день вместе со спиртом угостить снотворным.

Времена были деликатные, нужно было усыпить стражу, но не до смерти. Чтобы знать, как это сделать, в городе был специально для этого врач, свой человек, который снабжал нас снотворным зельем. И мы, чтобы не усыпить навеки стражу, решили испытать это зелье на себе. Подсыпали потихоньку снотворного лекарства участникам будущего побега (меня, вероятно, по причине моей нервозности исключили из числа тех, над которыми производили эти опыты), давали просто пить. Долго ничего не выходило: ничем нас не усыпишь. Наконец — удача. Хорошая доза хлоралгидрата усыпила одного из нас, и он, как по-писаному, крепко и скоро заснул ровно на полчаса, как предсказал врач. Нам больше и не нужно было.

Во всех приготовлениях Николай Эрнестович принимал самое горячее участие. Из простынь свили веревки для лестницы, на перекладины пошли ножки от венских стульев из камер. Достали с воли якорь «кошку», к которой прикрепили лестницу. Научились строить «пирамиду», двое внизу, один к ним на плечи, а четвертый к нему на плечи и руками уже мог лечь на самую стену и забросить «кошку», зацепив ею за наружный карниз стены. Все было готово. Но семь раз пытались, семь вечеров выносили всю музыку на двор, и всегда что-нибудь мешало. Наконец, 18 августа того же 1902 г., в 9 часов темного вечера, все удалось. Напоили двух сторожей внутри коридора: один заснул, другой очумел. Наружному, что был с ружьем, дали стакан со спиртом и с этой гадостью (пробовал я одну каплю выпить, и показалось, что

мне кто-то гвоздь в горло воткнул, так обдирало глотку это питье). Выпил полстакана — больше не мог. Плохо выходит. Напали на него, отняли ружье, связали кое-как. Заткнули рот платком. Через минуту, как отошли, он уже рот освободил, и кричит не своим голосом: «Ратуйте, ратуйте». И так не унимается, но мы со всеми другими товарищами приучили тюрьму и не к таким крикам. Никто и внимания на этот крик не обратил.

Я шел по списку последним. Видел, как каждый взбирается по лестнице и затем там наверху пропадал во мраке ночи неизвестно куда. Всякий шел своей ухваткой. Кто быстро, кто с остановкой. И лучше, красивее всех взобрался и исчез т. Бауман. Когда я в эти минуты напряжения всех человеческих нервов наблюдал за всеми мелькавшими передо мною при тусклом свете тюремного фонаря фигурами товарищей, движения Баумана мне показались взмахом крыльев легкой птицы. Последним спустившись по канату наружу во тьму кромешную, я, обладая достаточно длинными и в те годы быстрыми ногами, скоро догнал Баумана, ушедшего одним из первых. Только-что пошли дальше вместе (уже в черте города, тюрьма за городом — десять минут моего тогдашнего бега), вдруг послышался стук дрожек по мостовой. Подумали — погоня. А погоня уже была, как только мы все перебрались через стену. В ту же минуту часовой, которого мы связали, добрался до винтовки ползком и выпалил из нее.

Бауман подсел под какой-то мостик, я залег в ров (тут было шоссе, которое являлось границей города). Шум пролетки затих, вылезаю. Баумана и след простыл.

Всякими путями спасались мы потом. Все мы благополучно добрались; провалился лишь бежавший с нами славный парень рабочий, по партийности эсер. Уже через пару недель собрались мы все, беглецы, в Цюрихе, в Швейцарии, и отпраздновали свое освобождение маленькой дружеской пирушкой в ресторане «Под золотой звездой» и рассказывали друг другу о своих скитаниях.

Кое-кого из нас, и меня в том числе, товарищи не узнали: из блондинов мы перекрасились в брюнетов. Бауман не красился. Прямо после побега забрался он к своему знакомому адвокату — сочувствующему. Жил адвокат в Киеве в шикарной квартире. Был одинок, и во всем доме, кроме него, был только лакей его — верный человек. Две недели прожил т. Бауман у этого адвоката, как говорится, как у Христа за пазухой. Отдыхал, от'едался после тюремного недоедания и целыми днями читал — была у того адвоката хорошая библиотека; а потом, обрившись, сняв свою большую бороду и

одевшись щеголем, нанял лихача и открыто поехал прямо на киевский вокзал, купил билет первого класса до Вильно — и был таков. Кто посмел бы тронуть барина, да еще немца по виду? Кто мог догадаться, что это не барин и не немец, а всего-навсего «политик», беглый арестант?

В Цюрихе он оставался недолго. Встречался затем я с ним часто в Женеве уже в конце лета 1903 г. Он все так же сиял здоровьем, молодостью, жизнерадостностью, приветливостью. Молоды мы все были, беглецы киевские, как на подбор: почти все мы были одногодки. И было каждому из нас по 28 лет отроду. Хорошие года...

Вернулись той осенью в Женеву товарищи со II с'езда нашей партии, и узнали мы, киевляне, про раскол и сами раскололись чуть не на второй день после их приезда. Часть пошла за Мартовым, за меньшевиками; другая, наша часть — за Лениным, за большевиками. Тов. Бауман, рожденный быть революционером, сразу оказался, конечно, с большевиками, с Лениным.

Скоро уехал я в Россию на работу на Кавказ и потерял из виду Николая Эрнестовича. Везли меня потом этапом из бакинской тюрьмы в архангельскую ссылку осенью 1905 г. В ростовской тюрьме этапная остановка. Сидим неделю, другую, не везут дальше. Слышим: забастовали железные дороги, ну, а потом и пошла писать губерния. Вышел царский манифест, стали всех выпускать, но меня с одним товарищем не освободили. Сидим и видим — сначала за стеной наша победа. Диву даемся, чего же нас не выпускают. А потом поняли: три дня город был в зареве черносотенного погрома. Вот тут-то, сидя еще в ростовской на-Дону тюрьме, в один ужасный день слышим, кричит кто-то с воли: «В Москве Бауман убит».

Через пять дней выпустили нас. Приехал я в Москву и узнал все подробности гнуснейшего убийства т. Баумана, всю жизнь шедшего впереди других, боровшегося за великое дело освобождения пролетариата. В час, когда пролетариат поднялся и рвался вперед к светлому будущему, его, Баумана, сразила рука презренного холопа, рука верного сына полицейского участка.

Иногда художники в образах дают нам картину борьбы добра со злом. Но никто из них не превзошел в своем творчестве того, что дала нам жизнь, в тот день: верный солдат пролетарской революции, всегда во все дни своей короткой жизни бывший на своем опасном посту, погибает со знаменем в руках от удара железной дубины подлого охранника.

Бауман умер, но и своей геройской смертью продолжает

он свою неустанную работу, свой призыв к непримиримой ненависти к эксплоататорам, к миру капиталистического рабства.

Р. Землячка

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

Утром в день об'явления манифеста собрался МК, чтобы обсудить создавшееся положение. Радость наша была велика: манифест, которому мы не придавали никакого значения, являл собою все же большую победу рабочего движения. Помню, с какой радостью встретили меня (я немного запоздала). Больше всех радовался Николай Бауман: он был весел, как ребенок. Было решено после обсуждения листка в ответ на манифест прервать заседание и итти освобождать Таганскую тюрьму. Масса собралась без нашего вызова,— так интенсивна была в то время жизнь. Штаб наш помещался в Высшем техническом училище, на Немецкой улице, где и происходило собрание МК. Все вместе мы вышли из училища, но Бауман сказал мне, что хочет позвать с нами еще одну фабрику. Мы торопились, и я просила его не задерживать нас, но он крикнул: «Не пройдет пяти минут, как я буду с вами!», сел на извозчика и укатил со знаменем в руках. Не прошло пяти минут, как мимо меня пронесли труп Н. Баумана.

Шествие было прервано. Целый день шли митинги у тела самого любимого, самого дорогого нам товарища. Была опасность, что его у нас отберут, потому что враги знали, что смерть эта всколыхнет и те ряды, которые не шли еще за нами; враги боялись похорон, демонстрации, и мы, не смыкая глаз, дежурили непрерывно у его гроба до 20 октября, когда были похороны — этот апофеоз московского рабочего движения для того времени.

Я помню огромную радость, которую мы испытали в этот день, несмотря на потерю одного из наших любимых друзей. Мы знали, что в этот день рабочий становится впервые хозяином положения и впервые показывает свою власть. Все в этот день было подчинено в Москве этой власти, и все кругом ликовало вместе с нами. Темные силы спрятались и обнаружились только назавтра.

Помню недоумение на лицах представителей либеральных организаций, когда им было заявлено, что в шествии они будут занимать последнее место, а впереди будут рабочие. Почему-то запомнились мне лица представительниц от Лиги равноправия женщин, когда я заявила им о том же.

Вся Москва была с нами, а впереди всех — рабочие. Но в этот вечер, несмотря на запрещение МК, группа в 100 человек с похорон отправилась демонстрацией к университету. Здесь из манежа, где прятались черносотенцы, был дан по ним залп, и много было убито и ранено. А во время похорон и шествия — ни одного выстрела, ибо мы устрашали своих врагов силой сознательной, дисциплинированной массы.

С. Черномордик (П. Ларионов)

УБИЙСТВО БАУМАНА

(Воспоминание очевидца)

Ночью 17 октября (ст. ст.) 1905 г. в штаб Московского комитета РСДРП(б), находившегося в то время в бывшем Императорском техническом училище, бомбой влетела буржуазного вида дама и сообщила от имени с'езда партии народной свободы — в то время заседал учредительный с'езд партии к.-д. — о царском манифесте. По ее словам выходило, что борьба народа за свободу закончилась его полной победой и отныне самодержавия не существует. Дама передала нам привет от партии к.-д. и поздравление с победой. На нас это сообщение не произвело того впечатления, которое ожидал, повидимому, встретить кадетский вестник. Поверхностная либеральная восторженность наткнулась на суровость мысли пролетарской партии. Мы просили передать кадетскому с'езду, что, даже и не будучи знакомы с деталями манифеста, мы полагаем, что борьба народа за свою свободу не только не закончилась, а только начинается, что победа народа определяется не клочком бумаги, а его реальной силой и организованностью, и что в дальнейшем предстоит колоссальная работа партии пролетариата по закреплению завоеваний народа, обещанных царем в манифесте, путем усиления и расширения его организаций. Дама ушла разочарованная.

Оказавшиеся налицо члены Московского комитета тут же собрались обсудить тактические вопросы завтрашнего дня. Мы все сошлись на той бесспорной мысли, что царское самодержавие дрогнуло, и задачу нашей дальнейшей работы мы определили как необходимость повалить его на обе лопатки.

Мы решили повести утром 18 октября рабочих с митингов в Техническом училище освобождать политических заключенных Таганской тюрьмы. Это должно было служить

испытанием реальности царского манифеста и сил как наших, так и царского самодержавия.

С утра 18 октября, как всегда в те дни, все аудитории Технического училища были полны рабочими, слушавшими ораторов. Были мобилизованы все силы МК для успешного проведения приступа на московскую Бастилию. Все наши почти были в сборе. Среди нас был и «дядя Коля» — Николай Эрнестович Бауман.

Около 12 часов дня 18 октября мы, по заранее разработанному плану, пошли по всем аудиториям Технического училища приглашать рабочих на демонстрацию к Таганской тюрьме. Рабочие радостно покидали аудитории, выходили во двор, где строились в колонны. В некоторых аудиториях пришлось встретиться с сопротивлением эсеров, которые были обижены тем, что они не занимают в демонстрации руководящего положения. В порядке построения колонны впереди была выстроена наша боевая дружина.

Приблизительно часа в два дня демонстрация двинулась. По выходе со двора Технического училища на Коровий Брод солдаты резервного батальона, находившиеся против казармы, приветствовали демонстрацию. На рабочих, которые привыкли к тому, что солдаты стреляют в рабочих, это произвело сильное впечатление.

Когда демонстранты вышли на Немецкую улицу (ныне Бауманскую) и собирались повернуть налево, у фабрики Дюфурмантеля (направо) стояла толпа рабочих. «Дядя Коля», бывший во главе демонстрантов, не вытерпел,— заговорило сердце революционера. Он сел на случайно подвернувшегося извозчика, случайно, так как и извозчики в те дни бастовали, с тем, чтобы под'ехать к группе рабочих и присоединить их к демонстрации. Кто-то вручил «дяде Коле» красное знамя.

До сих пор живо встает передо мною картина: одухотворенный «дядя Коля» на извозчике с развевающимся красным знаменем в руках. Все повернулись направо, устремивши свой взгляд вслед «дяде Коле» в ожидании его возвращения с рабочими.

Но не суждено было вернуться «дяде Коле». Не от'ехал он и двадцати саженей, как наперерез ему у фабрики Щапова выскочил человек и ударил его по голове какой-то палкой (впоследствии «палка» эта оказалась газовой трубой).

Склонился «дядя Коля», склонилось красное знамя... Наши дружинники побежали, начали беспорядочную стрельбу. Началась паника, бросились бежать в соседние дворы. Когда через минут пять паника улеглась, принесли бездыханный, изуродованный труп «дяди Коли», убитого черносотенцем.

Это убийство произвело такое удручающее впечатление на всех участников демонстрации, что пришлось отказаться от первоначальной цели демонстрации. Тело Н. Э. Баумана было перенесено в актовый зал Технического училища, где оно было выставлено до самых похорон. Участники демонстрации вернулись в Техническое училище, где с этого времени до погребения все митинги были посвящены Н. Э. Бауману. Широкие рабочие массы, до того не слыхавшие о существовании Баумана, только после его трагической смерти узнали, «какое сердце биться перестало», узнали, что погиб их вождь и их друг.

Вся рабочая Москва 18—20 октября находилась под впечатлением смерти Н. Э. Баумана. Не было ни одного митинга, ни одного рабочего собрания, где бы обсуждались другие вопросы, кроме убийства Баумана и предстоящих похорон. Можно сказать, что не только вся сознательная жизнь была отдана Н. Э. Бауманом революции и нашей партии, но и самая его смерть послужила росту и влиянию партии. Его смерть неразрывно связала нашу московскую большевистскую организацию с рабочими массами, показав последним, кто их настоящие друзья. До чего была возбуждена рабочая масса Москвы против убийцы, показывает такой факт. На одном из митингов, кажется, в Институте путей сообщения, кто-то пустил слух, что среди присутствующих находится убийца Баумана. Я был свидетелем, как все набросились на какого-то человека и хотели его растерзать. Только выяснение недоразумения спасло его от смерти.

На следующий день, 29 октября, в штаб МК явился пристав местного участка и просил отдать судебным властям для медицинского вскрытия труп Баумана, так как убийца арестован и против него возбуждено уголовное дело. Конечно, было ясно, что агентов правительства меньше всего занимали интересы правосудия, а что это обычная полицейская уловка, чтобы сорвать готовившиеся грандиозные похороны. Мы, конечно, пристава выпроводили.

Несколько слов об убийце Н. Э. Баумана. Фамилии его я не припомню, в делах Московской судебной палаты она, конечно, имеется. Он был арестован, судился Московской судебной палатой, приговорен к двум годам арестантских рот, а затем помилован Николаем. Следовало бы установить на основании документов бывшей московской охранки, был ли это просто черносотенный фанатик или агент охранного отделения. У всех партийных товарищей того времени сложилось твердое убеждение, что все это дело было подстроено охранкой.

„Пролетарская революция“ № 9 за 1922 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Н. Э. Бауман в период ленинской „Искры"

Н. Э. Бауман — организатор побега „искровцев" из Киевской тюрьмы

Н. Э. Бауман в период II Съезда Российской социал-демократической рабочей партии

Отв. редактор *И. Ворошилин* Техредактор *В. Борисов*

Переплет художника *Е. Соколова*
Сдано в набор 16/I-1937 г. Мособлгорлит № Б-2718
Подписано к печати 26/V-1937 г. Московский рабочий № 1
Формат бумаги 62 × 94 1/16 Тираж 16 000 экз.
Объем 9 п. л.+1/2 л., в п. л. 41472 зн., уч. авт. л. 9,5 Зак. тип. № 65
Цена 2 руб. Переплет 1 руб.

13-я типография и штемп.-граверная Мособлполиграфа, Петровка, 17

Цена 3 руб.